

Александра Арсентьева

*Любовь
не терпит
сослагательного
наклонения*

Роман

Александра Арсентьева
Любовь не терпит
сослагательного
наклонения. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22876073

ISBN 9785448373237

Аннотация

Мой четвертый роман, родившийся после неожиданного и робкого признания в любви. Опять же много личного...
Остальные части – как обычно, романтика, эротика и любовь...

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	51
Глава 8	60
Глава 9	74
Глава 10	80
Глава 11	100
Глава 12	110
Глава 13	119
Глава 14	130
Часть 2	135
Глава 1	135
Глава 2	142
Глава 3	148
Глава 4	153
Глава 5	161
Часть 3	168

Глава 1	169
Глава 2	174
Глава 3	179
Глава 4	185
Глава 5	191
Глава 6	199
Глава 7	206
Глава 8	212
Глава 9	220
Глава 10	224
Часть 4	235
Глава 1	236
Глава 2	243
Глава 3	251
Конец ознакомительного фрагмента.	253

Любовь не терпит сослагательного наклонения Роман

Александра

Александровна Арсентьева

© Александра Александровна Арсентьева, 2017

ISBN 978-5-4483-7323-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**История ни в коем случае не служит
советом мужчинам, изменяющим
своей единственной, но определенно
учит молодежь следующему унылому
правилу: жить приходится не с партнером,
а с его родственниками**

**Впервые в жизни роман не является сказкой
на 100%,**

**он неоднозначен во многих смыслах
и является продолжением предыдущего романа**

Часть 1

Что такое любовь?

*Любовь не терпит сослагательного наклонения:
Что было, есть и будет – то уйдет.
На базе грустного и жалкого стихотворения
Нам вечность для любви не подойдет.
Любовь не терпит сослагательного наклонения:
Рождается поэзия души.
Влюбляясь, все сердца напоминают отклонения:
И чувства, боль и счастье опиши.
Любовь не терпит сослагательного наклонения:
Мы все потомки диких сумасшедших.
На базе грустного и жалкого стихотворения
Скитаемся, храня остатки прежних дней
ушедших.
Александра Арсентьева*

Пролог

Какая девушка не хочет быть счастливой? Какая девушка не мечтает о взаимной и романтической любви? Таких нет – скажете вы, и будете абсолютно правы. А теперь спросите себя: а почему ни у одной из них не сбываются сказочные мечты? Все просто: ни один из нас, будь то мужчина или женщина, не хочет работать на отношения. «А-а-а, все забудется

и все простится, как это было миллионы лет назад...» Так заблуждаются целые поколения. А мы, наивные девушки... все еще верим в любовь и все еще ждем принца, следуя веянию времени, на белом Мерседесе...

Глава 1

20.06.2015г. – 21.09.2015г. 21.15ч.

Профессор Ной так привык к тому, что жена называла его профессором наедине, что, услышав это, понимал мгновенно: будет секс. А секс с любимой женой – синоним слова «счастье». Бывает, оказалось, что счастье приходит к человеку с небольшим опозданием, но зато навсегда. Но полному счастью всегда кто-то мешает. Симпатичный бывший коллега, например, когда-то признававшийся в любви... Не прямым текстом, одними намеками, но суть-то от этого не меняется.

Ванджелис больше не собирался скучать по Одри. Он собрал свои вещи и... приехал к ней. Как всегда в отсутствие любимого мужа. Профессор был на работе, а Одри нянчила красавицу Рухсар, безумно похожую на Роберто Барберри и на скромного и интеллигентного профессора.

Одри открыла Ванджелису и изумилась, как он изменился. Когда мужчина женится не на той женщине, на которой мечтал, он страдает точно так же, как и женщина в подобной ситуации. Единственное отличие: мужчины о своих страданиях не говорят. Но в глазах у такого мужчины появляется нечто особенное, необыкновенное, что привлекает женщин, с рождения склонных жалеть того, кому плохо.

Одри немедленно начала жалеть Ванджелиса. Когда домой пришел муж, он сразу все понял: они поболтали о прошлом, настоящем и Одри приняла его как родного. Сейчас скажет, скромно опуская глаза: не на улицу же его выгонять, ведь он только приехал. А еще добавит: он же твой друг, как ты так можешь, мы с ним просто общались, но во мне и то больше сострадания... Любая женщина умеет взбесить любимого мужчину, ласково разговаривая с его соперником, но при этом стыдливо опуская глаза и изображая святую невинность.

– Дорогая, нет! – не допускающим возражений тоном заметил профессор Ной.

– Что нет? Я тебя не понимаю, – Одри сделала те самые, классические невинные глаза.

– Ванджелис у нас на ночь не останется.

– Что, я не ослышалась? В моем доме командуешь ты?

– Это наш дом, любимая, – профессор сердился, зная, что сейчас она сделает все, чтобы настоять на своем и вдобавок ночью ему не обломится.

Разъяренная женщина, чьи планы нарушает мужчина, всегда мстит именно так: лишает виновника сладкого.

– Будет так, как я говорю. Точка.

Профессор понял, что спорить бесполезно и замолчал. И тут заговорил виновник спора, как и ожидалось.

– Этель, не стоит спорить из-за моего появления. Я сейчас уеду.

– Ты приехал в поисках моего сочувствия. Было бы непорядочно лишать тебя той малости, на которую ты рассчитывал.

«А, по-моему, свинство: рассчитывать на сочувствие чужой жены. Скажи я об этом – мне секса не видать до пенсии, зато этот хитрец получит все, чего буду несправедливо лишен я, несчастный и старый профессор».

– Хорошо, я не стану спорить и переночую у вас.

«Еще б ты спорил! Было бы, из-за чего! Красивая, ласковая и нежная... чужая жена. Идеальные... выходные, черт бы тебя побрал!»

Одри улыбнулась чему-то. Мужчине никогда не понять, о чем думает женщина. Не имея возможности разгадать женские мысли, он ревнует к ее внутреннему миру. Мужчина любит глупо и мило и это его единственное оправдание, когда женщина намерена с ним расстаться или что-то в нем ее не устраивает.

Поздним вечером, когда Ванджелис уснул в соседней комнате, Одри ласково прижалась к мужу и произнесла со смехом:

– Лучший способ с пользой потратить ревность – заняться сексом.

Профессор невольно сжал ей руку, лежа в постели.

– Я так тебя люблю, Ной!

– Сейчас ты меня любишь, потому что я ревную. Давай, добавь, что причин у меня нет.

– Почему нет? Причины всегда есть, надо только постараться найти.

– Ты что, смеешься?

– Да. Смех продлевает любовь.

– Особенно учитывая то, что женщины обожают смеяться над мужчинами.

– Над своим мужчиной – да, все верно: обожаю смеяться! Ты так красив сейчас! Какие влюбленные глаза! Так здорово, что именно ты мне достался!

– Ах, да: возможны были многочисленные варианты. Адамиди твой – звучит, как песня!

– Лишь в твоих речах я слышу песню. Все остальные мужчины мне до лампочки.

– Скажи честно: тебе нравятся твои поклонники? Они хоть немного тебя волнуют?

– Да.

– Почему ты хотя бы в данную, интимную минуту, не можешь соврать?

– Я вообще не вру, никогда и никому. А ты – мой личный дневник, я тебе поверяю все свои тайны. Если помнишь, я издала роман о нас, все свои стихи о тебе и мои книги имели успех.

– Но мне было бы... приятнее услышать ложь.

– Нет. Ты бы цеплялся ко мне с этим же вопросом до тех пор, пока не услышал правду. Я тебе и себе время сэкономила.

– Почему все юные жены обожают хвастаться своим прелестным возрастом?

– Ничуть. Это ты везде видишь какие-то намеки на количество лет, что нас разделяет. А на самом деле у нас обоих времени полно: мы любим друг друга.

– А в соседней комнате спит твой поклонник, разведенный и мечтающий услышать от тебя пару ласковых слов.

– Знаешь, почему я хочу тебя сейчас?

– Потому что рядом он и это тебя волнует.

– Потому что это так пикантно: мы не одни, но имеем возможность заняться прелестными глупостями. Пока предлагаю, соглашайся, а то обижусь и больше ничего не дам.

– Я согласен. Я с первой минуты считаю тебя своей...

– О, я наслышана об этом!

– То есть?

– Твой коллега Шишкиннс сменил название папки с моими документами после того, как узнал, что ты не в восторге от того, что он зовет меня Этелфрита.

– Откуда тебе об этом известно? – прищурился профессор.

– Догадалась. Я очень умная, когда дело касается любви и... предполагаемых отношений. Поцелуй меня – я этого жду!

Профессор поцеловал Одри...

Глава 2

Мама профессора Ноя даже спустя несколько лет не могла поверить в чудо: ее сын женился на необыкновенной женщине. Одри же объясняла подобную несуразность всем, в том числе и свекрови обычно предельно просто: «Он просто чудо! Моя слабость – наука, она же является и моей целью. В связи с этим академики, профессора и научные сотрудники – мой идеал мужчины. Обладатели карих глаз получают от меня дополнительный бонус».

– Ты мне не говорила, что я – твоя слабость.

– Не ты, а твой образ жизни. Ты меня слушаешь, ты исполнителен – как раз такой мужчина, что мне нужен. И ты можешь меня видеть в окружении других мужчин и просто ревнуешь.

Профессор Ной искренне возмутился и спросил:

– А что я должен делать, по-твоему?

– То и должен делать, что я сказала. Так мило, когда ты ворчишь и слушаешься меня!

– Я... Я не знал, что я такой вот... мужчина! И мне неприятно узнавать, что, будучи нелепым неудачником, я тебе нравлюсь!

– Дорогой профессор, если с этого дня вы будете недовольны своим положением в браке и станете меняться в сторону обыкновенных, примитивных мачо, я с вами разве-

дусь! – Одри рассердилась.

– Ты скромняжка, нет?

– Может быть.

– Таким и оставайся. Я тебя таким встретила, нашла, обнаружила и употребила в личное пользование. Кроме того, твой рост – моя мечта!

– Средний рост.

– Любимый, а если бы я спросила, какой у тебя размер сам понимаешь чего, ты бы и тогда ответил: среднестатистический? – она подмигнула мужу.

– Ох, Одри, я слишком стар для таких откровенных шуток! – он потянулся поцеловать ее.

– Ты не старый, ты выдержанный... как вино, – она рассмееялась и ответила на поцелуй.

– Одри, я тебя люблю! Зачем я ждал столько лет и не спрашивал, выйдешь ли ты за меня замуж?

– Меня как раз шокирует другое: как в тот вечер ты рискнул поцеловать такую крутую девушку, как я?

– Я устал... хотеть любить тебя. Да-да, любимая и единственная внучка Роберто Барберри достойна большего – это ты хотела сказать?

– Вовсе нет. Другое, более ценное замечание: я закрытая и одновременно простая.

– На самом деле ты стоишь дороже, чем выглядишь.

– А сколько я стою? – она серьезно посмотрела ему в глаза.

– Столько, чтобы бросить меня в один прекрасный день.

– День, когда кого-то бросаешь, нельзя по определению назвать прекрасным.

– Я вообще не понимаю, зачем ты со мной связалась.

– Ну... ты пришел ко мне в гости и без моего разрешения переспал со мной. А потом я нашла кольцо...

– Я хотел сделать тебе предложение по всем правилам. Несколько фильмов посмотрел на эту тему... книги прочел...

– Это я сделала тебе предложение.

– Когда это? – удивился Ной.

– Да в тот день, когда вручила тебе свои глупые стихи.

– Но я купил кольцо...

– И как можно было не заметить моего дедушку в магазине?

– Я был увлечен.

– Мной или сложившейся ситуацией? – улыбнулась Одри.

– Твоей сексуальностью и... недоступностью.

– Я... э-э-э отдалась тебе незадолго до этого.

– Это был шок, а не секс. Секс у нас с тобой начался после свадьбы.

– У нас с тобой после женитьбы началось безумие. Мы безумно любим друг друга.

– И именно поэтому ты флиртуешь с Леонидасом каждый божий день. И Ванджелиса пришлось на седьмой день общего с нами проживания гнать поганой метлой. Но ты дулась на меня три дня!

– Это же любовь!

– Уточни только, к кому именно из нас, грешников!

Одри рассмеялась.

– Я люблю флиртовать с твоим другом.

– И почему? Могу я хотя бы на правах законного супруга поинтересоваться?

– Обязательно можешь! С ним можно, он не опасен. С опасными мужчинами не флиртую. С обаятельными – тем более.

– А с ними-то почему? Как говорится, сам бог велел! Они для этого и живут: принимать знаки внимания от женщин!

– Они мне не нравятся. Ничего, кроме смеха, обаяние и примитивные мужские шутки не вызывают. Такие мужчины вообще ничего не умеют, ни к чему не стремятся, ленятся что-либо делать, зато очень много разговаривают и обожают ко всем женщинам без разбора приставать. А они считают, что у женщин, не отвечающих на их заигрывания, нет чувства юмора.

– И что феминистки уверены: мужчина – это диагноз.

– Угу. При всем притом мужчины, наблюдая, как мне смешны их шутки, воображают, что они нравятся мне. Чудовищное самомнение! Когда мне нравится мужчина – я поступаю проще: делаю ему предложение.

– А я...

– В случае с тобой я так и сделала: я предложила себя, разве нет?

– Я... не понял этого.

– Обожаю мужчин, ничего не смыслящих в любви! Они порядочные и стеснительные, а также вежливые и романтические. Все лучшие черты в одном флаконе! Мне пикаперы... противны.

– Одри, боже, как ты хороша! На тебя правда не действует мужское обаяние?

– Чистая правда!

– Но... Леонидас... он безмерно обаятелен...

– Он не нравится мне всерьез. Мужчинам-то флиртовать можно! А женщинам воспрещено? А как же твоя Юфем со своим кофе в постель?

– Будь проклят тот день, когда я решил отомстить тебе за Ванджелиса!

Одри рассмеялась.

– Иди ко мне!

Профессор Ной лег рядом с ней на кровать.

– И как ты можешь меня ревновать?

– Почему же не могу? Я же человек.

– Да в этом нет никакого смысла!

– А в твоей ревности, выходит, есть смысл?

– Я... мужчина. Когда я ревную, ты счастлива.

– То есть ты несчастлив, когда я ревную?

– Слишком счастлив, дорогая, но мне стыдно.

– Стыдно? Почему?

– Я старый и некрасивый.

– Поразительные выводы ты делаешь, профессор!

Профессор Ной стал раздевать жену.

– Я хочу тебя, когда ты зовешь меня профессором. Я мечтал, что ты будешь так меня называть, хоть это даже звучит непристойно.

– Да все нормально! Так что там дальше? Почему я не могу тебя ревновать?

– Я... возбуждаюсь, но я этого недостоин.

Одри рассмеялась и стала помогать ему раздеваться.

– Все верно: ничего из вышеперечисленного ты недостоин, но я решила дать тебе шанс...

Глава 3

Одри постоянно приставала к своему профессору, когда он проверял тетради для практических работ дома. Профессор Ной обычно очень мужественно продолжал проверять тетради и молчал. Даже рук ее не убирал, просто терпел ее нескромные ласки, считая их в душе издевательскими. Но Одри не была бы нормальной женщиной, если бы однажды не пристала к нему основательно.

– Дорогой мой, я тебе не нравлюсь?

– Это провокационный вопрос?

– Естественно! Я бы не сделала тебе предложения, если бы не мечтала, чтобы ты иногда поддавался... на провокации.

Он вынужденно повернулся к ней.

– Ну... ты же знаешь ответ.

– Не знаю. Я хочу услышать, что ты меня любишь.

– Я не могу говорить это... слишком часто. Я говорил это в начале, с тех пор ничего не изменилось.

– Это я уже где-то слышала. Фу, так говорить собственной жене!

– Я тебя не понимаю.

– Все ясно, я вышла замуж за тормоза – это я знала с самого начала...

– Что ты знала?! – профессор Ной был шокирован подобной откровенностью.

– Неудачник, тормоз, старик для тебя... И что там еще тебе во мне не нравится?

– Кто сказал, что не нравится? Очень, о-о-о-ч-е-е-е-нь нравится! М-м-м! Я вообще тебя люблю! Меня такие вот и заводят!

– Я... сейчас занят.

– И пяти минут не сможешь выделить на общение со мной?

– Мне пяти минут... не хватит, – он опустил глаза от смущения.

– Я знала, что я такая вот...

– Какая?

– Женщина, которую не хочется отпускать.

– Раз уж мы с тобой об этом заговорили, то какой тогда я?

– Ты хочешь узнать, почему я каждый раз выбираю столь неподходящее время для приставания?

Он кивнул, не зная, как побороть смущение.

– Ты очень сексуальный, когда молчишь и работаешь. Так и хочется выяснить, долго ты еще будешь молчать в моем присутствии...

– Просто... когда ты ко мне прикасаешься, я сразу же хочу. Я ведь просто мужчина, а не бесчувственное бревно.

– Я люблю тебе трогать просто так...

Профессор встал, даже не убирая тетрадей со стола, и подхватил Одри на руки.

– Я знаю, ты не этого добивалась, ты просто хотела по-

дразнить меня и поговорить со мной, но я...

– Я и себя хотела поддразнить... твоими молчаливыми взглядами. У меня внутри все кипит... от волнения. У тебя такие красивые глаза!

– Я помню, ты это мне говорила. И в дневнике писала об этом.

– Я честная... Когда я это сказала, ты хотел меня, да?

Профессор закрыл ей рот поцелуем. Одри приняла это за молчаливое согласие и рассмеялась. Когда она смеялась во время поцелуев с мужем, профессору казалось, что он смешной и нелепый. А ей казалось, что он – мужчина ее мечты.

Одри называла своего профессора в постели Вкусняшкой и нежно кусалась.

– А, знаешь, когда ты самый сексуальный? – спросила она, постоянно глядя его по попе.

– Когда же?

– Когда тебе кто-то звонит по телефону.

Профессор вспомнил, что жена в эти моменты к нему приставала просто бесстыдно. Он разговаривал, а Одри сначала гладила его тело под рубашкой, задирая ее нежно и настойчиво, а потом потихоньку просовывала руку в брюки, трогала его задницу, приспуская брюки и трусы, шла дальше, наблюдая, как муж прикрывает глаза от стеснения и немедленно заканчивала его трогать, когда он прекращал звонок.

– Чем же это сексуально?

– Как чем? На том конце провода никто не знает, чем я с тобой занимаюсь – именно поэтому мне нравится тебя дразнить. Это чудовищно аморально, учитывая мою скромность и твой характер и твои принципы, – она притягательно улыбнулась.

– Мои принципы перестали быть моими с тех пор, как мы познакомились. Ты же знаешь, я всегда тебя слушаюсь и тебе доверяю.

– Не могу сказать, что ты мне доверяешь, но ты делаешь все, что я говорю.

Вскоре, в продолжение этого разговора, Одри сказала:

– Ты почему ничего не предлагаешь?

– Ты же любишь послушных мужчин. Я послушный. Сказала спать – мы спим.

Общий смех.

– Я передумала. А еще я поняла: тебя следует научить читать мои мысли по губам, глазам и поведению. Я женщина – могу и изменить свое решение. Во всем, кроме одного: я никогда с тобой не разведусь, мы будем вместе навсегда – я так решила.

Одри так многосторонне трогала мужа, ласки ее день ото дня превращались в виртуозную палитру нежности, она научилась щекотать его задницу до мурашек, ласково прикасалась к члену губами и руками.

Однажды, когда он кончил без проникновения, она спросила:

– Как тебе такой... секс?

– Можно, ты не станешь обижаться?

– Скажи и я подумаю.

– Это не секс, это прелюдия. Да, она – предел совершенства, но я всего лишь мужчина и мне хочется... простоты. Итога, который следует для мужчины в его понимании настоящего, качественного секса.

– То есть тебе ничего такого не нужно, кроме техники. Красота, нежность и ласка не нужна. Понятно.

– Обиделась.

– Нет.

– Если ты сейчас в сердцах скажешь, что найдешь другого мужчину, который это непременно оценит, я тебе этого не прощу!

– А подумать-то хотя бы можно... о мести?

– Нельзя! Думать можно только обо мне и о том, что ты меня любишь.

– Ты же мне не говоришь об этом.

– Я стесняюсь. Ты стеснительных любишь.

– Когда ты меня впервые увидел, таратился без стеснения.

– Прости! Это был шок – узнать, что существуют такие красивые и сексуальные девушки. Я все забыл ради тебя: науку, профессию, работу, коллег, цели, достижения, родителей...

– Врешь про коллег: у тебя есть друзья.

– Самое время вспомнить о них: с тех пор, как они познакомились с тобой, – плавно переключались из разряда моих лучших друзей в список твоих поклонников.

– Я тебя люблю. Ты специально это сказал, чтобы услышать эти слова, – улыбнулась Одри.

– Мне хочется ласки... и на словах особенно. Но одной-то ласки мне мало! Я всю тебя хочу: тело, сердце и душу.

Глава 4

На очередное день рождения Одри профессор, не имея достаточного опыта, пригласил жену в ресторан. Заранее заказал столик, оставил Рухсар с родителями жены, в-общем, сделал все, чтобы они остались вдвоем. И даже гостей не позвал. Но, как это обычно бывает, вдвоем им побыть не удалось. Гости нарисовались сами.

Подошел какой-то посторонний и вполне симпатичный парень и просто так, откровенно спросил, не хочет ли она с ним потанцевать.

– Я пришла сюда не одна, – резонно заметила Одри.

Парень оглядел ее спутника очень внимательно, заметил, что он одет бедновато и, что важнее, чудаковато смотрится, так как все вещи на профессоре Ное почему-то всегда сидели как попало, как бы он ни старался это исправить. В жизни не всегда все дается. Профессору, например, не дано было выглядеть как следует, опрятно и аккуратно, а, главное, дорого, как полагалось по статусу. Все-таки он был мужем любимой внучки Роберто Барберри. На нем был довольно дорогой костюм (день рождения любимой жены) классического покроя и темно-серого цвета, очень дорогая, подаренная женой рубашка, бледно-голубая, без рисунка (ему такие шли больше всего) и темно-серый в мелкий штрих галстук. Одри терпеть не могла галстуки, тем более что мужу куда

красивее было без них, но это был дорогой ресторан и дресс код, в общем-то, приветствовался, хотя и не был обязательной программой. На Одри было белоснежное платье с довольно крупными серыми цветами, а по подолу и лифу шла желтая широкая лента. Туфли на ней были серые, с желтыми носами и на 6-см каблуках. Она не любила быть выше профессора и всячески старалась этого избегать.

К тому времени, как подошел парень – назовем его Сет – Одри и Ной заказали красное вино Γουμένισα (Goumenisa) и пили за ее день рождения.

– В качестве компаньона я подхожу Вам больше, гораздо больше, – вкрадчиво попытался поухаживать Сет.

– Счастье, знаете ли, когда люди, которые Вам не подходят – к Вам не подходят, – улыбнулась Одри.

Сет рассмеялся.

– Меня зовут Сет. И я ослеплен Вашей красотой.

– Очки купите – у Вас явная близорукость. Вы не заметили моего спутника. В отличие от Вас, я заметила его в свое время сразу.

Профессор Ной пока еще мужественно молчал, но уже предпринял попытку вмешаться, взяв жену за руку.

– А это кто? – резонно спросил Сет.

– Я ее муж. Это моя жена, – хмуро ответил профессор за Одри.

– Что?! Муж?! Да брось ты!

– Я... муж и уже довольно давно, – профессор даже разо-

злился, ему было неприятно, что парень ему не верит.

– Да ну тебя! Не может этого быть! Ты какой-то... препод. Ну, ученый, что ли. А она... богиня! Она бы за тебя не пошла!

Профессор возмущенно встал со стула.

– Как ты узнал, кто я?

– У тебя морда и облик... тюфяка. Женщинам нравятся мужественные мужчины. В случае нападения на твою жену ты кинешь в обидчика... тетрадкой? – Сет расхохотался.

– Пойдем, выйдем! – предложил Ной, начиная беситься.

– Господи! Мальчики! Не ссорьтесь! Уйдем отсюда, милый! – она тронула Ноя за руку.

Он отмахнулся от жены впервые в жизни. Потом молча положил под бокал для вина деньги для оплаты счета и мрачно оглядел Сета.

– Идешь, герой? Или ты только на словах способен вступить за честь своей женщины? – ухмыльнулся Сет.

Профессор решительно направился к выходу, молчаливо предлагая присоединиться к нему. Сет, улыбаясь, последовал за профессором. Он знал, что тот не умеет драться. Они вышли на улицу. Одри испуганно смотрела на этих двоих. Ей еще ни разу не приходилось разнимать мужчин. По правде говоря, она видела мужские драки только в кино.

– Ну, приступим. Драка – это очень примитивно. Но я легко уничтожу тебя в словесном поединке. Вступай в игру! Итак, о любви. Начинай первым – ты же вызвал меня на ду-

эль.

– Я...

– Хорошо, я помогу, – и профессор стал читать наизусть стихи на греческом языке.

Когда я тебя обнимаю
И ты касаешься простыней,
Бог мой, говорю, первый наш вечер
Сделай, чтобы продолжался тысячу лет...
Поверх нежного тела твоего
Пью капли, как мед,
Пойдем, взлетим вместе,
Всегда влюбленные, на века...
Прикасайся ко мне, опьяни меня,
Возьми меня в высоту,
Целуй меня, обними меня горячими руками,
И давай скажем, и давай поклянемся
Каждый наш вечер,
Сколько живем, воскрешать первый наш раз.
Когда остановимся сладко,
Сейчас сонные в кровати.
Бог мой, говорю, чтобы мы были
Всегда позабыты в любви.
Ты утомилась, но я здесь рядом —
Прижмись ко мне и засыпай,
Что бы ни случилось, тебя буду любить,
Стала моя жизнь уже твоей.
Прикасайся ко мне, опьяни меня,
Возьми меня в высоту,

Целуй меня, обними меня горячими руками,
И давай скажем, и давай поклянемся
Каждый наш вечер,
Сколько живем, воскрешать первый наш раз...
Следующий раунд за тобой.

– Я...

– Хорошо, выручу и на этот раз.

Хочу тебе сказать, но дрожит мой голос,
Будто люблю первый раз в своей жизни,
Хочу тебе спеть, но слеза не дает.
Ах, любовь, любовь, любовь...
Хочу тебе сказать и в уме у меня тысячи
мыслей,
Но перед тобой теряют смысл и слова,
А как обнимаю и тело твоё поцелуями,
покрываю,
Уходишь, и остаюсь один, и тебя зову, и тебя
зову...

Ах, любовь, любовь, любовь...
Хочу тебе сказать и опять замолкаю,
Хочу тобой насытиться и не насыщаюсь.
В глазах твоих вижу – солнце сверкает.
Ах, любовь, любовь, любовь...
Хочу тебе сказать и в уме у меня тысячи
мыслей,
Но перед тобой теряют смысл и слова,
А как обнимаю и покрываю тело твоё поцелуями,

Уходишь, и остаюсь один, и тебя зову, и тебя
зову...

Ах, любовь, любовь, любовь...

Ты еще не передумал бороться? Одри – мою жену так зовут – нравятся умные мужчины. Она и сама и поэт, и писатель. Как ты будешь ее развлекать в дальнейшем, не подумал об этом? Я профессор, академик, фитопатолог и... поэт в душе. Почему ей не влюбиться в такого вот... гения творческой и научной мысли? Да, мы вместе и мы счастливы.

Тебя не прошу ни о чем,
Тебе возвращаю любовь —
Это было самое большое поражение.
И, если что-то надо попросить,
То это себя обратно.
Удержусь,
Чтобы выжить.
Конец истории...
Сейчас и конец любви.
К тебе имел слабость.
Со слезой до конца,
Но сегодня конец сердцу,
Будет говорить благоразумие,
Все вокруг меня кричит «уйди».
Не хочу воспоминаний, праздников,
прогулок и закатов.
Возьми их, как открытые карты.

Память, чтобы не осталась,
Потому что любовь твоя была рукой,
Которая душит того, кто осмеливается тебя любить.
Конец истории...
Сейчас и конец любви.
К тебе имел слабость.
Со слезой до конца,
Но сегодня конец сердцу,
Будет говорить благоразумие.
Разбилось все, что нас объединяло,
И от осколков, любовь моя, я уйду...

– Это было бесподобно! Ты гений, любовь моя! – Одри даже в ладоши захлопала и поцеловала профессора в щеку, ибо была скромна и на людях предпочитала чувства не проявлять.

Зато постоянно страстно целовала его в лифте, если они были одни там. Ной и там стеснялся, а Одри обижалась и не понимала, почему он не проявляет инициативу и не целует ее первым.

– Как же наш первый раз? Тогда ты был смелее, тебя ничто не остановило.

– Меня загипнотизировала твоя красота... и придали небывалой уверенности в себе твои стихи. Даже стены лифта имеют уши и глаза, дорогая.

– Если ты думаешь, что меня трогают подобные мужские комплименты... То ты думаешь правильно, когда их гово-

ришь мне ты.

Сет был страшно растерян и унижен происходящим, и в этот момент профессор воспользовался его смущением и неожиданно и сильно ударил его по лицу. Удар получился очень неудачным, профессор лишь задел щеку Сета и оставил на ней красное пятно.

Прежде профессор никогда не бил людей по лицу, он вообще не дрался, даже в школе и во дворе. Видели бы его сейчас его бывшие одноклассники или нынешние студенты! Они бы не поверили в случившееся, даже если увидели бы это собственными глазами. Все всегда знали, что этот заучка и мухи не обидит. Он даже с книгами и остальными предметами и вещами обращался подчеркнуто аккуратно, чтобы они служили дольше и имели презентабельный вид.

Одри оторопела. Она очнулась через некоторое время (перед ней будто показали сюжет фильма в замедленной съемке) и, сочувственно кивая Сету, увела мужа к машине.

– Я прошу нас простить. Мы пойдем, – извиняясь за поведение мужа, сказала она парню.

В машине профессор Ной молчал и страшно злился. Одри просто не предполагала, что ему сказать.

Дома профессор был значительно красноречивее. Он даже заговорил с ней, если это можно было охарактеризовать разговором, а не криком.

– Я больше никогда не пойду с тобой в ресторан!

– Почему? – спокойно спросила Одри, расстегивая боко-

вой замок на платье.

– Это все...

– Платье? Хорошо, я выберу наряд построжее... в следующий раз.

– Да не будет следующего раза! Это не платье, это все... ты.

– Ты уже выразил в стихах... чувства ко мне. Я и не знала, что ты знаешь столько стихов наизусть. Знаю, знаю, а твой взгляд сейчас говорит, что ты не подозревал, что я привлекательна и мысли не мог допустить, что не один мужчина во вселенной, – она саркастически усмехнулась, поддразнивая его.

Она совершенно его не боялась. Мужа в гневе не боялась. Это было страшно и... притягательно.

– Да знал я... Я с самого начала подозревал, что ты меня бросишь. Помнишь, я и на свадьбе маме своей это сказал?

– Если я не ошибаюсь, мы сейчас вместе и я даже с этим парнем танцевать не пошла.

– Ты не стала с ним танцевать лишь потому, что тебе меня стало жалко. А танцевать тебе, наверняка, хотелось.

– Тебе не приходило в голову, что я с тобой могла хотеть потанцевать?

– Уверен: он делает это лучше. Я не умею танцевать. Что ж ты не пошла с ним и не сравнила нас?

– Я научу тебя танцевать. Если ничего не получится – бегись не стану. Я – не ты и не ревную, когда повода нет.

– Повод был: он симпатичный и наглый. Когда мужчина ухаживает за женщиной, ей это нравится, даже если он делает это нелепо и смешно.

– А ты...

– А я ухаживал... Я постоянно на тебя смотрел, я злился еще тогда, когда ты училась, полагая, что тебе не нравлюсь.

– Я за тобой ходила, как хвостик. Вопросы всякие задавала...

– Не нравлюсь, как мужчина, не как профессор и научный сотрудник.

– Для меня профессор и мужчина – идеальные составляющие моего, того самого мужчины.

– И все мужские попытки ухаживать, – неважно, примитивно или цивилизованно – заканчиваются одним и тем же: он тащит женщину в постель.

– Постели не было. Мы с тобой до нее не дотянули, – улыбнулась Одри.

– Может, дотянем сейчас? Мне так понравились стихи!

– Это было... подло, верно? Зачем ты делаешь вид, что я тебе понравился? Драться ведь я не умею, а унижить его хотелось больше всего на свете.

– Подло? Может быть. Немного... подлости не повредит, когда ты меня ревнуешь.

– Одри... – прошептал профессор, обнимая жену за талию и помогая избавиться от платья.

– Ты делаешь из меня дурака! Я не могу... смотреть

на это. Я вынужден смотреть на тебя глазами постороннего мужчины, ведь я так себя и чувствую: хочу тебя, но не могу ничего сделать.

– Разве ты сейчас не делаешь то, что хочешь?

– Я так долго... терплю, прежде чем достигнуть блаженства, – Ной целовал ее грудь.

– Никто в целом мире не верит и не поверил бы, что ты моя жена. Как же бесит это, страшно! Я... тебя не достоин...

Они лежали в постели и разговаривали. Ной и сейчас гладил и целовал жену, хотя они несколько минут назад занимались любовью.

– Вот я такой. Простой самец, когда кто-то на тебя смотрит. В душе, на словах интеллигентный, а на деле...

– Нормальный мужчина. Я поняла. Переживу. Мне подходит.

– Я старый. Все старые мужики ревнивые. Тебе нужен молодой. Моя молодость уходит, вот я и бешусь.

– Вообще-то, молодые мужчины ревнуют тоже.

– Не так сильно.

– Но также страстно. Поговори на эту тему с моей бабушкой – она о моем дедушке может много чего порассказать. Роберто Барберри медаль необходимо выдать за ревность... во времена его бурной юности. Да почему нельзя ревновать?

– Действительно! Я профессор, а ты... богиня!

– Я уже прочла это...

– Парень этот сказал?

– Нет, твой взгляд, когда ты читал мне стихи.

– Я ему читал их. Мне необходимо было выиграть, а как иначе это сделать – я не знал.

– Мне, любимый. Хотел меня соблазнить? – Одри улыбалась, целуя его в губы.

– Удалось хоть?

– Естественно! Такую женщину, как я, только и может соблазнить такой мужчина, как ты...

Глава 5

Как-то незаметно Одри из мечты профессора превратилась в его реальность. Он постоянно повторял своей матери, что Одри ошиблась, выйдя за него замуж, но жена не спешила исправлять ошибку. Наоборот, она в очередной раз отказалась ехать с Ванджелисом на север, чтобы поохотиться и половить рыбу, что ей очень нравилось. Вместо этого она приучила к своей страсти профессора. Ее нисколько не обижал тот факт, что на рыбалке она была менее удачливой, и профессор ловил рыбу и больше, и красивее. Он тоже удивлялся этому обстоятельству до тех пор, пока не узнал случайно от своей матери, что Одри просто жалко убивать рыбу.

– И что тут особенного? Подумаешь, немного поддается тебе.

– Жена и тут считает меня за дурака.

– Тебя это задевает? Зачем же ты женился? В самом деле не знал, что жены обычно хитрее своих мужей? Женский ум более гибкий.

– Одри говорила, что вышла за меня замуж, потому что я умный. После того, как мы поженились, я поглупел?

– Одно дело – ум, совсем другое – образование. Нельзя быть умным во всех сферах.

– Одри нравится наука, и нравлюсь... я.

– Если тебя что-то беспокоит – поговори с ней. Любую

проблему можно решить, поговорив об этом.

– Хорошо.

Когда профессор попытался поговорить с ней, жена не слишком была расположена разговаривать. Ее захватила какая-то новая идея, но она пока не торопилась делиться ею с профессором.

– Дорогая, ты ловишь рыбы меньше, чем я, потому что хочешь, чтобы я поверил, что настоящий мужчина?

– Я и так в это верю. У нас в это не веришь только ты. Думаю, даже мой дедушка знает, что ты мужчина.

– Смешно. Знакомясь с Роберто Барберри, все должны проходить тест на профпригодность?

– Нет.

– Ты поддаешься мне, потому что тебе хочется меня подбодрить.

– Это все твои фантазии. А я просто люблю рыбу. Мне ее жаль, а не тебя. И я промахнулась по птице несколько сотен раз, потому что не могу убивать животных.

– Ты же без ума от охоты и рыбалки.

– Я без ума от ощущения, что могу быть сильной и выстрелить. Но я этого не делаю. Я просто добрая, Ной. Это грех, когда что-то нравится, но не можешь этим воспользоваться?

– Мной ты пользуешься, как тебе вздумается, любимая.

– Тебе это не нравится?

– Нравится... в подавляющем большинстве.

– Тогда какие у тебя ко мне претензии?

– У меня к тебе претензий нет.

– Зачем, в таком случае, ты начал этот разговор? Сейчас я впервые пишу роман и мне необходимо сосредоточиться на нем одном.

– Я тебя отвлекаю?

– В некотором смысле да. Когда я чем-то занята всерьез, суета мне мешает. Наука – это все мое: моя жизнь, мое увлечение, моя профессия. Но вот творчество – это мое настроение. Я не могу творить, когда мое настроение хромает. И в то же время я устроена так, что не могу не писать. В моей голове возникает идея и я немедленно должна претворить ее в жизнь, иначе я чувствую, что что-то упустила и мой уровень значимости падает. Понимаешь, что я имею в виду?

– Кажется, да. Тебя что-то беспокоит?

– Откуда ты знаешь?

– Я твой муж, люблю тебя и понимаю, когда с тобой что-то не так.

– Никогда не говори мне, ведь я женщина, а они этого не любят, что любишь, между делом. Говори: я люблю тебя, но делай это отдельно ото всего другого. Словом, признаваться в любви женщине надо всегда красиво, чтобы она это заметила и непременно оценила. Не делай это... просто, между других слов.

– Хорошо, хотя это так сложно.

– А почему?

– Мне... стеснительность мешает. Мужчины не умеют... говорить о любви.

– Придется научить. Но это потом. Я волнуюсь, потому что в издательстве, куда я отдаю свои произведения, сменился главный редактор. Ходят слухи, что без ее решающего слова никто не может ничего напечатать. Раньше у меня был свой редактор, и она меня любила и ценила. А вдруг я главному редактору не понравлюсь?

– Да быть этого не может! Ты талантливая, ты способная и ты...

– Что я?

– Я тебя люблю.

Одри рассмеялась.

– Жаль, что ты не главный редактор. Все было бы проще.

– У тебя все получится.

Профессор вскоре вскользь поинтересовался, как дела у Одри с этим новым главным редактором, но она отмахнулась, давая понять, что проблемы испарились сами собой. И профессор успокоился. Все хорошо, что хорошо кончается.

Глава 6

В тот момент, когда профессор Ной увидел свою жену в красной «Феррари» в компании с молодым человеком, он немедленно ощутил себя на месте ревнивого киногероя, ведь сценаристы показывали такие неожиданные встречи с завидным постоянством. У простого обывателя создавался комплекс неполноценности: в его жизни таких душераздирающих сцен не было и не могло произойти, ведь у него была простая и верная жена, а не героиня романтических фильмов, неизвестно зачем решившая подразнить мужа или своего парня.

Профессор Ной был слегка близорук и ему пришлось рассмотреть парня, сидевшего рядом с его женой на месте водителя. Глаза у него округлились, когда он понял, что это Сет – тот самый, что проиграл профессору в славном поединке на тему греческих стихотворений. Теперь, оказывается, Одри его не просто пожалела, а сделала своим другом или, что также было возможно, основываясь на простой фантазии среднестатистического обманутого мужа, любовником. Это только в дурацких индийских фильмах, что смотрела Одри постоянно, красивый, неожиданно повстречавшийся с женой мужчина, оказывался ее братом, внебрачным сыном или что-то абсурдное в этом роде. Одри даже не улыбалась, глядя на Сета. Она спокойно смотрела на дорогу и что-то го-

ворила. А Сет весь цвел и пах от ее слов, не забывая, впрочем, следить за дорогой. Они не целовались, не обнимались, но профессору Ною и этой неожиданной картины было более чем достаточно. Он уже знал, что ни о чем не спросит любимую. Одри сама обязана была поклясться в том, что профессор у нее единственный. И сделать это не между делом, а открыто, заведя отдельный, подробный, типично женский разговор со всеми подробностями. Ей же самой нравилось, когда открыто признаются в любви.

Вечером, за ужином Одри ничего такого не сделала. Она молчала и ела, явно размышляя о чем-то в голове. А профессор ждал, ждал, но так и не дождался, полагая, что жена впервые в жизни его обманывает.

Он подождал еще несколько дней. Одри сухо целовала его, занимаясь своим новым романом, и не обращала более на мужа никакого внимания. И тогда профессор, наконец, решил действовать. И сделать он хотел все, как в кино: прийти к жене на работу и застать любовников врасплох. Наверняка, она именно там с ним встречается. И что этот парень может там делать? Конечно же, ждать ее, чтобы отвезти домой. По дороге они и целуются, и спят. За 20—30 минут можно успеть если не все, то многое.

Профессор Ной выбрал самое подходящее время – пять вечера, чтобы забрать загулявшую супругу из офиса издательства, которое ранее называлось «Любовь. Всякое случается», а теперь почему-то название изменили на «Раб не мо-

жет быть танцором».

Название издательства показалось профессору не столько странным, сколько явно знакомым. Не очень давно, буквально пару недель назад Одри в очередной раз смотрела свое горячо любимое индийское кино «Эту пару создал Бог» с Шах Рукх Кханом в главной роли. Она обожала его, как актера, все время без меры расхваливала его талант и мечтала, что однажды он заметит, какие прекрасные сценарии она пишет и купит ее роман для экранизации индийской романтической истории. В-общем, что-то такое прелестное, но не имеющее ничего общего с реальностью. Кто там сказал, что если чего-то сильно хочешь и идешь к цели упорно и долго, она осуществится очень скоро? Ерунда какая-то.

Заключительную танцевальную сцену Одри видела миллион раз и не уставала смотреть на то, как Аннушка Шарма узнает мужа по движениям танца и понимает, что любит его.

Одри и в этот раз пела хвалебные песни актерской игре и собственно истории любви Шах Рукха и даже заметила в ответ на унылое заявление мужа: даже я этот фильм видел триста раз, чуть обижаясь:

– Почему я смотрю это кино так часто? И ты имеешь право спрашивать?! Ни один мужчина и муж не сравнится со способностью Шаха признаваться в любви! Он точно Бог, когда дело касается любви! Ты же мне таких слов не говоришь! Ты только работаешь – романтики ноль! А он... Смотри, как он танцует! И так уважает свою жену, что называет

ее на Вы.

– Хорошо, с этого дня я буду обращаться к тебе Одри джи. Одри рассмеялась.

– И уйду с работы. Мы будем целыми днями только танцевать. Вместе, раз тебя это так завораживает.

– Ты классный! Как я люблю тебя! – Одри поцеловала мужа.

– Довольна?

– Очень!

К чему профессор Ной вспомнил этот случай? Одри тогда сказала ему, что мечтает писать не просто романы и рассказы, а именно создавать из них адаптированные сценарии к фильмам и продавать свои творения какой-нибудь знаменитости. Ладно уж, можно и не Шах Рукху Кхану, найдется и кто-нибудь попроще, приземленнее. А еще она поведала мужу, что название фильма переведено красиво, но в корне неверно и настоящий перевод звучит как «Раб не может быть танцором». Профессор еще ей ответил, что раз она так блестяще переводит с хинди, пусть предложит кому-нибудь свои услуги. Тому же Шаруху, например. Одри нахмурилась, обидевшись шутке, и замолчала. А профессор Ной просто ревновал ее ко всем мужчинам, включая Шаха. Он ему безумно надоел, учитывая то, как часто Одри его расхваливала и превозносила.

Почему сейчас название издательства было напрямую связано с вариантом переводом кинофильма, предложенным

Одри? Очень подозрительным это показалось профессору. Что-то за этим названием скрывалось, и он намеревался разгадать загадку уже сейчас. Надо поговорить с владельцем издательства или хотя бы с главным редактором. Конечно, владельца сейчас нет, но, может, главный редактор еще не убежал. Не у всех же главных редакторов семеро по лавкам. Если издательство приносит доход и довольно успешное, а это не вызывало сомнений, учитывая, как оказалось, хорошие отзывы таланту Одри в качестве переводчицы, то главный редактор должен быть здесь и не покидать рабочее место раньше назначенного времени, а то и оставаться после работы для закрепления успеха.

Профессор Ной расспросил, где можно найти главного редактора, и отправился на нужный, седьмой этаж. Найдя искомый, 777 кабинет, он толкнул дверь, даже не спросив разрешения войти – его одолевало нетерпение, – и сразу же, без предисловий увидел... Сета.

– Здравствуйте, молодой человек. А что Вы здесь, собственно, делаете? Подозреваю, что ждете... мою жену. Совесть не мучит, нет?

– Я Вас совершенно не понимаю. Чего Вы хотите?

– Могу я увидеть главного редактора?

– Это я.

Профессор Ной почувствовал, что его тошнит. Конечно, все проблемы жены решились в ту же секунду, как этот тип... устроился сюда работать. Одри хвасталась, что ей и го-

норар повысили, и стали предлагать писать небольшие сценарии. Она уже могла дотянуться до своей мечты одной рукой.

– Прекрасно! Сет, верно?

Главный редактор ничего не успел ответить, поскольку в этот момент зашла Одри и увидела мужа. Она не была ни смущена, ни раздосадована. В отличие от профессора, ей ни в чем было себя упрекнуть. Между ними ничего не было. Чисто деловые отношения. Те самые, в которые ни за что бы ни поверил ревнивый муж.

– Ной, добрый вечер. Что ты здесь делаешь?

– Неожиданно узнаю, кто подвозит тебя вечерами до дома. Хорошо хоть, до нашего, а ни до его, – он многозначительно взглянул Сету в глаза.

Сет улыбнулся, протягивая профессору руку.

– Будем знакомы. Меня зовут Стаматис Таддеус Такис. Коротко Сет. Я так представился, потому что привык. Меня так и родители называют, и друзья. Но сейчас у меня высокая должность в издательстве, поэтому неловко без... настоящего имени. А как к Вам обращаться?

– Профессор Ной Лефтерис.

– Очень приятно.

– Не могу ответить Вам тем же.

Сет рассмеялся.

«Данный Богом и весь святой? Тоже мне, безгрешный! Остановиться предлагает нам всем? Да ни за что!» – поду-

мал профессор, имея в виду в своих рассуждениях значения имени Сета.

– Одри, ты не могла бы подождать меня в машине?

– Могла бы подождать... меня, – заметил профессор Ной почти возмущенно.

– Конечно. Я... ошибся.

Одри холодно улыбнулась и вышла из кабинета главного редактора.

– Поговорим... о моей жене? Или сначала о том, как так получилось, что Вы теперь – главный редактор? Вы и двух слов-то связать не можете, не говоря уже о том, что Вы не прочли ни разу ни одной книги. Отец купил Вам это место?

– Да, мой отец назначил меня главным редактором.

– Зачем?

– Я так хотел.

– Почему?

– Действительно все хотите знать? Правда Вам не понравится, – серьезно сказал Сет.

– Говорите.

– Я люблю Вашу жену. Не влюблен, а люблю по-настоящему.

– И Вы имеете наглость...

– Я ни на что не претендую, Вам нечего бояться. Я получил это место лишь для того, чтобы часто видеть ее. Любить на расстоянии... невозможно.

– А так, как сейчас?

– О! Это, безусловно, больно! Но это уже все-таки... кое-что.

– Сколько Вам лет?

– 27.

– Одри... тоже.

– Знаю. Это ни о чем не говорит. Она Вас любит! Целыми днями только о Вас говорит!

– Я не знал, что моя жена так... несдержанна. Она мне редко говорит... о любви.

– Не говорит, что любит? Сомневаюсь.

– Мне... мало. Вот, вижу Вас и... понимаю, что недостаточно ее любви.

– Ко мне не нужно ревновать. Я читаю книги. Я прочел море хороших книг, чтобы иметь возможность разговаривать с Вашей женой. И теперь я знаю много стихов о любви наизусть.

– Вы...

– И все равно я Вам не соперник. Позвольте только... любить ее. Она талантлива, умна, красива и сексуальна. Она не понимает, какая она. Когда она просто идет по коридору, мужчины оборачиваются или смотрят в пол. Все. Буквально. Думаете, почему?

– Знаю, но не скажу, – нахмурился профессор Ной.

– Одри секси. Просто чудо с телом богини и мыслями женщины.

– Я Вас ненавижу, знаете ли... за эти слова.

– Потому что я прав. Не надо меня ненавидеть. У меня большие связи. Я сделаю ее знаменитой писательницей. Она блестящая переводчица – вывеску видели снаружи?

– С этой целью и пришел сюда – узнать, кто сменил название, и почему оно стало таким – пересказанным недавно мне моей женой?

– А какие сценарии пишет! Я ее с Шах Рукх Кханом познакомлю...

– Через мой труп только!

Сет рассмеялся.

– Да не уведет он ее у Вас! Ее никто у Вас не уведет! Она не говорит о Вас – это верно...

– Но Вы сказали...

– Не умеете слушать, уважаемый профессор Лефтерис... Но все ее чувства, мысли, эмоции, труды, идеи, научные знания... она посвящает Вам!

– И все равно я старый и ревнивый дурак...

– Не мучьте себя. Оно того не стоит. Я ведь знаю, как Вы поженились.

– Необыкновенно.

– Это точно. Ни у нее, ни у Вас никого не было. Оказывается, и так бывает. Можно мне... просто любить ее?

– Я лучше пойду. Не могу ответить утвердительно, а отказывать... неудобно после того, как Вы... столько мне сказали.

– Хорошо. До свидания. Еще увидимся.

– Не хотелось бы, – заметил профессор, закрывая за собой дверь.

Профессор Лефтерис никогда в жизни не был так напуган и растерян. Он знал, как знают ближайшее будущее провинившиеся мужчины, даже если они ничего не делали – только хотели убедиться, что жена хранит им верность, – что Одри будет его ругать и ядовито высмеивать. Но он мужественно шел к машине, уже издали увидев, как она недовольна его поведением.

Глава 7

Но профессору, как нашкодившему ребенку, это только показалось. Одри совсем не сердилась. Она даже не возмущалась, что обычно было несвойственно женам ревнивых мужчин. Профессор открыл дверь машины и, натянуто улыбаясь, сел на место водителя.

– Привет, дорогая.

– Привет, – ответила Одри.

– Поехали домой, – ей не хотелось обсуждать случившееся, но она предполагала, что профессор прицепится к ней, разбирая по косточкам главного редактора, именно сегодня.

– Очень странно, жена, что ты не спешишь мне объяснить обстоятельства, свидетелем которых я невольно стал.

– Если я не злюсь на тебя – это вовсе не значит, что все женщины – дуры. Ты специально выследил меня и Сета, а делаешь вид, что все это – чистая случайность.

– Я...

– Ты – идиот, а мы не любовники. Я устала. Дома поговорим?

– От чего это ты устала? – прищурился профессор Ной.

– От тебя. От твоих дурацких подозрений. Если женщина и мужчина работают вместе, совсем не значит, что они обязательно спят вместе.

После того, как они вернулись домой, профессор Ной по-

просил стеснительно:

- У меня к тебе странноватая просьба: скажи, что я дурак.
- Вовсе ты не дурак. Ты идиот, а это другое.
- Дурак! Скажи это, пожалуйста!
- Хорошо, подчиняюсь: ты дурак.
- Еще... – он полез целоваться, снимая ее платье.
- Дурак...
- Еще, еще...
- Дурак! Дурак! Так ревновать!

Одри ласкала его в постели, щекоча попу до мурашек, и смеялась тому, как он сгорает со стыда. Когда она притронулась к члену, он вообще закрыл глаза и впал в лихорадочный транс. Его слегка трясло от удовольствия, а жена на этом не останавливалась и продолжала доставлять ему радость...

– Поверить не могу, что ты моя, – прошептал он, отворачиваясь.

– Божественно... было, любовь моя. Кстати, уже можешь предъявлять ко мне свои претензии.

– У меня претензии только к Сету. Сегодня я его рассмотрел.

– И? Особых примет у него нет, – ласково улыбнулась Одри, целуя ухо профессора.

– Откуда ты знаешь?! – профессор вытаращил глаза.

– Господи, почему мужчины рассуждают так примитивно? Он при мне не раздевался. У него на лице нет шрамов.

– Красивый парень, – грустно улыбнулся профессор, от-

ворачиваясь.

– Я равнодушна к мужской красоте. Мне нравишься ты: умный, стеснительный, честный и скромный.

– Ему 27 лет!

– Знаю. А что это меняет?

– И тебе 27. Вы одногодки.

– Скажу Сету, чтобы он изменил дату рождения в паспорте. Может, это тебя успокоит, – улыбнулась Одри.

– Нет, в самом деле, что такого особенного в том, что он красивый и ему 27, как и мне?

– Подходящая кандидатура... для любовника.

Одри слегка нахмурилась.

– У меня есть ты.

– Сет тебя любит по-настоящему. Он сообщил мне это с гордостью и легкой грустью, а Вы, женщины, это любите. Любите, когда Вас любят.

– Почему бы мне не любить тебя, тем более что ты тоже меня любишь?

– Сет моложе и он совершил нечто невероятное для того, чтобы завоевать твою любовь: научился читать, выучил наизусть стихи и стал главным редактором в издательстве. Ах, да: обещал исполнить твою заветную мечту – познакомить тебя с Шах Рукх Кханом.

– Профессор Ной, я Вас хочу, – серьезно и очень сексуально произнесла Одри.

– Что такого особенного я сказал? – удивился Ной.

– Заткнись и поцелуй меня.

Профессор поцеловал ее, и жена мгновенно воспользовалась его дальнейшим замешательством и отдалась ему. После этого профессор не оставил ее в покое.

– Что было в моих словах?

– Сексуально ревнуешь.

– А поподробнее?

– Говоришь глупости с серьезным лицом. Это так мило! Съем тебя, вкусняшка, – она прикусила его мочку уха.

– Мне Сет обещал познакомить тебя с актером. Тебе еще не успел?

– Мы уже даже обговорили сроки, когда это будет. У Шах Рукха Кхана сложенный график встреч и конференций. Встреча назначена на 20 ноября.

– Почему женщины, прежде чем сделать что-то, что не нравится их мужьям, не могут с ними посоветоваться?

– Потому что мужья никогда ничего не разрешают. Проще поставить перед фактом: дело сделано.

– Одри... – застонал профессор, целуя ее, не имея возможности отомстить.

– Не собираюсь я заставлять тебя страдать, влюбляясь в Шах Рукха Кхана. Я Вас люблю, профессор Ной! Почему я не сказала это, когда училась?

– Я бы тебя изнасиловал прямо в преподавательской, и меня бы уволили, – серьезно ответил муж.

– Звучит аморально, но меня даже заводит, – усмехнулась

Одри.

– Он любит тебя и не стесняется в этом признаться. Так спокойно говорит об этом со мной!

– Мне больше нравятся застенчивые, чем уверенные. Конечно, я всю жизнь жду и жду чего-то – такова моя карма, но я терпелива и получаю все самое лучшее. Вот именно так ты мне и достался! – рассмеялась Одри, снова соблазняя его дерзкими взглядами.

– Давно ты знаешь, сколько Сет, или как там его на самом деле зовут, для тебя сделал?

– Стаматис. Давно. Он скучный и хвастливый. По сравнению с тобой – полное ничтожество.

– Главный редактор издательства, в котором ты работаешь.

– Угу. Терплю его, потому что он мой начальник и работодатель.

– Ты в курсе, что вся мужская половина издательства тебя хочет?

– А! Сет сказал. И мне говорил. Жаль, что я боюсь мужчин.

– А иначе?

– А то бы я всех поставила на место. Моя сексуальность меня пугает, хоть я и знаю о ней.

– Что там тебе Сет говорил, поподробнее?

– Что когда я иду по коридору, он представляет меня в своей постели, – глаза Одри стали серыми, как сталь.

Профессор резко схватил ее за руки и, прижимая их к кровати, ревниво поцеловал ее в губы. Потом отпустил жену и сказал, сверкая глазами:

– Я его... убью.

– Пусть живет, пока с Шахом меня не познакомит и знаменитой писательницей и переводчицей не сделает. Дедушка учил меня использовать людей. Тот или иной парень, влюбленный в меня, в жизни пригодится.

– Одри, я...

– Прости, что я так сказала.

– Ты ведь так не считаешь?

– Да все мы в той или иной степени используем людей: мужей, любовников, мужчин с улицы...

– А мужчины что же?

– А Вы нас используете. Вот зачем ты на мне женился?

– Я влюбился в тебя без памяти. Не могу без тебя, Этел-фрита.

– В глубине души ты надеялся, что я слепая, глухая и глухая – именно эти черты позволили бы тебе надеяться на то, что я стану твоей без лишних усилий.

– Слишком... много правды для старого профессора, который тебя любит, – заметил Ной.

– Я люблю правду и научу тебя любить ее точно так же, как это делаю я. Вы, мужчины, врать любите.

– Я тебе не врал.

– Ну да, всего два раза было. Это простить можно.

– Когда?

– Как когда? Первый раз я попросила тебя зайти в нашу аудиторию и вызвать меня с занятий...

Профессор спрятал голову и глаза в подушку.

– «Забыл», – ответил ты, а мне хотелось тебя побить.

– Можешь сделать это сейчас, – профессор не поднимал глаз.

– Я тебя лучше укушу. Хоть какая-то польза от твоей вины. Можно?

– Надо было спросить: хочешь? Хочу.

Одри укусила его ухо. Профессор поднял глаза и голову от подушки и ответил ей страстным поцелуем.

– Зачем ты мне наврал? Свидетелей боялся?

– Нет, – Ной помотал головой, – Себя, ненасытного боялся. Я и так все время демонстрировал всем и вся желающим свою забавную и нелепую влюбленность в тебя. За спиной все надо мной смеялись.

– А сейчас смеются?

– Конечно. Особенно преподаватели, с которыми ты флиртуешь.

– Я с ними просто вежлива, не выдумывай ничего лишнего, вкусняшка.

– Если я скромный – это вовсе не значит, что я ничего не вижу и ничего не чувствую. А второй раз когда я соврал?

– Когда с аудиторией поздоровался и убежал в страхе, что я тебя поймаю. И сказал, что был там, а я не подошла по по-

воду образцов болезней.

– Я боялся оставаться с тобой наедине. Мне необходимо было свыкнуться с неизбежным.

– Все мужчины трусливы, когда влюбляются и похожи на ослов. Но некоторые – такие, как ты, похожи на чудо.

– Я чуть не умер, когда впервые остался с тобой наедине надолго у тебя дома.

– Ты поцеловал меня и сказал, что не можешь больше потому, что боялся меня?

– Тебя и своей бешеной страсти. Моя любовь... ненормальная: ненавижу всех мужчин, оказывающих тебе знаки внимания. Не могу простить им это. Это женщины ничего не забывают. Никогда. Я ведь не женщина, а помню все пороки твоих поклонников.

– Ты слишком сильно беспокоишься обо мне. С возрастом такие образованные и достаточно известные в своих кругах мужчины, как ты, становятся интереснее. Мне нравится, что ты старше меня годами и больше знаешь, а вот здравого смысла у тебя маловато. Это как раз идеально для меня, ведь после свадьбы мужчина должен слушаться жену и повторять то, что она говорит и делает. Смешно читать, что последнее слово должно оставаться за мужчиной и это слово: «Да, дорогая!», но, по правде говоря, это так приятно. Такого мужчину хочется затащить в постель! Не всегда только Вы, мужья, мечтаете о сексе. Женщинам хочется секса в красивой, романтической упаковке. Мы используем секс, чтобы полу-

чить любовь. Вы – наоборот...

Профессор, снова смущаясь, прижал ее к себе и тихо сказал:

– Хочу...

Глава 8

В доме Роберто Барберри готовились к встрече важного гостя, младшего сына Плутона и Алексы. Никто даже не знал, как он выглядит, где работает и как его зовут. Алекса и Плутон решили: пусть будет сюрприз. Они очень гордились младшим сыном, так как он получил образование экстерном за границей, а специализацию выбрал, по их мнению, неожиданную, но интересную. И уже занимал высокую должность в хорошем месте.

Роберто и Афродита накрыли на стол, достали лучшее виски и ждали необыкновенного молодого человека. А пока разговаривали.

– Я еще не успела рассказать, что мой сын впервые... влюбился в 27 лет. Он ничего мне не говорит, но я знаю, что это необыкновенная девушка. Надеюсь, что я ее однажды увижу. Как всякую мать, меня снедает здоровое любопытство.

– А как ты узнала, что он влюблен? – спросила Вера.

– Уверена просто, что эта девушка с ним работает. Мне кажется, что он попросил отца устроить его на эту должность, чтобы быть рядом с ней. Я женщина, а нам всегда и везде видится романтика.

– Это верно, – рассмеялась Вера.

Эпаф и тот вставил свое слово:

– И я считаю, что он кого-то встретил. Мужчины только

к этому возрасту очухиваются и начинают отличать любовь от секса.

– Ты судишь по своему опыту, Волшебник, – ответила Вера, смеясь.

– Некоторые мужчины не такие туповатые и немедленно понимают, как завоевать любимую и единственную, – заметил Роберто Барберри.

– Сначала, правда, они планируют немного подождать, чтобы поднакопить пару – тройку миллионов евро, – улыбнулась Афродита.

Роберто смутился, несмотря на возраст.

– А Одри где? – спросила Алекса.

– До сегодняшнего дня еще не знакома с ней. Слышала от знающих людей, что она настоящая красавица.

– Да, но это в маму, не в меня, – ответил Эпаф.

– В тебя – сексуальная, – дополнила Вера.

– Кто говорит? – спросил Эпаф.

– Мой коллега по работе, главный редактор, – ответила Одри, заходя на огромную кухню, где дамы пили красное вино, а мужчины – виски.

– Одри, так рада, наконец, с тобой познакомиться! Ты и впрямь красавица! А где ты была? Уже четыре часа.

– Я преподаю биоэкологию и химию в университете. Мой муж сейчас придет, профессор Лефтерис.

– Уже наслышаны о Вашей любви. Говорят, ты до него и замуж-то выходить не собиралась.

– А за кого замуж идти? Кругом одни глупцы с завышенным самомнением. Обожаю мужчин, неуверенных в себе. «Он никогда не узнает, как я люблю его, и люблю не потому, что он хорош собой, а потому, что в нем больше меня, чем во мне самой». Эмили Бронте, цитата из «Грозового перевала».

– Мой сын тоже обожает цитировать различных авторов. Мне кажется, у него появилась девушка. Он стал каким-то... одухотворенным.

– Здорово. Скоро придет Ваше сокровище, тетя Алекса?

– Скоро. Глядя на тебя, дорогая, кажется, что всех прекрасных девушек уже расхватали.

– Да перестаньте! Нашел же Ваш сын кого-то!

– Надеюсь, она так же красива и порядочна, как ты.

На кухню зашел профессор Лефтерис и поздоровался со всеми присутствующими. Ему ответили. Он молча налил себе минеральной воды и стал пить.

– Вы не пьете виски?

– Только когда есть значительный повод, – ответил профессор спокойно.

– На нашей свадьбе он пил виски, – заметила Одри, улыбаясь мужу.

– Верно, повод был, – подтвердила Алекса.

– Я не мог поверить, что мы женимся.

– Он не мог поверить, что я выхожу за него, – сказала Одри, улыбаясь тете Алексе.

– Считает, что у нас с ним мезальянс.

– Ну что Вы, профессор! Это же большая любовь! – сказала Алекса.

Профессор Ной хотел что-то сказать, но в эту минуту на кухне появился Сет, гвоздь программы и, не обращая особого внимания ни на кого, бесцеремонно схватил Одри за руку и утащил в комнату, говоря при этом:

– Одри, мне столько всего надо тебе сказать!

Одри, не сопротивлялась, как раз наоборот, она сияла и отвечала ему:

– И мне, мне! У меня столько идей для издательства!

– Все твои идеи... Считай, что они внедрены в жизнь! – с жаром, открыто и восторженно ответил Сет.

И они даже не ушли, а убежали. Наступило короткое молчание, а затем Алекса удивленно сказала:

– Это был собственно... мой невежливый сын. Знакомьтесь.

Профессор Ной подошел к столу и налил себе целый стакан дорогого виски. Алекса внимательно посмотрела на мужа Одри. Он отпил из стакана и мрачно оглядел присутствующих.

На пару секунд забежала Одри и забрала бутылку красного вина, не глядя на мужа. Глаза ее сияли. Роберто посмотрел на своего зятя. Лицо у профессора мгновенно стало несчастным и очень замороченным. Роберто, наоборот, был счастлив, что зять страдает. Он всегда недолюбливал профессора

Лефтериса. Его коробило и то, что внучка взяла его фамилию.

– Одри и Сет знакомы? – удивилась Алекса.

– Работают вместе. Одри работает в издательстве, – ответил Ной.

– Кажется, теперь я понимаю... Он главный редактор.

– Угу. Попросил своего отца, – профессор взглянул на Плутона, – устроить его на эту должность. Разве Вы этого не знаете?

– Знаю, конечно, но...

– «Надеюсь, что она так же красива и порядочна, как ты». Я все слышал. Если бы Вы сказали: надеюсь, это ты, то попали бы в точку.

– Простите?

– Ваш сын безумно влюблен в мою жену.

– Кто Вам сказал?

– Вы что, не видели, какая у них идиллия? Они ни на кого не обращают внимания. Сет мне прямо сказал об этом: люблю Вашу жену. «Вы позволите ее любить?»

Алекса не знала, как реагировать. Роберто сказал профессору:

– Иди и приведи их сюда.

– Нет. Не могу на это смотреть. Я лучше выпью. Повод есть.

– Не бери пример с меня в молодости и не делай глупостей, – ответил Роберто.

– Мой муж постоянно пил виски, когда я болтала со своим другом, – сказала Афродита, объясняя слова Роберто.

– Я приведу своего сына, – предложил Плутон, – Мог бы хотя бы поздороваться сначала.

– Безответная любовь... – задумалась Алекса вслух.

– Просто хороший выбор, – заметил профессор Ной.

Плутон пошел за сыном. Он тихо заглянул в комнату и смотрел на парочку.

Одри сидела на стуле, а Сет перед ней на корточках и, преданно заглядывая в глаза, говорил и говорил... Плутон прислушался к разговору и понял, что пришел как раз на самом интересном месте.

– Дорогая, я тебя люблю.

– Прекрати, Сет, я замужем. Давай обсудим рабочие моменты.

– Поцелуй меня! – попросил Сет вместо этого.

– С ума сошел? – Одри покрутила пальцем у виска.

– Пока еще нет, но как только ты меня поцелуешь...

– Нахал! Зачем ты сказал моему мужу, что любишь меня? Нельзя было умолчать об этой... щекотливой ситуации?

– Он спросил, почему оно так называется, и почему я работаю именно в этом издательстве. Я честный. Профессор спросил, а я ответил. Нельзя лгать своему профессору – Бог накажет, – Сет улыбался, а глаза его блестели.

– Он не твой профессор, а мой.

– Нет. Ты моя. А он просто какой-то там заумный про-

фессор.

Плутон уже хотел вмешаться, но пока медлил, интересуясь, как далеко зайдет его сын, нахальничая с чужой женой. Сет обнимал Одри колени.

– Сюда кто-нибудь войдет.

– Твой профессор не войдет – он на кухне пьет виски и жалуется твоему деду на судьбу.

– С чего ты взял?

– Все жалуются Роберто Барберри на плохих людей. Он выслушивает просьбы и нытье, записывает в папку «ООО» на ноутбуке и, нанимая страшных дядек, дает обидчикам по наглой морде, – Сет рассмеялся.

– Ты...

– Я наглый, но всегда говорю правду. Что, нет? Все знают, как Роберто Барберри разбирается с неугодными ему и его просителями. После возмездия он покупает обиженным шоколадки... или вертолет. По прейскуранту.

Одри возмущенно стукнула Сета по плечу.

– Дурак!

– Мне хотелось тебя развеселить.

– Зачем?

– Идеи по работе мы уже обсудили... С понедельника будешь заниматься переводами индийских фильмов в интернете.

– Пойдем на кухню.

– Что мне там делать? Выслушивать скучные лекции

на тему, как нехорошо ухаживать за чужой женой? Я и без них в морали разбираюсь. Лучше бы посоветовали, как тебя разлюбить. У кого-нибудь вообще получается разлюбить по заказу?

– Ты даже не познакомился с остальными. Хозяева обидятся.

– Роберто Барберри? Я не боюсь его. Я люблю его любимую внучку, но он меня не убьет.

– Почему?

– Я практически его родственник. Сын друзей его дочери и зятя. Он не убил даже Эпафа, а мог бы сотни раз это сделать.

– Но нос-то ему сломал однажды!

– Мне не сломает. Он уже стар и от внезапных вспышек гнева устал. Кроме того, ему по статусу не положено бить главного редактора издательства, в котором работает его любимая и единственная внучка.

– Какой же ты... нахальный, Сет.

– Назови меня так, как зовешь обычно.

– А вдруг нас подслушивают?

– Резонно. Тогда скажи мне мое имя на ухо.

– Пойдем, а, Сетти? – попросила Одри, сказав это ему в ухо.

– Вот так уже лучше! Скажи еще, что я красивый...

– Ты красивый и голос у тебя красивый, поразительный – я бы сказала, но я мужа люблю.

– А в постели твой профессор задает тебе вопросы? Он просто обязан тебя экзаменовать... иногда, – Сет целовал ей руку.

– Ты переходишь... границы.

– Кстати, вот тебе отменный сюжет для романа: до профессора у нас с тобой тоже был секс...

– Не было!

– Помолчи, – он нежно и смело поцеловал ее грудь в лифе зеленого платья.

Одри вздрогнула и отодвинулась. Плутон понял, что ей было хорошо.

– Был секс... А потом я скинул тебе SMS, где спрашивал, кто лучше занимается любовью: я или он... Ты бы ответила: ну, ты, а я бы сказал: ты врешь. «Зачем бы я стала тебе врать?» «Чтобы не обидеть». Нравится?

– В жизни так не бывает.

– Что, твой профессор не достает тебя ни с чем подобным? Это просто потому, что ты только с ним спала. Будь моей... любовницей, и я гарантирую тебе обоюдный – с моей и со стороны профессора – вынос мозга.

Плутон неожиданно вошел в комнату.

– Молодой человек, нам надо бы поговорить... наедине. Одри подумает над твоим щедрым предложением... но позже.

– Папа!

– Вы отец Сета?

– Да.

– И у Вас красивый голос. Потрясающий! Теперь я вижу, как повезло Сету с голосом и вижу, от кого он ему достался.

– А как ты думаешь, сын мой, что вижу я?

– Ты мне хочешь дать пинка под зад... – хмуро ответил Сет.

– Да что ты! А за что? Ты же такой славный юноша, нет?

– Можно, я тебе наедине скажу, какой я юноша, славный или нет?

– Жаль, молодой человек. Юные леди очень любопытны и Одри тоже хотелось бы послушать, что у тебя на сердце.

– Папа, мы же не на приеме у гадалки.

– Как странно! Ты-то как раз предлагаешь Одри выбирать: ты или он.

– Она его выберет – это яснее ясного.

– Зачем же делаешь ей неэтичные предложения? Пользуешься правом работодателя и главного редактора? Считаешь, Одри не имеет права тебе отказать?

– Имеет, конечно. Она бы и отказала, если бы ты не вошел... неожиданно. Наверно, полчаса уже слушаешь наш разговор и смотришь на нас.

– А ты проницателен, сын мой. Невежлив только. Ни с кем не поздоровался и убежал, не слушая того, что взрослые и мудрые люди тебе скажут.

– Не люблю морали. Ее только слушаешь, а толку нет. Ну, кто реально избавился от несчастной любви с помощью хо-

роших советов: забудь, отвлечись и тому подобное?

– Не знаю.

– Знаешь: никто. Взрослые люди, особенно родители, очень любят изображать из себя умудренных опытом, а на самом деле нет ни у кого из них никакого опыта. Опыт – это знания того, что больше никогда тебе не пригодится в жизни.

– Сет!

– Я честен со всеми, в том числе с тобой, мамой и любимой девушкой.

– Одри – чужая жена!

– Я люблю ее. Она тут стоит и слушает все это. Не могу не хотеть поцеловать ее.

– Пойдем на кухню. Приличия надо соблюдать.

– Профессор думает, что я с его женой переспал? Я бы не стал этого делать... в доме Роберто Барберри.

Одри закашлялась от неожиданности.

– А где бы ты стал это делать?

– В доме профессора, например, – улыбнулся Сет.

Он, в принципе, знал, что получит по лицу от отца. Но Одри Плутона опередила. Бахвальство Сета потихоньку остыло, но он не перестал любить Одри. Теперь она нравилась ему еще больше. Если она дерется так решительно, как, по слухам, делает это Роберто Барберри, как она целуется и занимается любовью? Сет, на всякий случай, отвернулся. Вдруг Одри еще и мысли читает.

Все трое пришли на кухню. На кухне не было никого, кроме Ноя. Остальные ушли в другую комнату. Даже Роберто Барберри не мог спокойно смотреть, как надирается профессор Ной, ревнуя Одри к тому, чего не понимает.

Профессор уже к этому времени прикончил бутылку виски. Он впервые в жизни напился, и его жена представлялась ему теперь нимфой дриадой, возможно, из-за зеленого платья, а ее главный редактор – естественно, сатиром. Змеем – искусителем.

– Здравствуйте, – принужденно поздоровался Сет, опуская глаза и отворачиваясь от пьяного и, вероятно, опасного взгляда профессора.

Кто знает, может, профессор не только блестяще стихи о любви наизусть читает, но и молитвы после смерти соперника?

Одри молчала и смотрела на мужа, поражаясь его выдержке. Она видела, что он страшно ревнует, но не знала, что говорить и делать сейчас. Она очень виновата, но как объяснить мужу, что у нее и Сета своя, отдельная, творческая жизнь и свои... секреты. Профессиональные, разумеется. Профессора интересовала только наука, он был чужд поэзии и выучил наизусть стихи лишь затем, чтобы покорить сердце Одри. Одри же, со своей стороны, понимала, что он не может постоянно изображать из себя не того, кем он является на самом деле.

– Сет, я пойду ко всем. Ты здесь останешься?

– Да.

Одри ушла, робко оглядываясь на Сета и удивляясь его смелости. Сет всегда был отчаянно смелым и в некоторых ситуациях откровенно лез на рожон. Зачем – она себе даже не представляла. Совсем недавно получил за это и вот опять. Даже профессор Ной ему однажды двинул, что говорить об остальных.

– Я... мы просто разговаривали, – сказал Сет профессору. Профессор молчал.

– Я же не на исповеди... профессор Лефтерис.

– Жаль, что ты не мой студент. Я бы имел возможность не просто отчислить тебя, а унижить. Говори правду!

– Лучше не надо, а? Я уже сказал правду и она Вам не понравилась. Эта... хуже.

– Целовались? – профессор сверлил взглядом Сета.

– Шутите, да? Я... только чуть-чуть... Я делал попытку, только и всего.

– Говори мне всегда правду, Сет. До самой смерти.

– Моей или Вашей? Вы же меня... не убьете?

– Не убью... пока. До тех пор, пока ты рассказываешь мне правду о себе... и о моей жене.

– Вы – сумасшедший.

– Нет. Думаешь, легко ревновать? Имея такую внешность, как у меня и находясь в этом возрасте, что бы ты стал делать?

– Не знаю.

– Ты умный парень. Смелый, на грани наглости и дерзо-

сти, и честный. Знаешь. Ревновать. И я... ревную. Шел бы ты отсюда...

– Я пойду, – принял предложение Сет и ретировался.

Глава 9

Плутон немедленно попросил Роберто Барберри перего-
ворить со своим сыном.

– Сделай это прямо сейчас. Мой сын... Он, как бы это
сказать... импульсивен. Нет, даже не то... Он не понимает
слова нельзя.

– Да уже вижу. Я для всех какой-то Зевс – громовержец,
что решает семейные проблемы, проезжая на огненной ко-
леснице, запряженной своими людьми, готовых выполнить
любое мое приказание.

– Это... так сложилось. Ты суров, но справедлив.

– Думаешь, мне самому это нравится? Я поговорю со Ста-
матисом. Сомневаюсь, что он меня послушает, конечно.

Сет подошел нехотя.

– Знаменитый миллионер Роберто Барберри! Давайте, чи-
тайте свою мораль: я приготовился слушать.

– Дерзкий молодой человек, в моей семье уже был случай
неповиновения. Второго я не допущу.

– Это Вы про Эпафа, Вашего нынешнего зятя? Слышал,
что он был любовником Вашей дочери прежде, чем жениться
на ней... законно. Я сейчас нарываюсь... Собственно говоря,
я всегда нарываюсь, но что поделаешь? Такой я есть. У меня
такой характер и менять я его не собираюсь даже ради такого
уважаемого человека, как Вы.

– Почему? – серьезно спросил Роберто.

– Я люблю Вашу внучку. Она красивая, добрая, вежливая, талантливая и честная.

– Себе во вред.

– Одри не вредит честность. Она любит своего мужа и никогда ему не изменит.

– Но Вы-то хотите этого.

– Я не хочу, чтобы она изменяла мужу. Это... получается само собой.

– Как это?

– Вы любите свою жену, верно? Как Вы ее добивались – легенда.

– Афродита любит меня с первой встречи.

– Да-да, любит нищего и когда узнала, что спустя пару лет Ваше материальное положение улучшилось, бросила Вас и побежала покорять вершины науки. Хотела стать великой Складовской – Кюри.

Роберто нахмурился.

– Много говорите, молодой человек.

– Много думаю. Обычно тот, кто много думает, отличается здравыми рассуждениями в присутствии знаменитых миллионеров, не подозревающих о том, что не они одни такие умные.

Роберто нахмурился еще сильнее.

– Вы и отцу дерзите?

– Всем, кроме Одри. Точнее сказать, ей тоже, но по-дру-

гому. Я с ней нежен.

– Зачем?

– Она... сексуальна. И мне не нравится, что все мои коллеги и друзья, видя в ней порядочную и удивительно серьезную женщину, начинают за ней ухаживать. За порядочной девушкой, такой, как она, не ухаживают – ее боятся, как огня. Она настораживает.

– И вызывает желание. К профессору Ною ее не ревнуете?

– Нет. Какой смысл ревновать к мужу? У них и секса-то приличного нет.

– Откуда Вы знаете?

– Чувствую и... понимаю. Профессор ни разу не говорил ей, что любит, на языке секса.

– Это как? – удивился Роберто.

– Ни разу не спал с ней так, чтобы на следующее утро ей было стыдно, что она все еще хочет его.

– Господи, что Вы говорите!

– Всего лишь то, что думаю.

– Одри не смейте говорить этого!

– Если Вы знаменитый миллионер Роберто Барберри – это вовсе не означает, что Вы можете диктовать мне свои правила жизни.

– Оставьте Одри в покое.

– И как, по-Вашему, я могу это сделать? Мы вместе работаем. Она безумно влюблена в актерский талант Шах Рукх Кхана, и я обещал ее с ним познакомить. У них все сложит-

ся: она ему понравится, и будет писать для него сценарии.

– Профессор Ной знает об этом?

– Он такой скучный. Что она в нем нашла? Если ревность и порядочность – так у меня все это есть, я еще и интересный.

– И наглость присутствует. Странно, но Вы совсем не похожи на своих родителей.

– Да я вообще от соседа. Так мама шутит. Ну, я надеюсь, что шутит.

– Если Вы будете продолжать приставать к Одри – у нее тоже появится внебрачный ребенок от соседа.

– Я не люблю детей. Мне нравится только Рухсар. Просто она дочь моей любимой женщины. Если у Одри появятся еще дети, я буду их всех любить. Кстати, Одри часто оставляет дочь со мной. Говорит, что я прекрасный отец.

– Ну, и нахальны же Вы!

– Знаю: Ваш зять отдыхает по сравнению со мной. Зато Эпаф хорош в постели, а профессор Ной что? Пустой предмет мебели. Лучше бы не мужа завела, а шкаф купила.

– Жаль, что я уже староват...

– Чтобы мне шею намылить? Вы считаете, я могу пригласить их обоих – Одри и ее профессора – в гости? У меня большая квартира и недавно я встретил хорошую в общем понимании девушку.

– И при этом пристааете к моей внучке?

– Я, видимо, равнодушен к хорошим девушкам. Мне нра-

вятся только чужие жены. Серьезно: мы можем дружить семьями. Посмотрите, я с Вами вежлив – более того, я у Вас разрешения спрашиваю.

– Пригласите, если Вам хочется.

– А Вы меня не осудите?

– Вас профессор Ной осудит... но потом, когда Вы как следует нарветесь.

– Знаете, что я думаю о Вас?

– Не имею понятия.

– Вам не дашь 74 лет. Максимум 50. Это не лесть – Вы действительно сильный человек.

– Спасибо. Жена меня любит. Больше мне ничего не нужно. А еще я хочу, чтобы моя дочь и мои внуки были счастливы.

– Одри счастлива. У нее есть ее профессор. Она в нем души не чает. Тоже мне, антиквариат!

– Простите?

– Он стар для нее. Алфавит вызубрил, выучил пару не очень хороших стихов о любви на греческом и стал мне их в лицо тыкать. Тогда я просто испугался натиска, а сейчас... я хочу и могу положить мир к ее ногам. Я главный редактор издательства. Если я решу – оно будет принадлежать Одри. Собственно говоря, я уже это решил.

– Я бы не советовал ей соглашаться. Любые подарки имеют цену.

– Верно: я хочу ее сердце и душу.

Роберто устал переубеждать упрямого молодого человека, и отошел к гостям. Гости не скучали в одиночестве. Сет тоже подошел к ним, но встал позади от Одри, порядком раздражая профессора Ноя своим присутствием и ровным дыханием в затылок его жене. Одри что-то отвечала маме и отцу. Потом сказала, смеясь:

– Есть знаменитое на все времена и любимое всеми юристами выражение: «Все, что вы скажете, может быть использовано против Вас». Я, знакомясь с новыми людьми как писатель, говорю иначе: «Все, что Вы скажете или сделаете, может быть использовано мной в романах».

Гости понимающе переглянулись и засмеялись. Сет стоял рядом и красиво улыбался.

«У них явно есть что обсудить. Меня, например. Почему нет? С красивым поклонником и мужу можно косточки перемыть».

Профессор сослался на занятость и увез жену домой, вежливо забирая ее у Сета, почти готового обнять ее если не руками, то взглядом, что тоже как-то обижало.

Глава 10

И Одри действительно черпала вдохновение везде, где только было возможно, и позволяла совесть. Сначала она качественно обрабатывала полученную информацию – не хотела, чтобы кто-то из посторонних догадался, что в ее произведениях много личного и дорогого ей, – а потом пускала в дело. У настоящих писателей и поэтов так голова работает: каждую минуту перерабатывает увиденное и услышанное и думает, можно ли это как-то использовать. В этом нет ничего плохого – просто творческий подход к любимому делу. Одри с каждым днем все больше погружалась в отдельный, свой, неизведанный мир букв, слов, строк и чувств. И профессор Ной ясно понимал, что в этот мир имеет доступ только Сет, ее главный редактор. Одри уже работала мысленно практически везде: в ванной, когда мылась, в машине, когда ездила в издательство или университет, дома, на семейных обедах, в присутствии родных и близких... Она вела записную книжку формата А4, где записывала идеи и черновики стихотворений, возникавших ранее только по ночам (если она их не записывала, то к утру забывала и это было обидно), а ныне везде и всюду. В течение освобождавшегося от многочисленных трудов времени она дорабатывала черновики и немедленно добавляла для макета новой книги.

Профессор попытался подсказать ей, что если она так ак-

тивно живет творчеством, может, ей уйти из университета, но она рассердилась и ответила, что ни один мужчина не станет ей подсказывать, чем заниматься. И, словно обижаясь на его попытку помочь выбрать дело по душе, а на деле бестактность, с удвоенным рвением взялась за основную профессию и стала профессором и вступила в академию наук в течение трех месяцев. И все равно лучшее, что ей удавалось в жизни, была не наука, не творчество, не должность любимой внучки Роберто Барберри, а способность покорять мужские сердца и сводить с ума своего профессора.

Сет сдержал свое обещание и вскоре, в одну из пятниц, пригласил Одри и ее мужа к себе на квартиру, якобы познакомиться с его новой девушкой. Профессор Ной, будто что-то предчувствуя, страстно не хотел туда ехать. Одри не сказала, что он невежлив – настоящая женщина и чуткая жена ведет себя умнее и лезет в душу незаметнее – она пояснила, что новая девушка Сета столько наготовила, звонила ей лично и предупредила, что если они не приедут, она обидится.

– У нее там и курица, нарезанная Сетом лично после приготовления, и все.

Под словом все можно было понимать что угодно вплоть до ничего. Но им пришлось ехать, ведь у Сета появилась девушка, а профессору было немножко любопытно, красивая она или нет, и почему он решился завести себе официальную женщину, чего прежде не бывало.

– Он папе обещал вести себя прилично. И мой дедушка

с ним поговорил.

– Сет никого не слушает, кроме тебя. Это ты велела ему завести подружку?

– Я их познакомила. Подруга Сета – моя лучшая подруга. Тебе она не понравится, но мне будет интересно увидеть, вспомнишь ли ты, кто она.

– И почему все жены любят затевать какие-то интриги, любимая моя?

– Может, и я ревную? Тебе одному можно?

– Я тебе никогда не изменял.

– И я тебе не изменяла.

– Но возможностей-то у тебя хоть отбавляй!

– Если тебе не встретились женщины, не совершающие неэтичных поступков, когда была возможность – это не значит, что их нет. Хотя, что я говорю? Сегодня вечером ты убедишься, что тебе встретилась одна такая. Я.

– Я люблю тебя, Этелфрита. И ты слишком часто заставляешь меня страдать.

Как только они приехали к Сету, из комнаты немедленно вышла Юфем, и профессор вытаращил глаза от удивления. Юфем еще больше пополнила с последней их встречи, но выглядела очень счастливой и приглашала их пройти.

– Да проходите же, профессор! В себя не можете прийти от удивления? Да, я девушка Сета Такиса. Красивый он такой, да? Мне очень повезло – Одри нас познакомила. У нее свой интерес: она устала ждать, когда у меня с кем-нибудь

выйдет что-то хорошее. Кофе некому в постель подавать, – рассмеялась она, выразительно глядя на обоих супругов.

Профессор кинул на Одри многозначительный, осуждающий взгляд. Сет моментально выпятился на Одри, сочувствуя ей.

Подруги договорились пить шампанское, а мужчины разделились во мнении. Профессор собирался пить шампанское, но Сет насмеялся над ним взглядом, и профессору пришлось пить вместе с дерзким Сетом виски. Сет бросил ему вызов, и Ною пришлось принять его, понимая, что жена все равно его осудит, какое бы спиртное он ни выбрал.

Одри и Ной сели за стол, хотя профессор жутко стеснялся Сета и его неожиданно скромного поведения. Сет сидел напротив Одри и бросал на нее такие настоящие, влюбленные взгляды, что профессору становилось не по себе. Он никогда в жизни не видел такого искреннего чувства. И поделаться с этим ничего было нельзя. Это только в дурацких сказочных фантазиях можно было приказать себе не любить.

Юфем с Одри принялись болтать ни о чем, как все подруги. Они потихоньку раскрепощались, выпивая шампанское. Юфем почувствовала себя в своей тарелке и нашла свою любимую и единственную тему, которую демонстрировала всем и до поры до времени поддерживали ее многочисленные мужчины.

– Прикинь, подруга, сегодня я такая зажгла свечи, включила музыку, мы только собрались заняться сексом и тут –

бац – месячные!

Одри немного опустила глаза, смущаясь Сета и даже мужа, но Юфем улыбалась, жестикулировала и хлопала Сета по плечу. Сет покраснел, как вареный рак, его пепельные волосы и голубые глаза потемнели, и он стал похож на Джастина Диса – актера, которого Одри любила больше всего на свете, даже больше Шах Рукх Кхана. Одри не знала, что ответить и спросила Сета:

– Сет, а у тебя давления нет?

– Нет.

– Просто у тебя часто...

– Лицо красное, да? Мне все это говорят. Не знаю, почему так.

Но Одри знала, почему. Ему было неловко от нетактичного поведения Юфем. И профессор Ной знал, что Одри это знает. Одна только Юфем ничего не понимала по-прежнему и продолжала болтать глупости.

Когда Сет устроился на должность главного редактора, Одри сказала ему, что у нее не было раньше знакомых мужчин – блондинов с голубыми глазами.

– Ну и что? Ты против? Мои волосы и глаза всегда всем нравились.

В нем была такая самоуверенность, возражать против которой было или глупо, или неудобно. Поэтому никто и не возражал, кроме Одри. Она всем и всегда перечила. Даже мужу. Настоящая внучка Роберто Барберри. Все делала

по-своему: как хотела и когда хотела.

Девчонки выпили по две бутылки шампанского, после чего Одри призналась, что пьет только с лучшей подругой, а так не пьет совсем, а профессор Ной добавил, что лучшее виски Роберто Барберри стоит у них в баре и холодильниках и к нему никто не притрагивается, только по большим праздникам.

Девушки пошли танцевать, а Сет включил музыку. При этом он великодушно и скромно предложил:

– Включайте потом сами, что хотите. Я в перерыве только одну песню послушаю и все. Мне достаточно.

Постепенно, за время вечера Одри узнала, что Сет не слушает популярных певцов – гомосексуалистов, считая их педиками, а любит армейские песни и реп, что он, оказывается, спокойный, как удав и терпеливый. Вот как это вышло: Сет неожиданно поднял Одри на руки почти выше головы так легко, словно она весила не 72 кг, а килограммов 5. И был при этом счастлив до безобразия. Обалдевшая от гостей Юфем сфотала улыбающуюся подругу на руках у Сета – он, между прочим, держал ее очень долго и отпускать не собирался – и сама стала следующей жертвой. Сет, как настоящий джентльмен решил, что и нынешнюю, а не только фантазийную девушку необходимо поднять на руки, и попытался сделать это. Юфем стала кокетничать, рассказывая, что она толстая и много весит, больше кг на 10 и Сет ее, в итоге, уронил прямо на свой компьютерный стол. И компьютер

временно выключился. Он ничего не сказал Юфем, не упрекал ее, а спокойно наладил систему. Юфем шутливо предлагала Сету выставить ей счет за убытки и предлагала даже ночью все отработать. Сет молчал и краснел.

Одри поблагодарила его за его спокойствие, на что он ответил, что однажды и он со злости все разгромил. Одри резонно ответила, что со всяким случается. А еще раньше этого случая Юфем разбила бокал у Сета, но он просто подмел осколки и ничего не сказал, а Юфем все время извинялась. Юфем не любила эти бокалы и сообщила профессору и Одри об этом, пока хозяин выходил на улицу курить. Курить он бегал беспрестанно. Одри спросила его, нервничает ли он, раз курит. Сет вальяжно ответил, что да, но это отговорка. Привычка, по его мнению, была настоящей причиной. Он разговаривал с Одри так честно, что профессор Ной мечтал непременно найти на него какой-нибудь компромат, ибо Одри восхищала честность Сета, и она постоянно улыбалась.

Сет пил немного, не пьянел, но становился более открытым и приветливым. Он не любил клубы и кафе, а любил природу и экологию, улыбался, услышав, что Одри – биоэколог по профессии. Вся эта анкета закончилась тем, что Одри посоветовала Юфем не просрать такого классного парня.

– А я что? Он заявил, что пока присматривается ко мне. Что я могу сделать?

И профессора, пока еще были вменяемые, в открытие не посвятили.

Одри и Юфем принялись делать то, что делали всегда вместе: фотографироваться. Профессор Ной смотрел, как ненавязчиво ухаживает Сет за Одри и потихоньку психовал.

Сет танцевал с девушками, кривлялся смешно и шутил, и объяснял, что ничего не умеет, но все пробует. Грибы собирать не умеет, но любит, рыбачить тоже, охотиться даже не пытался еще.

– Был у меня один знакомый – прекрасный охотник и рыболов, но он уехал, к сожалению, – вздохнула Одри.

Оба – муж и Сет – одарили ее неблагодарными взглядами, понимая, что к чему. Тогда Одри сказала с участием Сету:

– Главное – не добыча, главное – участие, ты же знаешь!

Профессор Ной мысленно пожелал Сету провалиться сквозь землю и тот все понял правильно.

– Мне нравится, что вы веселые. И я такой же. Что, букой сидеть?

– Сет, да я скромная и стеснительная. И муж у меня никогда не танцует.

– Это точно: мы приходим в ночной клуб, а он сидит за столиком и караулит сумки, – засмеялась Юфем.

– Меня берите с собой в следующий раз – я буду танцевать, а профессор Ной – караулить сумки.

– Тебе было бы скучно со мной, если бы я была совершенно трезвой. В обычной жизни я серьезная и мрачная, – объявила Одри.

– Ты на себя наговариваешь, – улыбался Сет, уже обнимая

ее за талию и за плечи.

Они уже к этому времени и с сигаретами во рту сфотога-лись, типа курят. Одри, даже будучи сильно пьяной, никогда в жизни не пробовала курить. Она ненавидела запах табака, ее от него мутило, и она стойко отказывалась ото всех непо-рядочных предложений покурить в университете.

Одри дружески обнимала его за спину. Профессор не де-лал попытки вмешаться. Он просто наблюдал за ними всеми.

– Все хочу тебе сказать и забываю: ты так похож на моего любимого актера, Джастина Диса...

Юфем вмешалась в разговор:

– Да-да, послушай – это здорово!

– Просто потрясающее сходство: блондин с голубыми гла-зами, невысокий, родился 30 марта в год крысы – все совпа-дает идеально, кроме имени!

– Давайте я Вас сфотографирую! Я ей обещала сделать это первым делом, как напьемся!

– Алкашки две! – улыбнулась Одри.

Профессор стоял рядом и наблюдал. Казалось, у него сердце сделано из мрамора. Но Одри на него пока не смот-рела – она была во власти чар своего поклонника.

– Где живет? – шепнул Сет в ухо Одри свой вопрос.

– Кто? – удивилась Одри, переставая соображать здраво.

Сет обнимал ее за талию, а она слегка навалилась на него.

– Твой... артист.

– А-а-а! А что? Познакомишь с ним? В Америке. Адрес

забыла, но я найду и скажу... как время будет.

– Можем сейчас поехать... – Сет неожиданно поцеловал ее прямо в губы, нежнейшим образом проникая внутрь рта языком.

Одри еще была не настолько пьяна, чтобы согласиться на невероятно смелое предложение, но уже ответила на поцелуй невольно. Так получилось. Она ошалела от случившегося и посмотрела по сторонам. Мужа в комнате не было.

– На кухню вышел. Чай заварить. Профессор Ной любит чай, жить без него не может?

– Ага, – улыбнулась Одри, не понимая, почему она посмотрела момент исчезновения любимого профессора.

Но это и к лучшему. Ничего не знает – не придерется. Она ужасно неприлично себя вела. Ей нет прощения даже как внучке Роберто Барберри.

Она всегда гордилась своей скромностью и тем, что профессор Ной единственный, кто ее целовал.

– Губы у меня нежные... Целоваться я умею, – шепнул Сет почти вслух.

– Кто говорит?

– Я. Кто еще тебе скажет, что любит?

– Муж...

Юфем, пока они шептались, переделалась в голубое с розовым боди, подаренное девушкой брата бывшего парня, и дефилировала полуголой, танцуя в полумраке. Девушки не понимали, почему Сет экономит свет, когда были трез-

вые. Единственным источником света был длинный провод с красным освещением. А сейчас Юфем начала кое-что понимать.

– Не говори так... о нем. Говори сейчас обо мне. Скажи, что я хорош...

– Фантастически... то есть неплохо целуешься, – поправилась вовремя Одри.

Зашел профессор Ной. И через некоторое время вышел опять. Одри не могла понять, что он делает на кухне столько времени.

Юфем предложила весело:

– Пока профессора нет, давайте я Вас сфоткаю!

Сет немедленно притянул Одри к себе и проник ей в рот языком. Одри почувствовала всеобъемлющую нежность, ласку и потребность поблагодарить его... ответить на поцелуй. Это был только поцелуй? Медовый нектар ей налили в рот...

«Что он делает, господи? Профессор Ной зайдет. Почему я все еще зову его профессором? Я... провинилась. Ну что, в самом деле, я экзамен, что ли не сдала?»

– Потрясные... фотки, ребята!

Мысли Одри путались. Она не знала, кто или что виновато в этом: шампанское или поцелуи Сета. Опомнилась, когда почувствовала взгляд мужа на себе. Он что-то пил из горла бутылки.

– Не возражаешь? – спросил Ной хозяина дома.

– Отличное виски.

– Да, конечно, – ответил Сет глухо, обнимая Одри за талию.

И тут же выскочил в коридор, бросив на ходу:

– Ко мне пришли.

И ушел на некоторое время. Одри подошла к мужу и общилась как ни в чем не бывало:

– Музыка слушаем старую. Потанцуй со мной.

Профессор послушно обнял жену за шею и прижал к себе. Юфем веселилась и включила новую медленную песню. Одри просунула руку под брюки мужу и трогала его за попу. А потом неожиданно поцеловала в губы взасос прямо при Юфем и встала на цыпочки, чтобы быть к нему совсем близко, не убирая руки от задницы, которую нежно гладила. Профессор оттолкнул ее сердито и сказал:

– Что ты делаешь? Ты же не целуешься на людях!

– Да ладно тебе! Подумаешь, немного вышла за рамки... Ты мне нравишься, хоть и пугаешь сейчас.

– А ты точно... понимаешь, кто я? – профессор против воли задал этот вопрос.

Чисто в воспитательных целях ударив его по щеке, Одри поцеловала его снова.

– Ого! – весело отреагировала Юфем.

– Пользуйтесь, профессор, пока можно! – посоветовала она искренне, из добрых побуждений.

– Я не намерен в другой раз брать тебя с собой. Ты вечно

влюбляешься во всех молодых людей и ведешь себя... вызывающе.

– Не-а, – помотала головой Одри, счастливая от того, что – понимала она, – происходит с ее мужем, – Я люблю только старого профессора. Да ну тебя, сколько можно! Поцелуй меня!

Но профессор не отвечал на поцелуй. Он был так зол, что, не будь Одри пьяна, она бы страшно струсилась, увидев его хмурое лицо.

Появился Сет и профессор заявил непреклонно:

– Мы уходим. Спасибо за гостеприимство.

– Любимый, мы завтра с Сетом едем за грибами. Едем же?

– Нет.

– Мы договорились, – обиженно протянула Одри, потянув его за рукав рубашки.

– Это было до того, как... Ты считаешь, я должен дожидаться того момента, когда ты под него... ляжешь?

Сет подошел к Одри, отскочившей от мужа в ужасе, и, встав на колени перед ней, сказал ласково:

– Он не понимает, что говорит. Поцелуй – одно, секс – совсем другое. Профессор Лефтерис, что Вы! Одри не станет со мной спать – в лесу мы будем парами и заниматься сбором грибов.

– Одри уже сказала Вам, что она хорошо собирает грибы, но еще лучше блудит в лесу. Вы ее разыщете, поцелуете... Все, готово!

Сет неодобрительно покачал головой и предложил:

– Идите домой. Мой друг отвезет Вас.

– Но завтра мы едем с ними собирать грибы, – протянула Одри капризно.

– Нет, дорогая, – профессор легко подтолкнул жену к выходу, надевая ей на плечи куртку.

Кроссовки она надела сама, отвергая помощь мужа. Сет вмешиваться не рискнул. Он и так уже натворил столько, что до пенсии бы разгрести. И поцелуи Одри было невыносимо забыть. Обнимая за талию и попу гулящую девушку, ты ее лапаешь – мужчина ведет себя с женщиной так, как она позволяет, – а целуя любимую и порядочную девушку даже вза-сос – ты ею наслаждаешься. И времени у тебя мало – все порядочные девушки замужем лет с 20 и сидят по домам или работают.

Дома профессор быстро захлопнул дверь, закрыл ее на замок и, не раздеваясь, но снимая свою куртку и жены, и расстегивая ремень и замок на брюках, прислонил Одри к стене, слегка задирая простое серое, рубашечного покроя, в розовую полосу платье к талии. Под платьем были белые с серыми и розовыми цветами стринги. Одри часто одевалась в одном стиле и одном цвете. Сейчас у нее на правой руке был розовый с голубым браслет, тоже гармонировавший с остальным обликом. Сет обожал в ней чувство стиля и невероятную скромность. Туфли и те были серые с розовыми бантами.

Профессор Ной очень аккуратно и тактично просунул пальцы в стринги и потянул их на себя. Его пальцы оказались на попке жены и трогали ее нежно, но пылко.

– Хорошо целуется?

– Не знаю, – Одри уже почти протрезвела, а остатки алкоголя обычно возвращали ее в суровое настоящее.

Ей было очень стыдно, но она не знала, как просить у своего профессора прощения. Зачем она целовалась с Сетом? Да, он ее поцеловал, но она оттолкнула его только с третьего раза. И сейчас еще она помнила его сладкие поцелуи и хотела повторения. Черт, какой нежный... Нет, не хотелось думать о том, что она просто не нагулялась в свое время. Порядочные женщины, которым это не требуется, есть. Он обыкновенный обольститель.

Профессор Ной совершенно неожиданно, но дерзко и очень нежно ударил Одри по попке и шепнул громко и требовательно:

– Рассказывай! Я хочу знать в подробностях, как у Вас это было. Имею право знать все. Если ты что-то утаишь от меня – никогда больше его не увидишь.

– Мы с ним вместе работаем! – возмутилась Одри, застонав, потому что муж прикоснулся пальцами к ее лилии.

– Боже, что ты творишь?!

– Ревную! Схожу с ума, бешусь и мечтаю разорвать на тебе одежду. Он ненавидит БДСМ? Отлично! Все слышал и видел, как ты была счастлива, услышав это! И ты не любишь.

Сколько у Вас общего! Сегодня Вы, наконец, нашли общий... язык. Не бей меня, любимая – знаю, тебе хочется, но ты меня еще не выслушала, по морде мне получать время еще не пришло...

Одри хотела повернуться, но профессор прижал ее к стене.

– Представь, что у тебя связаны руки. Ты не можешь пошевелиться. Я не стану тебя связывать, но и отпускать не намерен. Думаешь, я такой болван, да? Я видел, как Вы целовались. Ты с чужим мужиком целовалась на моих глазах! Тебе не стыдно?

Одри хотела что-то сказать, но профессор зажал ей рот поцелуем. А потом произнес страстно:

– Ничего не умею: ни любить, ни ухаживать. Мой научный опыт говорит, что это просто физиология... Жене хочется время от времени разнообразия. Твой дедушка Роберто говорил мне на кухне, когда Вы убежали общаться наедине, что женщине постоянно нужно в кого-нибудь влюбляться. Такая природа. И на семейных отношениях это не отражается. А я и ревновать не умею.

– Умеешь... Или как это называется?

– Ужас!

Профессор на пару секунд отпустил ее, сделав предупреждающий жест, чтобы она стояла на месте, и взял из бара бутылку знаменитого Декантера, позволившего переспать с любимой женщиной в юности Роберто Барберри. И выпил

ее залпом. Потом подошел и сказал смело, но спокойно:

– Выпил для храбрости. Это виски – легенда. Тебе хорошо: ты никогда не пьешь столько, чтобы наутро ничего не помнить. А я хочу забыть... Мечтаю взглянуть на Ваши совместные фото, где Вы целуетесь и в то же время удалить их немедленно и из фотоаппарата, и из памяти.

– Не надо тебе... смотреть на это. Такая порнография, фу!

– Юфем – отличная подруга: она делает и говорит то, что ты ей велишь. Ты же ревновала меня к ней.

– Уже нет. К ней и ее дурацким скабрёзным шуткам надо привыкнуть и все будет нормально. Почему ты не стал целовать ее в отместку мне?

– Спасибо: я уже ляпнул в отместку, что хочу получить кофе в постель. Мне хватило. И я... не хочу, чтобы ты ревновала меня к кому-нибудь.

– Что так?

– Я добрый и хороший. Мне с женой повезло. Зачем испытывать судьбу?

– Но сейчас ты испытываешь судьбу...

– Ты меня вынудила... Я же не знал, до чего ты дойдешь... – профессор ласкал пальцами попку и лилию жены, придерживая трусики впереди.

Потом опустил на колени и проник языком внутрь. Одри вскрикнула.

– Где Вы этому научились, профессор Ной?

– Почему ты зовешь меня на Вы?

– Я уже ждать не могу... Когда это со мной происходит, я вспоминаю, как ты мне нравился, как я за тобой бегала в университете, как писала тебе стихи...

Профессор Ной потянул на себя трусики жены и они соскользнули.

– Это не трусики, это...

– Пародия, – подсказала Одри, обнимая его за шею.

И профессор спустил брюки и трусы вниз, войдя в нее...

– Лучше всего у тебя получается у стенки. Это твоё коронное блюдо! – улыбалась счастливая Одри, целуя его потом.

– Хвалиться начал: я и 100 кг поднимаю. «Зачем ты сопротивлялась?» – передразнил он Сета.

– Знаю: ты просто обожаешь нелепо хвастающихся мужчин...

– Прости, но он мне нравится. Сет – хороший парень.

– Да, делает все, чтобы затащить тебя в постель, – профессор подхватил жену на руки и отнес в кровать.

Там он снял с нее платье и положил на простыню.

– Я лягу на живот, а ты войдешь. Хочу так... Так тебе будет проще не смотреть на меня. Ты ужасно сердишься – я вижу. Но как мне... хочется, чтобы ты вошел... Простите меня, профессор Ной...

– Ты мне, наконец, скажешь, как он целуется? Не войду, пока не ответишь на мой вопрос.

– Дорогой мой профессор, любитель правды и ныне рев-

нующий муж, Сет целуется божественно. Довольны?

– Ты ему отвечала? Покажешь мне фото завтра.

– Я их уже удалила.

– Нет, ты бы не успела этого сделать. Юфем их еще не оценила и Вы ничего не обсудили. Все подружки делают это, когда изменяют мужьям и любовникам.

– Какие глубочайшие познания женской сущности, мой профессор! Хорошо, не успела. Придется показывать.

– Я сяду за компьютер, ты сядешь ко мне на колени, чтобы я мог в любой момент жестко войти в тебя... Чтобы моя ревность была подкреплена действиями.

– Профессор!

– Господи, какой я пьяный, просто жуть! Что я говорю?

– Вы говорите, что любите меня, профессор?

– Я люблю тебя! Рассказывай, что он там делал дальше.

Язык в ротик тебе просунул?

– Да, но как-то нежно, ласково, словно медом напоил...

– Еще хочешь?

– С ним целоваться? Нет, боже! С тобой – о, да! Возьми меня!

Одри никогда еще не говорила таких слов. Профессор знал, что другие, нескромные женщины говорят такое своим любовникам, но жена, порядочная и стеснительная... У него закружилась голова, когда он понял, сколько выпил и что сказал ей, и он с удивлением обнаружил, что вошел в нее и ему так хорошо, что так бывает только на небесах, в раю,

созданном нечаянно им самим...

Глава 11

Профессор Ной проснулся и увидел, что жена на него смотрит, дразняще улыбаясь. Она была в красивой желтой с зелеными стрекозами ночной рубашке и прозрачных желтых трусиках – танга. Страстно хотелось, чтобы он ничего не помнил, чтобы, на худой конец, голова болела, но дорогое виски себя оправдывало: он чувствовал себя прекрасно, и голова была ясной. Сначала его, как молния, озарило воспоминание: напоследок, когда они уже занимались любовью, профессор сказал ей следующее:

– Можно, я тебе что-то скажу? Обещай меня не ненавидеть после.

– Обещаю, – улыбнулась Одри.

Она стонала, получая огромное удовольствие, а профессор Ной стыдился своего умения дать Одри то, что ей хотелось.

– Я хотел бы, увидев, как Вы целуетесь, подойти к тебе, раздеть и переспать с тобой у него на глазах. На самом деле, многие мужчины мечтают об этом, когда кто-то посягает на их собственность.

– Я думала, что ты привык к тому, что я пользуюсь успехом у мужчин.

– Нет. Знаю, что должен понимать, что не единственный хороший человек на земле, но... не могу. Он дерзкий, ум-

ный, смелый, честный... И он грань переходит. Как он за тобой ухаживает! Что он тебе предложил такого особенного, что ты забыла о приличиях и поцеловала его?

– Это он меня поцеловал.

– Но ты не отстранилась!

– Да я... не успела. Все получилось неожиданно... для меня. И вообще... как ты узнал? Тебя там не было.

– Я за Вами поглядывал из кухни. И ходил туда – сюда, потому что успокаивал себя, чтоб не начистить ему рыло.

– Профессор, как некультурно Вы себя ведете!

– Все верно: отчитывай меня – я это заслужил. Зачем я положил на тебя глаз?

– Чтобы мы были вместе до самой смерти. Завтра едем с ними за грибами.

– Нет!

– Да!

– Нет... – как сексуально Одри противилась ему!

Он хотел бы уступить, но не мог себя заставить сделать это. Он сразу же представлял жену в объятиях Сета...

– Нет?

– Нет...

– Хорошо. Мне нравится...

– Что... нравится?

– То, что ты ревнуешь и сопротивляешься мне.

– Могу понять, что он неожиданно поцеловал тебя первый раз, но второй раз ты ответила на поцелуй.

– Ты мне понравился. Меня твоя ревность... заводит. Хотелось, чтобы ты немного меня поревновал. Ты пугал меня, когда сердился, но как приятно мне было... чувствовать свой страх. Я знала, что ты меня не обидишь и не ударишь. Ты такой... интеллигентный. Я без ума от Вас! Ревнуешь и нравишься... Мне хорошо с тобой.

– Боже, что ты говоришь! И как я это допустил?

– Допустил что?

– То, что ты поняла, каков я на самом деле: сердитый, ревнивый и подозрительный...

Вспомнив это, профессор Ной зарыл лицо в подушку. Одри рассмеялась, балуясь и отнимая ее. Профессор Ной не отпуская подушку и просил:

– Не надо! Мне стыдно. Я ужасно вел себя вчера.

– Со мной? Шутишь, что ли? У меня никогда в жизни не было такого... неприлично безумного и ошеломительного секса.

– Одри! Я уже стар для таких... сцен.

– Не-а, – она помотала головой, выдергивая у него из рук подушку.

– Мне нравятся зрелые мужчины. Мне нравится Шах Рукх Кхан, Джон Кьюсак, американский актер, но больше всего я обожаю Джастина Диса, которому 67 лет...

– А! Это с ним ты сравнила своего Сета. Он Вас познакомит?

– Спьяну, наверно, обещал. Это нереально. Другая, цивили-

лизованная страна.

– Обещал, чтобы залезть своим языком в твой ротик, сладкая моя. Мужчины вечно обещают всякую ересь, чтобы добиться желаемого.

– Профессор! А что бы пообещали Вы?

– Ну что, профессор? Думаешь, я неправ? Пообещал бы... не ревновать.

– Какая мужественность!

– Да обыкновенное вранье! Как я могу не ревновать? Особенно к Сету. Он красивый, сексуальный, честный, смелый.

– Да просто хороший парень.

– Все его положительные качества, однако, затмевает самое главное: изумительно целуется.

– Повторяю персонально для ревнивых профессоров: мне нравятся порядочные мужчины. Сет порядочный. Это все, что меня в нем очаровывает.

– Потому что, поцеловав тебя, сбежал в коридор? Ну да, устыдился своего недостойного поведения. Мужу говоришь такое: другой парень лучше.

– Я не говорила, что Сет лучше тебя. Ты делаешь чисто женские выводы, основываясь на чистой ревности. Ревнивый услышит и додумает. Что ж ты не отвечал мне на поцелуй?

– Я... думал, ты представляешь его на моем месте. Будто тебе показалось, что ты целуешься с ним. Не мог я этого допустить. Пусть бы ты ничего и не соображала, но я-то знал, что буду помнить об этом все оставшиеся годы.

– Маньяк! С первого дня мечтаешь меня связать и изнасиловать. Все мужчины мечтают об этом.

– Нет. Руки тебе не связывал.

– Но попросил: представь, что я это сделал.

– А зачем ты меня поцеловала? Даже дважды. Юфем и то удивилась, как ты себя ведешь.

– Ой, Юфем удивилась! Тоже мне, показатель общего настроения!

– Ты же к ней не ревнуешь, – удивился профессор, обнимая Одри за талию и вылезая, наконец, из-под одеяла.

– Да я тебя ко всем ревную, а к ней особенно. Поцеловала тебя, потому что хотелось. Делаю то, что хочу. В трезвом виде сдержанна, но выпившая... очень похожа на внушку того самого Роберто Барберри.

– Тебе не хватает секса? В следующий раз придем в гости к Юфем, закроемся в ванной и займемся им непременно. Может, тогда ты не станешь отвечать на неожиданные, но нежные поцелуи своего Сета.

– Нет. Иди нафик! Ничем подобным не занимаюсь, даже когда пьяна, как сапожник, чего со мной еще не было ни разу. Мне не хватает внимания. Ты только работаешь – вечно занят своей фитопатологией, а на меня смотришь только тогда, когда смотрит другой...

Она не договорила. Профессор Ной представил, со сколькими еще парнями она может поцеловаться, пока он занят в университете и хрипло прошептал, рывком притянув ее гу-

бы к себе:

– Ты... ты наказана...

И, опрокинув жену на себя, впился губами в ее рот. Отпустив ее, услышал:

– Ой, как страшно! Я знаю твою самую любимую эротическую фантазию: я все еще твоя студентка, но не сдала зачет или экзамен и пришла в дополнительное время. Ты решил меня поспрашивать, а я ничего не знаю. Все, как всегда. Нерадивая студентка и серьезный, знающий преподаватель. Что ты делаешь? Наказываешь меня за плохую учебу: ставишь к стенке в преподавательской, задираешь платье (я в платье, потому что его легче поднять), снимаешь с меня трусики и, целуя и лаская попку, входишь. Я кричу, а ты доволен тем, что мне хорошо и что ты имеешь надо мной власть.

– Одри, я... Я согласен на то, что ты сейчас сказала...

– Еще бы ты не согласился! Как я узнала об этом? Да очень просто: ты преподаватель и мужчина, а Вы все до ужаса примитивные. Ты как-то намекал мне на то, что все еще помнишь, как я была твоей студенткой, и ты ничего не мог поделать с этим обстоятельством. Для меня же ты тогда был профессором, а сейчас давно и прочно муж. Я смирилась с тем, что ты уже не сможешь задрать мне платье и войти в меня в стенах нашего университета.

– Я могу...

– Господи, профессор, как Вы непозволительно невежли-

вы! Но я уже не студентка, а училась я всегда блестяще.

– Очень жаль... Зачем, зачем я говорю это сейчас, будучи трезвым? А как ты относишься к моей... эротической фантазии?

– Я уже сказала, как. Хотите, повторю еще раз?

– Хочу! – профессор поцеловал ее грудь.

Одри стянула с него трусы и прижалась к нему голая. Профессор немедленно воспользовался ее предложением...

– Не могу поверить, что ты все еще хочешь меня после того, что я сказал и сделал вчера и... сегодня. В жизни так себя не позорил. Со мной ни один студент не вел себя так бесцеремонно.

– Сексуально?

– О, господи! – профессор все еще не отпускал ее.

– Тебе нравится, что я идиот?

– Очень. Теперь я клянусь хотеть Вас всегда, постоянно...

А ты, со своей стороны, обещай думать обо мне на работе чаще.

– Нельзя работать со своей собственной женой. Я все время на тебя натыкаюсь. Если нет, мои коллеги говорят о тебе.

– И как они обо мне говорят? – Одри вылезла из постели.

– Твердят мне, что я с тобой слишком суров. Мол, такой женщине нужно больше внимания.

– Так я это уже говорила. Странно, но я такая зажатая. Могу говорить о сексе, о ревности, а через минуту сожалеть о своих словах. Все, в чем я признаюсь тебе – отвага в ми-

нуты откровенности, о которой я всегда вспоминаю с ужасом. О себе прекрасно понимаю: я стеснительная и скромная. Пишу романы и угрызаюсь, зачем я делаю это. Там все прозрачно, как у Цветаевой: только я пишу о чувствах, эмоциях, сказочной любви, а она пишет о боли, которую нельзя выставлять напоказ. Что ты думаешь, Котя? Я так тебя называю, потому что ты безумно хорош в постели со вчерашнего дня. Сет не зря появился в моей жизни – хотя бы пойму, что такое яркий секс.

– Любимая...

– Скажи, что ты не считаешь меня гулящей, развратной или что-то в этом роде.

– Не считаю. Я считаю дураком себя. Тебе нужен более знающий мужчина, который четко понимает, как распорядиться словами, что ты произносишь, пытаюсь меня соблазнить.

– Никто мне не нужен, только ты. Из тебя я уже вырастила принца, а большего мне не нужно. Люблю только мужчин, из которых без особых усилий получаются принцы. Мне не нравятся мужчины, что нравятся всем женщинам. Ну, другой у меня вкус. Сейчас я буду хотеть тебя так часто, что ты станешь напрягаться и прогонять меня прочь.

– Когда кто-то из нас приходит с работы – неважно, кто – ты или я – немедленно снимай с себя одежду и целуй меня, а остальное я сделаю сам, – ответил на это муж.

– А если ты будешь не в настроении? – улыбнулась Одри.

- Ударь меня и делай то, что тебе хочется.
- Пойдешь посмотреть фотографии?
- Боже мой! Пойду, конечно!
- Ответ правильный, – рассмеялась Одри.
- Не одевайся – ты мне нужен в костюме Адама.

Профессор подхватил жену на руки и сел за компьютер, посадив ее на колени. Там он быстро включил его, нашел папку «У Сета с Юфем. Никому не показывать» и открыл.

– Мне, значит, показываешь?

– Слово никому означает: никому, кроме тебя и мамы. Тебя можно соблазнить, а мама – это мама, она все видела и не осудит.

– Ну да, не накажет. А жаль.

– Ну, Котя! Смотри уже!

Профессор смотрел медленно и долго, а Одри закрывала лицо руками и произносила только: «Ужас! Порнография натуральная!»

Когда профессор Ной закончил просмотр фото, он просто и быстро вошел в Одри и, держа ее руками за талию и находясь в ней, встал и положил ее на кровать...

– Еще раз так сделаешь – поцелуешь Сета – буду всю ночь доказывать, что я – мужчина.

– Может, я этого и хочу? – дразнила его счастливая Одри.

– Теперь и всегда... хочу, чтобы ты это делал.

– Позорище!

– М-м-м... Любовь это. Я пошла – мне подруга звонит –

надо ответить.

Юфем спросила, смеясь:

– За грибами-то едете?

– Давай потом. Муж еще... не отошел.

– Ты хотела сказать: не выпустил тебя из постели.

Одри хихикнула.

– Не разрешает мне видиться с Сетом. Все мозги вынес, зачем я с ним целовалась.

– Еще бы! Передай, что я своему вчера дала пизды.

– Сейчас, – Одри передала сообщение.

– Ну, естественно, она это дала: она всегда ее и дает.

– Слышала, что он сказал?

– Ага. Пошляк! От профессора такое услышать!

– Сама в шоке.

Одри дополнила, что Юфем говорит: за поцелуй с Одри пизды.

– А он: а вот это правильно. И я еще дам, как придем. Офигеть, профессор мой! – отчиталась Одри подруге.

– И я добавлю. Весело, говорит, время провели: ревновали друг друга.

– Паразит!

На этом их разговор был окончен.

Глава 12

Одри не могла не поболтать с подружкой о случившемся в инете на Фейсбуке. И сделала она это, разумеется, тогда, когда профессора не было дома.

Диалог получился интересным и смешным.

– Тебя Сет с языком целовал?

– Пять минут позора, и ты в дамках. Ужасные фотографии. Надо удалить эту фигню.

– Так как? Что, прямо взасос?

– Ты сейчас еще обидишься.

– Нет)

– Подруге не буду такое говорить.

– Я ему не скажу больше ничего.

– Не надо это обсуждать.

– Мне интересно.

– Интересно за углом.

– Понятно.

– Да. Ответ на твой нескромный вопрос да. Ему не говори.

– И как)

– Нежный он сам и поцелуй его. Хороший парень, но дурак. Хорошие парни дураки всегда.

– Почему?

– В том плане, что ему надо жениться на тебе и жить, а он просирает молодость, что осталась. Некогда уже присматри-

ваться к девушке – надо жениться и жить дальше. Поняла? В хорошем смысле дурак – в том смысле, в котором нормальные, здравомыслящие девушки в него бы влюбились. Ему не говори, что я тебе сейчас сказала.

– Не, что я, дура, говорить?

– А кто тебя знает? Шутка!

– А нежный – это да.

– (Вишенка) Я и сказала. У тебя такой первый раз. Ах да, матерится, только когда выпьет побольше и когда волнуется, и то не через слово – таких еще можно выносить – сильных матершинников не выношу – такой тоже первый раз – вот что хотела тебе сказать еще до того, как мы напились, две алкашки. (Четыре бутылки шампанского) на двоих подруг перебор.

– Ну, могла сдавать в аренду.

– Кого в аренду? Сета, что ли?

– Ну)

– А Ной меня достал потом и до сих пор достает: вот, ты в него влюбилась, потому что он для тебя все делает – целовалась, не отпихивала.

– А в чем Сет нежный?

– И в поведении, и в характере – ну, просто я таких обожаю: спокойных, скромных снаружи, а внутри – буря чувств. Как бы тебе это объяснить... Из него можно принца вырастить. Только ему не говори больше – он таких шуток, кстати, не понимает – он смущается – ты сказала: вот, я отработаю –

минет сделаю и про месячные. Он чуть не умер – учти это – я его глаза смущенные видела. Он к тебе спиной сидел и еще не был пьян, а ко мне лицом. Ему это тоже не говори.

– Хорошо.

– (Рожица с сердечками вместо глаз) (Три вишенки)

– А язык глубоко пихнул?

– Нет, я отстранилась.

– А профессор что?

– Да заколебал он! Из Сета вырастить принца легко для тех, кто умеет. Все его бывшие не умеют – они не поняли, что он хороший. Странно, но девушкам такие парни почему-то не нравятся – им все больше придурки и подонки, а я принцев люблю, даже без коня, простых и скромных, вежливых, честных.

– Помоги мне вырастить.

– А как? У тебя характер другой – совсем мы разные с тобой.

– Да я шучу.

– И мужикам все больше шлюхи нравятся. Обидно! Эта его бывшая, Олкион, откровенная ш...

– А на руки когда брал, что почувствовала?

– О-о-о! Это особая тема, сейчас скажу, но не ляпни никому. Мой идеал принца, романтика, идеальный мужчина без недостатков, ну, почти образ – Джастин Дис в образе Кейта Тиммонса в Санта – Барбаре – так вот мало того, что твой Сет родился 30 марта в год крысы, как и Джастин Дис, так

еще и зовут его лучше – Стаматис. И когда в «Санта – Бар-
баре» Джастин Дис поднимал свою Джину на руки – он де-
лал это нереально красиво и легко, как будто она пушинка,
а она выше его. Он просто сильный и не стесняется подни-
мать женщину на руки, а твой Сет сделал это очень похоже.
легко, быстро, не напрягаясь, красиво, еще и выше головы
почти своей и не опускал долго, не ворчал, что тяжелая, хо-
тя я и вешу много для женщины. В-общем, обалденно было,
я офигела в первый момент. И он, правда, сказал тебе: зря
ты сопротивлялась – он же сказал я сильный – это было так
классно, так хвастается мило – обожаю!

– Не хочу, боюсь.

– Лучше других мужчин, которые говорят, что ты тяже-
лая, вот пришлось тащить, спать, чуть не надорвался – это
смущает женщин, а этот обалденный.

– Ну вот, как романтично!

– И не говори! Классный вечер был – это можешь пере-
дать, но не при профессоре. А то не пустит.

– Надо повторить.

– Еще мне понравилось, что он не сидел сиднем, как все,
а танцевал. А как понравилось то, что он сказал: сейчас одну
включу, а потом можете слушать что хотите. Класс, супер!

– Добряшка)

– Ага. Люблю добрых и щедрых. Женщине надо дать то,
что она хочет, иначе она возьмет сама.

– Посмотрю, как он с Юфем будет общаться)

– Посмотри.

– А ты почему нас всегда раньше знакомишь со своими парнями?

– Не знаю, они никогда не ходят.

– А-а-а! А ты зовешь?

– Да. Зову. А профессор всегда недоволен?

– Да нет, первый раз так бурно.

– Страсть) Старость приходит.

– Ржака.

– Мой предыдущий парень тебя не целовал?

– Пытался, но я увернулась.

– Зря))

– Не могу, сижу, угораю от твоих комментов.

– Ну, захочешь еще приходи.

– Я уже хочу.

– Класс)

– (Вишенка) (Бутылка шампанского) Вы грибы-то собрали и где?

– Лес какой-то.

– А сколько собрали?

– Он мне букет цветов собрал. Ромашки. Ведро грибов.

– Ого, какая романтика! Ничего себе!

– Мммммм, да. В следующий раз пойдем – он и тебе совет. Джентльмен. (Поцелуй) (Поцелуй)

– Прикинь, сидим мама подошла спрашивает: Сет мужчина или парень? Я говорю: не знаю. Она: мужчина. Ребенок

есть – значит, мужчина. Я говорю: а если 40? Она: 40 и детей нет – это придурок. Ржака.

– А как со стороны он ко мне?

Скромненько, но со вкусом он к тебе.

– Думаешь, нравлюсь ему?

– Не знаю.

– Короче, погуляли.

– Ага, весело было.

– Сейчас фотки на комп сохранию.

– Зачем? Удали ересь.

– Ну, я приличные тока.

– А такие есть?

– А что мама твоя сказала про фотки?

– Я сказала: этот порнографический позор покажу, когда муж свалит куда-нибудь. Мама еще не видела. Сет мне писал недавно: как муж, живая еще? Да я скромная – пишу, – Такое редко, но он всегда ревнивый, но такое первый раз. Не буду же я писать: ты классный парень.

– Да я ему фотки кинула, говорю: сам напиши ей)

– Послушный. Обожаю таких мужчин: сказали, пиши – пишет. Пишет Сет: весело же вроде гуляли. Я пишу: да, супер, но мужья такого не поймут.

– Хи-хи-хи.

– Он так медленно пишет – обдумывает, наверно, каждую букву – мужики такие смешные, замороченные всегда.

– Он – да, медленно.

– Пойдет.

– Хихих, че еще пишет?

– Пока ничего, надо же подумать. Все взвесить.

– А еще приколы: Никс Иоанн заревновал к нему. Он мне говорит: что, блин, ко мне все ревнуют твоих подруг?

– А к ней он не лез целоваться?

– Нет. Иоанн сказал Никс, что она будто попой виляла перед ним)

– Понятно. Ну, тогда он вызывает ревность из-за того, что смотрят: вроде все замечает. Мужчины таких мужчин не любят – тех, что к женщинам внимательны. Сами не понимают – считают: это баба и ревнуют – ну, я так считаю.

– Как тебе губы у Сета? Приятные, да?) Мне нравятся.

– Ну да, нормальные. В самый раз.

Вскоре между профессором и Одри установились такие отношения, которые могут быть только между любовниками, безумно и открыто влюбленными друг в друга. Муж и жена обычно стыдятся таких слов и действий.

– Сними трусики сама, и я войду.

– Зачем сама?

– Так... сексуальнее. Так я быстрее пойму, что ты хочешь меня. И даже если не хочешь – я сделаю все, чтобы эта мысль пришла в твою красивую голову. Вообще, всегда, как приходишь с работы, первым делом снимай трусики и прижимайся ко мне.

В другой раз:

– Снимай скорее трусики. Я соскучился.

– погоди, дай хоть раздеться, что ли! – чуть сердито отмахнулась Одри.

– Женщине не нужно раздеваться. Достаточно трусики снять и муж может делать то, чего добивался, женившись на своей жене.

– Фу, какой кошмар! Как ты говоришь!

– Я не могу допустить, чтобы кто-то другой сказал тебе эти слова. Я хочу и могу говорить то, что должен произносить ревнивый муж.

– Самый лучший момент в моей жизни – тот момент, когда ты снимаешь трусики, и я вхожу. В первую минуту я счастливее всех людей на земле. Этот миг восхитителен: я чувствую, что ты наказана.

– Я люблю тебя, – во время секса произнесла Одри.

– Ты меня любишь за секс или так?

– Так и всего тебя... люблю.

– Это хорошо. Когда ты кончаешь, говори мне всегда, если я не чувствую. Это меня возбуждает.

– Твои слова... чудовищно аморальны и почему-то... заводят. Вы, профессор, отличаетесь непристойным поведением, пошлыми мыслями и за них Вам придется расплатиться...

– Хочу расплатиться прямо сейчас...

– Все классические способы ухаживания и неклассические тоже ведут к одному и тому же: сексу. Мужчины не лю-

бят много разговаривать – нам тяжело открываться перед женщиной, – потом приходится все вспоминать и становится стыдно...

– Зачем стыдиться любви?

– Я не любви стыжусь, а своего недостойного поведения.

Сет теперь всегда смотрит на меня и ненавидит.

– Он меня ненавидит: я верна мужу.

– Он это видит иначе, как мужчина и несостоявшийся любовник: ты верна изумительному сексу, который каким-то чудом научился давать тебе я...

– Мне так нравится момент, когда я кончаю и немедленно хочу продолжения. И ты продолжаешь... Ты так хорош, когда я хочу тебя еще и еще!

Профессору было одновременно жутко стыдно и приятно. Одри так нравилось, что он не умеет стать смелым, как Сет. Ей абсолютно не нравились нахалы. Профессора можно было хвалить в постели сколько угодно, но он слушал это всегда как в первый раз. Для Одри это его поведение было бесподобным.

Глава 13

Понемногу профессор согласился поехать за город, на природу. Как любящий мужчина, он понимал и принимал то, что ему все равно не отвертеться. Любишь же...

Сет, как оказалось, водил свою белую недорогую машину очень лихо, с риском для жизни, хотя и хорошо. На скорости 170 км/час он умудрялся быстро затормозить, увидев приближающуюся навстречу машину, и свернуть в сторону. Впоследствии Одри неосмотрительно рассказала матери о приемах вождения Сета и услышала ответ, что он выпендривался ради тебя, и увидела осуждающий взгляд мужа.

– Твой профессор вечно смотрит на тебя с укором, а ты как-нибудь спроси его: «Мой милый, что тебе я сделала?» Уверена, поможет стать ближе! – смеялась Вера.

Там же был и Эпаф, который молчал, раз говорить ему было не велено, и Роберто Барберри, который заметил спокойно, но поучительно:

– Я все жду, жду, когда ты образумишься и перестанешь провоцировать своего мужа. Однажды у него закончится терпение. Думаешь, он все тебе простит?

– Ты о чем? По-твоему, я неправильно себя веду?

– Нетактично. Ты в Сета платонически влюблена. А равно и во многих артистов, которых тебе любезно предоставляет Сет почти каждый день. Будь я на месте твоего профессора –

я бы не выдержал. Профессор Ной мне не нравится, но здесь я ему искренне сочувствую. Как можно жить в мире с женой, которая прекрасна и сексуальна и при этом ценит своих друзей и работу выше, чем супруга?

Ее мать, Вера, рассмеялась:

– Папа, ты в своем репертуаре! Одри еще молода и ей хочется жить так, как ей хочется.

– Ни к чему хорошему женская свобода не приводит.

– Моя мама, напротив, гуляя, встретила тебя и решила, что ты хорош.

Тут и Афродита рассмеялась.

– Мужчины! Не умеют они чувствовать.

– Умеем. Но не так раскованно, как Вы, женщины, – заметил Роберто Барберри.

– Знаешь, дедушка, Сет очень откровенен со мной.

– До тех пор, пока тебе это боком не выйдет. Я видел, как Сет теперь смотрит на твоего профессора. И даже знаю, почему: у Вас теперь все отлично.

– У нас всегда было все отлично. Замечательно.

– Но не в постели. Поведение профессора уже не сравнимо с безмолвной мебелью?

– И там тоже. С чего вдруг ты делаешь такие намеки?

– Сет мне говорил, что профессор ни разу не говорил тебе, что любит, на языке секса. Ни разу не спал с тобой так, чтобы на следующее утро тебе было стыдно, что ты все еще хочешь его.

Одри ответила не сразу. Она на некоторое время крепко задумалась.

– Сет прекрасно разбирается в женщинах и женской психологии, – ответила она потом, – Поэтому он нравится мне все меньше и меньше. Не нравятся мне мужчины, которые разбираются в женщинах, а, вернее, в их соблазнении. Я люблю профессора. Он чудесный, так как совершенно несведущ в практической стороне жизни.

– Тогда он и деньги зарабатывать большие не умеет.

– Да, но в вертолете я не нуждаюсь – если что, ты мне его подаришь, а все остальное, в пределах разумного, у меня есть. Мне всего хватает, даже любви.

На природу приехали около восьми вечера и до двух ночи успели очень многое: накрыли на стол, причем Одри проткнула ножом сгиб пальца и Сет бросился к ней и вылил ей на пораненный палец самую дорогую водку из привезенных (Одри спросила: «А подешевле-то средства нет?») Ей всегда жаль было тратить деньги на себя), а профессор Ной замер, не зная, как избежать жалости Сета к его жене, танцевали и смотрели на миллиарды звезд и движущийся спутник.

Сет стал хвастаться, что специально привез сюда Одри и Юфем посмотреть на звезды, так как в августе именно тут бывает звездопад. Посоветовал Одри загадать желание, и она это сделала. Она загадала, чтобы Сет женился, но ему не рассказывала об этом.

Вскоре, выпив дорогой водки, Сет и Юфем пошли зна-

комиться с соседями, а Одри позже ушла туда же, захватив карманный фонарик. Соседи предложили гостям арбуз, коньяк и пиво. Сет и Юфем приняли угощение как должное и поделились своей водкой, демонстрируя, что рады знакомству. А Одри так не умела, она сразу напряглась и замолчала. Тем не менее, танцевать она пошла вместе с Сетом и Юфем и разговорилась с женщиной – стоматологом Мирайн о профессии, призвании и прочем.

Муж, как выяснилось по возвращении, обиделся и лежал в палатке, ожидая загулявшую супругу. Внутри постелили надувной матрас и одеяло, а также взяли с собой теплые спортивные костюмы и куртки.

Одри пришла и профессор сразу же, без слов, прижал ее к себе, мешая одеваться.

– Что ты делаешь? Подожди, куртку надену! – вырывалась Одри.

– Дальше пила с ним?

– Если бы я и пила дальше, то не с ним, а со всеми новыми знакомыми.

– Мужчины были?

– Да, все там страшные и грубые...

– Кроме Сета.

– Я оделась. Давай спать, а то ты болтаешь глупости. Юфем рассказала, что он легко находит общий язык со всеми людьми и всегда пользуется новыми знакомствами.

– А ты бы хотела быть его единственной! Ревнуешь его,

да? – профессор Ной поцеловал ее, увлекая на матрас и одеяло.

– Нет.

– Ревнуешь, не надо меня обманывать. Я чувствую, что ты его ревнуешь, потому что она нашел девушку и это твоя подруга.

– Потому что ты сам ревнуешь. Я их познакомила, идиот!

– Чтобы доказать мне, что он тебе не так уж и нужен. Нужен, знаю. Если у женщины муж спокойный и порядочный, ей хочется... всплеска чувств.

– Спать давай, любовь моя, – Одри поцеловала мужа.

Муж очень скромно целовал ее, прижимал к себе и боялся, что она простудится и подхватит пневмонию. Одри была очень тепло одета, но вся дрожала от холода в палатке и муж трясся вместе с ней, ведь он обнимал ее.

Утром все обошлось благополучно: никто не заболел, только встали в 6 утра. Не спалось: всю ночь над головой летали самолеты, и на их палатку, напившись, навернулся Сет, и Одри с мужем пришлось оттолкнуть его, а он пошел к своей машине.

Довольно быстро Сет приготовил удочку и Одри принялась ловить рыбу, сидя на походном стульчике.

– Нет, я рыбалку никогда не понимал: сидишь часами, скучно, а в чем смысл? Я б с ума сошел!

«Еще один минус в его пользу», – подумала Одри, – Предыдущий был вчера, когда к нам на огонек пришла эта

неприятная собака, помесь питбуля и кого-то еще, а Сет обещал зарубить ее топором прямо при дамах, ругаясь и матеря хозяев, отпускающих без присмотра страшного пса. Люблю собак и не понимаю Сета. Да еще и с топором на невинное животное!»

– Нет, мне нравится, – скромно ответила Одри.

Рыбалку она обожала. Ей были удивительны анекдоты про женщин, ненавидящих это занятие и напрягающих этим своих мужей.

Одри и остальные ничего в этот раз не поймали, только пескариков, которых наловили ведром, а не удочкой, зато нафотались и получили заряд отличного настроения.

Юфем дважды обожглась: ей в лицо попал пепел от костра и она тронула рукой горячий шампур после жарки шашлыков. Она плакала по-настоящему и Сету пришлось, стесняясь Одри, пожалеть Юфем и поцеловать впервые при любимой. Он подарил Юфем жевательную резинку с романтическим пожеланием – сюрпризом.

– Через 25 лет признаться ей в любви, – прочитала Юфем пожелание.

– Вот видишь, именно тогда я это и сделаю. Жди! – рассмеялся Сет, чем, конечно же, обидел Юфем.

Потом Сет, игнорируя нынешнюю девушку, предложил Одри пойти в лес за грибами. Профессор еще ничего не успел сказать, а Одри уже согласилась и пошла. Они ходили по лесу, искали и обсуждали качество и съедобность

грибов, даже заблудились немножко, но Сет уверенно вывел любимую к реке. Они набрали по большому пакету грибов. Сет все их уступил ей. Он любил собирать грибы и обожал бродить по лесу, но грибы не ел никогда. Одри казалось это странным: собирать, но не использовать плоды своего труда, даже вкуса грибов не зная. Неужели не любопытно, что он там собрал?

Когда они вышли к Юфем и профессору, тот спросил:

– И чем Вы там занимались? – он был напряжен и опускал глаза.

– Целовались в кустах, – рассмеялась Юфем.

– Ничем. Просто разговаривали и обсуждали грибы. Ты знаешь, Сет всегда подает руку, когда идешь по лесу и приходится перешагивать деревья. И ветки отодвигал мне. Попросила – сфотографировал на бревне над водой.

– Еще бы! Джентльмен! – ехидно улыбнулась Юфем.

Сколько потом профессор не пытал Одри, о чем они говорили, она молчала и отмахивалась. Она даже Юфем ничего не рассказала. Сет спрашивал ее, как ему понравился их поцелуй, а она молчала.

– Знаю, что должен понравиться. Я замечательно целуюсь – мне все всегда это говорили. А вот с девушками всегда не везло: никто из них не умел целоваться. Только первая, которая научила. Мне нравятся женщины постарше.

«Зачем он мне все это рассказывает?»

– Я поцеловал тебя потому, что ты хотела этого. Я видел,

что хотела. Понимаю: я сексуальный, привлекательный.

– Не хотела. Я и не видела, что профессор в комнате. Если бы понимала – не стала бы отвечать тебе.

– Да ладно! – не верил Сет ее скромности и потупленным глазам.

– И где ты этого своего профессора откопала? Он же ничего не умеет.

– Почему ничего? Умеет кое-что...

– Теперь хоть сексом научился... заниматься, – сквозь зубы выругался Сет.

Одри рассказала, где и как они познакомились с мужем. Объяснила, какие ей мужчины нравятся.

– Согласна, первого шага от них будешь ждать до пенсии. Но... Такой у меня вкус.

– И чего твой профессор ревнует и бесится? Я считаю, что поцелуй – не такая уж измена.

«Ну, и считай дальше. А я считаю: измена».

– Некоторое время хотел отдохнуть от отношений. Но... опять начал встречаться... с Юфем. Так уж получилось.

– Юфем... она глупая. Спрашивает меня: как ты считаешь, у него со мной серьезно? Услышала, что ты предложил и на следующее лето ездить за город и решила, что ты планируешь и дальше с ней встречаться. Какая ерунда! Ты не планируешь – я знаю.

Эта тихая речь почему-то здорово разозлила Сета и вдохновила на величайшее решение в его жизни.

– Ты так уверена, что не планирую? А что если... я женюсь на ней?

И ошалел, услышав тихое и решительное:

– Женись на Юфем, Сет. Женись на моей подруге.

– Правда, я это сделаю. Один лишь твой профессор достоин семейного счастья? Юфем тоже его достойна.

– И ты его достоин, Сет. Вы будете счастливы.

– Моя жизнь будет кончена, любовь моя, когда мы с твоей подругой поженемся. Запомни: ты этого хотела.

– Я... Ты же сам предложил это!

– Ты меня обидела... своей любовью. Внезапно влюбилась в секс, да? Гадость! Ты такая же, как все!

– Я мужа люблю!

– Ну и люби... своего старого развратника!

– Зачем ты так?

– Прости!

Оставшееся время они молчали. Говорить после взаимных упреков было не о чем. Одри не собиралась принимать всерьез заявление Сета о предложении Юфем пожениться. Мужчины много чего говорят впустую.

Оставшееся время на природе прошло спокойно, без приключений. Сет немного поспал, подружки пофотались в лесу и на поляне, собрали мусор и поехали назад.

По дороге Юфем стало плохо и ее вырвало. Сет дал ей пакет и остановил машину. Они вернулись из леса, где были втроем по пути, захватив и ревнивого профессора. Сет

принес Юфем красивую, нежно-малиновую сыроежку. Она расплакалась.

– Уже второй раз меня рвет в твоём присутствии. Ужас! Ты меня теперь бросишь.

Сет помолчал, оглянулся на Одри и вдруг произнес монотонно:

– Юфем, выходи за меня замуж.

Она перестала плакать и закашлялась.

– Что?!

– Ты же слышала. Я сделал тебе предложение. Не романтик, вместо цветов принес гриб. Думаю, тебе подойдет.

«А моей жене он бы принес целую корзину роз», – подумал профессор.

«Он понимает, что Одри ему не получить – вот почему он решил насолить моей жене... этим предложением».

– Я согласна, Сет, – Юфем вытерла блестящие от счастья глаза.

Она уже и не надеялась на что-либо подобное. Да и любить, похоже, она была не способна.

Сет довез профессора и его жену до города, там его машина почти заглохла – им залили некачественный бензин – и дальше они поехали на автобусе домой. Из-за того, что предыдущую ночь они почти не спали, то нынешнюю спали целых 11 часов.

Профессор шепнул Одри в это утро, что ее попка так хороша, что он не может забыть о ней, пока ей не достанется

достаточная доля ласки и поцелуев. Одри привыкла к тому, что все мужчины, мягко говоря, очень озабоченные и улыбалась.

Он все еще доставал ее Сетом, ведь тот на прощание пожал профессору руку, а Одри поцеловал в щеку. Когда Одри сообщила это подруге, Юфем сказала, смеясь:

– Скажи, что в следующий раз Сет и его в щеку поцелует, раз ему это так важно.

Профессора и теперь нельзя было переубедить в том, что Одри нравится Сет. Нет, он ей не нравился: бабник, не любит собак, рыбалку, курит и пьет. Она отлично поняла, что на природу Сет ездит лишь для того, чтобы выпить и лапать ее, Одри, что подтвердила и Вера, ее мама.

– Видишь, он твоему мужу положил руку на плечо только для того, чтобы тебя незаметно обнять за талию.

Даже Эпаф, ее отец, был солидарен с мамой.

– Мужчины только об этом и думают. А уж в твоём присутствии – несомненно! Ты особенная, дочка: красивая, сексуальная и простая, естественная. Некоторые мужчины пытаются этим воспользоваться.

Глава 14

Если мужчина и женщина постоянно ссорятся в браке и причиной ссор является легкая ревность – это вполне нормально. Ненормально, когда муж и жена друг к другу равнодушны и не интересуются ничем, что волнует и занимает вторую половину.

Юфем написала Одри:

– У меня на коленке синяк. Сет говорит – это тебя надо ревновать, что с профессором делала, откуда синяки?

– А у меня палец не заживает, не думает даже. Обычно быстрее затягиваются порезы. Профессор до сих пор нудит про поцелуй в щеку. Сказал, что я ему ее приготовила, потерла влажной салфеткой даже и ждала, когда поцелует. Ма-разм крепчал, как говорится. Не было этого.

– Не говори. Ржач.

Профессору она ответила на это, что он на работе тоже разговаривает с коллегами и кто знает, чем они там занимаются.

– Мы же все время вместе. Я тебя постоянно вижу, и ты не строишь из себя недотрогу, кстати сказать!

– А должна? Я нормальный человек и обычно веду себя нормально, ничего из себя не изображаю. Мне нравится общаться с людьми.

– С мужчинами только.

– Ты несправедлив. Я общаюсь и с женщинами.
– Да, но я замечаю одних мужчин.
– Кто виноват, что ты так видишь?
– Твоя сексуальность.
– Еще раз скажешь о ней – тресну по лбу! Ненавижу, когда ты говоришь, что я сексуальная. Она мне ни к чему – говорила ведь.

– Но она есть, как можно игнорировать этот факт?
– Поговори о моей сексуальности с моим отцом – ручаюсь, он тебя поймет и будет гордиться тем, что дала мне природа... в неограниченном количестве. Я – нет. Я люблю тебя, но мужчины обожают выносить мозг, когда им что-то при-
виделось.

Профессор поговорил с Эпафом о сексуальности Одри, и отец ее действительно отнесся к ней положительно, но предупредил, что все мужчины именно так к ней и относятся.

– Я с ума сходил, когда Вера оказывалась каждый раз именно той женщиной, о которой я втайне грезил. Но ты же понимаешь, что я не один, да и ты тоже, вокруг полно красивых и обаятельных молодых людей.

– Одри нравятся умные мужчины постарше.
– И умные, и постарше, – добавил Эпаф, многозначительно кивая.

А потом, довольно быстро, уже 15 сентября, была свадьба Сета и Юфем. Свадьба была пышная, и организовал ее Сет, чтобы как следует насолить Одри. Но ему пришлось понять

сразу, что ее это больше не трогает. Профессор и тот заметил, что отношение Одри к Сету переменялось.

– Что случилось? Он такой красивый, честный, смелый, сексуальный. И делает все ради тебя.

– А не нужно больше ничего для меня делать. Он мне больше не нравится. Только главный редактор – это его единственные полномочия в отношении меня.

– Что произошло? – повторил муж, а Сет прислушивался к их разговору, надеясь узнать, почему он больше не нужен любимой.

– Бабник. Я их не люблю. Он попытался убедить меня в том, что я хотела, чтобы он меня поцеловал. Странные Вы, мужчины. Я хотела тебя и ухаживала за тобой, стихи тебе писала... Разве я ухаживала за Сетом?

– Ты... его не отталкивала.

– И лишь поэтому он возомнил о себе нечто необыкновенное? Глупо. И он ненавидит собак и не понимает, как можно сидеть на одном месте часами. У него энергии много, она... просто превышает все допустимые нормы. Это я говорю как биохимик. Мне нравятся спокойные мужчины. А еще Сет не понимает, что я нашла в тебе. Говорит, что ты – предмет мебели, что порядочность скучна... И как-то... неприятно смеется над тем, что мне такие нравятся... как ты. Как можно смеяться над любовью? Она – чудо, а разве над чудесами смеются?

– Может, он просто ревнует?

– Тогда ты и ревнуешь интереснее и вежливее.

– И это учитывая ту пошлость, что я говорил тебе в постели?

– Да. К этому можно привыкнуть. Привыкнуть можно даже к тому, что ты как-то сказал, что у меня две дырки, а у тебя всего одна... И я обиделась, будто ты сказал, что я досталась тебе с браком, дырявая, то есть. К унижению любви привыкнуть нельзя. Даже легкая влюбленность, основанная на хорошем отношении, исчезает от злой иронии. Никогда прежде я так не ошибалась в людях. Я, правда, думала, что Сет – хороший парень.

– Но он хороший, – профессор чувствовал, что Сета нужно защитить, хоть он его и недолюбливал.

– Но не для меня. Я так рада, что они с Юфем поженятся. Юфем будет счастлива и не заметит, что Сет не обращает на нее никакого внимания. Ей не нужно внимание – она соскучилась по штампу в паспорте.

– Как-то ты говоришь о них... обидно.

– Нет, просто здраво, без сантиментов. Иногда они мешают увидеть истинное положение вещей. В-общем, столько в нем не того, что мне нужно... Зачем столько негатива в одном человеке? Предпочитаю мужчин без недостатков.

– Ангелов, что ли? – удивился профессор.

– Нет, всего лишь тебя.

– Да во мне целая куча недостатков! – стал разубеждать ее профессор.

– И это тоже мне нравится... в тебе.

– Что именно?

– Твоя попытка себя очернить, замаскированная под хвастовство.

Сет понял, что между ним и Одри больше не будет романтики, а деловые отношения годятся для тех, кто не влюблен в свою партнершу по работе. И с головой окунулся в свою семейную жизнь. Они даже были счастливы, поскольку Юфем не знала, о чем думает Сет. Он умел быть романтичным и поддерживал все начиная жены.

А профессор этой ночью сказал Одри:

– Счастлив я, что он тебе больше не нравится. Работай с ним, знакомься со своими актерами, выполняй для них работу... Делай, что хочешь, но не отнимай у меня права... ревновать. После сегодняшней свадьбы Сета и Юфем я чувствую, что должен признаться тебе... Я, именно я ревную, а он... – он выразительно посмотрел вниз, – Хочет доказать свою ревность.

Одри рассмеялась.

– Теорема уже доказана, – и погасила ночник на тумбочке у кровати.

Часть 2

Что было бы, если...

*Что было бы, если бы мы не встречались?
Наверное, на небе сердца не венчались,
Наверно, за светом в пути заблудились,
Встречались, любили, а не поженились.
И ныне не вместе, а память открыта —
Для новых оттенков обида зарыта,
Для новых надежд расстояние — малость,
Каких-то одежд для души не осталось.
Раскроем все карты: измена — не вечность,
И к ней отношение — человечность,
Смущение снова покроет мучение
И снова пропустит в прорехи прощение.
Что было бы, если бы мы поженились?
Друг друга терпели, как все во Вселенной.
Зачем мы однажды друг в друга влюбились,
Расставшись с той самой встречей нетленной?*
Александра Арсентьева

Глава 1

22.09.2015г. – 29.09.2015г.

Рухсар росла уверенной в себе девушкой, смелой, образованной и культурной. Со школьной скамьи, воспитанная

на поэзии Пушкина, Лермонтова, Блока, Есенина, она обожала русскую и некоторую зарубежную литературу, трепетно относилась к родному греческому языку и, даже общаясь в соцсетях, не позволяла себе допускать грамматических и различного рода ошибок.

Мама ласково называла ее Сарой, а отец просто-напросто ее обожал до безумия, ведь она внешне походила на него, а внутри основательно продолжила линию поведения Роберто Барберри. Как бы ни недолюбливал Роберто Барберри профессора Ноя, а сам профессор старался заслужить доверие знаменитого тестя любыми средствами.

Школьные годы шли для Рухсар резко, волнами, потому что дети ее откровенно недолюбливали. И то, что она была внучкой уже очень старого миллионера, не помогало ей построить нормальные отношения со сверстниками. Учительница русского языка и литературы на одном из родительских собраний предложила матери Рухсар остаться и сказала ей, что девочка ее сильно отличается от остальных, и в этой школе, да и в любой другой она ни с кем не найдет общего языка и ей всегда будет скучно, поскольку она выше их по интеллекту. Одри грустно кивнула головой – она ведь давно замечала нечто подобное – и ушла с собрания.

Как и любая девочка в школе, Рухсар с детства питала некоторый интерес к мальчикам. Интерес этот был сопряжен лишь с различиями пола, но это уже было кое-что. Уже в школьные годы Рухсар начала понимать, что мальчики со-

вершенно не умеют ухаживать за девочками: они били девочек портфелем по голове, дергали их за косы, отбирали у них школьные принадлежности, воровали всякую мелочь и все это лишь для того, чтобы каким-то странным образом обратить на себя внимание. На эту тему уже тогда очень откровенно поговорила с матерью и услышала, что у той подобного опыта не было – профессор сначала делал вид, что она – его протеже, а потом просто поцеловал ее и сделал предложение. Перед фактом поставил: я тебя люблю, как женщину и все. Одри даже не могла с точностью утверждать, только ли мужчины с низким уровнем культуры так ухаживают, или все остальные тоже, или же это бывает по-разному. Чужой опыт никогда никому пригодиться не может, так же, как и бесполезно копить детям приданое – у них все равно окажутся другие интересы и ничего из того, что родители скопили, им в жизни не понадобится; хотите помочь детям реально – копите деньги, а не вещи; каждый живет своим умом и совершает свои собственные, индивидуальные ошибки и исправить их пытается по-особенному, как считает он.

Все учителя в школах грешат тем, что постоянно пересаживают детей в классе. Так было и с Рухсар. Она сидела то с Эжени, то с Виктором... Сначала, 1 сентября, села с Ильгизом – красивым татаринном и случайно поймала на себе странный взгляд серых глаз красивого темноволосого мальчика. Она отвернулась и стала внимательно слушать учителя. Это было ее характерной чертой: она любила слушать

взрослых людей, но потом делала именно свои выводы из чужих слов.

Рухсар достались взрослые, шоколадно-пепельные, будто в серой дымке, тяжеловатые глаза от отца и Роберто Барберри. Им обоим даже пришлось примириться друг с другом ради этих любимых глаз. И темные волосы матери. Ростом она была 178 см.

Все девочки некоторое время нравились своим одноклассникам. Самый красивый из них, по мнению школьниц, блондин с голубыми глазами и густой шевелюрой, передружил с ними со всеми по очереди, избегая лишь Рухсар. Одну девочку, Кристину, он выделял особо: носил ее портфель и защищал ото всех мальчишек, вздумавших обидеть ее. Кристина была некрасива: у нее были пухлые щеки, темные волосы и карие глаза. Может, у них были общие темы для разговора или их свели вместе их родители? Никто не знал, однако все завидовали – чувства очень походили на настоящие. Первая влюбленность – она так нежна, так хрупка...

Больше всего Рухсар понравилось сидеть с Виктором. Он не только не обижал ее, но и помогал ей по математике без всяких просьб. А Рухсар, в свою очередь, помогала ему по греческому языку. Виктор был, что называется, умным и спокойным мальчиком, он жил какой-то своей, особенной жизнью и делал тоже свои выводы. Ему было все равно, что Рухсар не принимали сверстники – он как раз принимал ее и делал это как само собой разумеется, словно просто ста-

вил их перед фактом. У него были серо-голубые глаза, темные волосы, серьезный взгляд, совпадающий с внутренним миром и убеждениями, и он был красив – но тогда еще Рухсар не задумывалась о нем, как о спутнике жизни. А они говорили и говорили все свободное и несвободное время, на уроках, пока не слышал учитель. И темы для разговора сами собой возникали и находились – с этим никогда не было проблем. С мальчиками девочкам обычно не о чем говорить. И при всем при этом Рухсар ни разу не спросила у отца, не знает ли он этого мальчика, иначе бы узнала, что это сын его хорошего друга.

А вот самым странным оказался Андреас. Она вообще не хотела с ним сидеть: интуитивно вызывал отторжение. Учительницу полагалось слушаться и Рухсар смирилась с неизбежным. Она уже через пару дней указала Андреасу на его ошибку в греческом, и тот заплакал и пожаловался на нее учительнице. Та и с самого начала недолюбливала самолюбивую и смелую девочку, а теперь и вовсе немедленно приняла сторону трусливого ноющего мальчишки и отсадила не сошедших характерами учеников. Невозможно даже сидеть вместе за одной партой, если характеры совершенно разные.

Эжени все время ее подкалывал, и это было неприятно, это было болезненно и неэтично. Он считал себя неотразимым красавцем и вел себя в соответствии со своим преувеличенным самомнением. Рухсар не нравились голубоглазые

блондины – ей ведь было неизвестно, что отец мальчика все время гуляет от его матери и снова возвращается в семью как ни в чем не бывало.

Однажды одна бедная девочка, устав от бесконечных приставаний Эжени, запустила в него линейкой в виде молотка. И все получилось неудачно, хотя, смотря, с чьей стороны: она рассекла ему висок – линейка сломалась, воткнулась в висок и рассекла его. Эжени не стал жаловаться родителям, он просто перестал лезть к девочке. Таким образом, маленькая неприятность сослужила хорошую службу.

Рухсар нарисовала рисунок аквариума, и один из мальчишек зачем-то сказал учительнице, что рисовала не она, а ее сестра и та получила «2» вместо отличной оценки. И даже один раз сбросил ей на палец ноги парту. Рухсар никогда не жаловалась родителям, она просто делала неприятные выводы для людей, которые так поступали с ней. Мальчишка этот был симпатичный и толстый. Мать его работала уборщицей в школе и, очевидно, они завидовали состоянию Роберто Барберри и не знали, как по-другому насолить богатому семейству.

Были и другие завистники. Двое мальчишек, которых звали одинаково, невзлюбили ее с первого дня. Один был симпатичный, умный, но у него были злые глаза и поведение тоже, как выяснилось. Он унижал Рухсар всегда в присутствии других мальчиков и делал это с наслаждением. Другой просто смеялся над ней и однажды позвал ее, она обернулась,

а он ударил по ее часам линейкой со всей силы и сломал их. Часы были золотые, мать его работала заучем и учителем физики. Рухсар и здесь не побежала жаловаться, а имела полное право: Роберто Барберри добился бы увольнения матери мальчика, да и самого его отчислили бы из школы. Она жила по принципу: Бог все равно все видит, а жаловаться противно. Зачем портить жизнь и, возможно, блестящую карьеру человеку? Разборки ее не привлекали, а отталкивали.

Было много всего обидного и неприятного, всего и не упомнишь. Рухсар обижали все мальчишки. Люди часто обижают тех, кого не понимают. Девчонки сразу же, влюбляясь в очередного мальчика, раскрывали ему свою душу и начинали ухаживать за ним, делая за него все, что могли. Любая женщина делает настолько больше, чем самый работающий мужчина, что это вызывает уважение у тех, кто понимает это. Независимые женщины делают не меньше, чем остальные, но они, в отличие от домохозяек, которым ничего не нужно, кроме вялой, притворной любви мужа и детей, не прощают мужчине того, что он не замечает их стараний ради любимого и семьи. Рухсар считала, что каждый должен ухаживать за собой сам, инвалидов нет. Мальчишки не любили ее, девочки не любили ее, ее вообще никто пока не любил. А она хотела любви, искала ее, как ищут кого-то, без кого не имеет смысла жить. Ей казалось: если нет любви, то нет ничего...

Глава 2

Повзрослевшая, семнадцатилетняя Рухсар отдала свои предпочтения АУЭИБ, факультету греческого языка и литературы. Она немедленно построила всех студентов, которые уже не выказывали ненависти к ней, просто сторонились. Никто не любит, когда ему приказывают, особенно если это делает женщина, а, тем более, молодая и очень красивая девушка. Мужские рассуждения просты: красавица создана для постели и ухаживания за своим мужчиной. Жениться на ней необязательно, это того не стоит. Женитьба вообще становится все менее популярной у мужчин, зато деликатно названное гражданским браком сожителство набирает обороты и приобретает все более изощренные виды.

Теперь девушка считала, что не надо искать любовь, она сама ее найдет. Собственно, всегда так и происходит. Я не верю в любовь по заказу, но нечаянно влюбиться можно, отмечая здравый смысл, убеждения и цели в жизни. А иногда в жизни происходит и то, во что не веришь...

Рухсар сразу же понравился молодой преподаватель биологии и химии. Она даже вспомнила историю любви мамы и отца и поняла, что дочь часто идет по материнским стопам. Преподавателя звали Тис Ачэя Неоптолемос. У него были светло-каштановые волосы, карие глаза и насмешливая, словно пьяная улыбка. Он был красив и уже подавал

большие надежды в университете. Только он не был старше Рухсар на 14 лет, ему было всего лишь 26, его взяли работать сразу после окончания курса. Рухсар уже понимала, что у них будет все, но надо было выбрать подходящий момент для объяснения в любви. Прежде она никогда этого не делала, но для правнучки Роберто Барберри существует только правило трех н: нет ничего невозможного.

Момент вскоре нашелся. Рухсар осталась на дополнительные занятия по химии (на гуманитарном тоже была химия – на первом курсе для общего развития) и оказалось, что она плохо смешала растворы. Очень плохо. Ужасно. Химия ей не давалась.

– Что уж так плохо?

– А ты считаешь, хорошо? Ты, наверное, гордишься собой? – сказала ей преподаватель, худая, маленькая и злая женщина.

Рухсар это просто убило – она не привыкла терпеть поражение – и она плакала. У нее были покрашены глаза, тушь потекла, но она плакала сперва слабо, потом все сильнее и никто не сочувствовал. Только Тис, парень, в которого она действительно всерьез влюбилась. Он пришел в пустую преподавательскую, где она сидела, внимательно-сочувственно взглянул в глаза (он и в спортивном костюме был неотразим, а Рухсар одевалась просто, как ее бабушка Вера; сейчас на ней были бежевые брюки и желтая блузка) и сел на свое место. Рухсар вначале обиделась. Тис спросил:

– Никто меня не спрашивал?

– Многие спрашивали, мистер Неоптолемос. Бакчос...

– Маленький такой! – смеется, чувствуя свое превосходство с высоты 188 см.

– Да. И студенты. Про остальных лучше у лаборанта спросите, – Рухсар подошла к окну, а потом отошла и стояла напротив него, а он сидел.

– Что такая расстроенная с утра? – наконец, осведомился Тис, вальяжно рассматривая ее лицо.

– Да... Замечание сделала преподаватель химии.

– А как ты хотела, без замечаний жизнь прожить?

– Да нет.

– Никогда нельзя так расстраиваться. Мало ли что в жизни бывает? Что теперь, умереть? Это того не стоит!

– Такой характер. Не обращайтесь внимания, мистер Неоптолемос.

– Трудно не обращать внимания! – голос его стал нежнее.

И потом он бежал за деканом и окликал его, оборачиваясь на Рухсар и улыбаясь ей по-доброму.

Вскоре Рухсар стала свидетельницей того, как Тис не собирался ставить зачет одному студенту, но его уговорили.

– У меня все записано, – и ушел добиваться честного ответа.

Пришел и сказал Рухсар:

– Да, есть такой, оказывается!

Кто не понял, Рухсар это должно было быть интересно.

Шел в преподавательскую и лаборант спросила Рухсар:

– Кто там пришел?

– Тис, наверное.

– Кто там? – спросила лаборант в пространство.

– Свои, – усмехаясь, он явно понял, что между собой студенты называют его по имени.

– Хорошо, хоть откликнулся.

Вскоре декан рассказал студентам, что подобрал Тиса в горах (в командировке) и уговорил идти к нему (пинками), а потом оставил на кафедре. И Рухсар сделала правильный вывод: такие чудеса на дороге валяются! И что Тис Неоптолемос – преподаватель от Бога! Но доцент от природы. Декан еще сказал, что сам выбирает жертвы в аспирантуру.

«Глупый мужчина. И скользкий тип. Не отказывает сразу, а забрасывает моралью и читает нотации (лекции). Тис жертва, стало быть (аборта)».

Рухсар подкинула преподавателю Неоптолемосу записку в студенческий журнал 17 ноября. В записке было следующее:

«Хочу задать Вам один вопрос: Как Вы ко мне относитесь? Мне нужен конкретный ответ, а не такое: хорошо, нормально и т. п. Не говорите об этом никому. Может, преодолеем условности и станем встречаться?» Расписалась, назвалась Сарой и поставила дату, как учила мама в своих произведениях.

Итог получился такой: он вернулся, сел за стол, открыл

журнал и нашел записку. Оперативно так. Прочитал с серьезно-вдумчивым выражением лица. И порвал на клочки. Клочки не знал, куда деть. Лаборант пристала со спороношением. Он нервно заулыбался, глядя на Рухсар, и умоляюще сказал: «Сейчас покурю схожу и вернусь. Раскладывай пока». Сбежал довольно резво. Лаборант сказала удивленно:

– Нервничает, что ли?

Через десять минут пришел тихо (даже пол не скрипел) и, опустив черный взгляд, сел на стул. На Рухсар не взглянул. Очевидно, переваривал случившееся. Да, Рухсар такая. Ее некоторые поступки были необъяснимы. С точки зрения мужчин. Лаборант говорила с ним, а он не слушал. Она задавала ему вопросы, а он переспрашивал или не знал ответов.

«Открытие! Преподаватель целый день не думал о науке!» – сказала бы мама, думала Рухсар.

Он тер уши, лицо было красное и горело. Чесал голову, морщил лоб – вел себя, как студент на экзамене. Под глазами были черные круги. Даже его стандартная вальяжность была не в силах его украсить. Ему было плохо. Он переживал. Они с Рухсар одновременно подложили руку под подбородок. У дураков мысли обычно сходятся. Как и у влюбленных. Рухсар слушала его сбивчивую речь. После ухода Рухсар и возвращения Тис отошел. Заговорил о спороношении. Лаборант поспорила с ним на шоколадку с орехами и изюмом. Проспорила. Он улыбнулся, повернул голову к Рухсар и, заглядывая в глаза, сказал:

– Ну, мне шоколадку не надо!

«Причем тут я? Ешьте Вы свой шоколад, мне не жалко!»

Короче, дергался. Потом советовал на счет светильников (внимательно слушал мнение Рухсар) и сказал, что преподаватель химии плачет. Рухсар со злорадством подумала, что Бог ее наказал. Тис ушел, сказав: «Разбирайтесь!»

Так Рухсар совершила практически невозможную вещь: смутила даже не своего преподавателя, заставив нервничать и его, и себя тоже, находясь в мучительной и тревожной пытке.

Глава 3

Тис совершил непростительную банальность, решив посоветоваться с мамой по поводу признания, сделанного ему Рухсар. Естественно, мать посоветовала ему согласиться на встречи с правнучкой Роберто Барберри. Кто откажется от такого счастья? Все его коллеги интуитивно почувствовали, что между ними что-то намечается. Люди всегда все знают, даже если за порог не выходят – находятся в вакууме закрытого помещения. Как им это удастся? Загадка!

Тис подошел к Рухсар и взял ее за руку. Вокруг сразу стали оборачиваться, дело ведь происходило в коридоре. Тис не стал церемониться, а Рухсар поняла, что он не стесняется ни ее, ни их будущих отношений. Теперь и далее мне хотелось бы показать разницу в восприятии одних и тех же событий и поступков между мужчиной и женщиной. Эта разница сначала подталкивает к ненужным отношениям, а потом нещадно губит их.

Рухсар невольно, как все девушки, отдернула руку. Тис – здесь надо оказать ему честь – не стал возобновлять попытки к сближению. Он просто улыбнулся и сказал:

– Я согласен.

Рухсар смело посмотрела на него. И тоже заулыбалась. Вокруг шептались. Тис тут же и признался, неизвестно для чего:

– Я тебя люблю. Ты спрашивала – я ответил. Да, это ответ, самый настоящий.

Рухсар счастливо рассмеялась. Как она была влюблена! Тис казался ей самым красивым и восхитительным парнем на земле. Она совершенно не осознавала, что он бабник, что ему выгодно с ней встречаться, ведь она красивая и богатая. Женская природа дает ей уверенность в собственной неотразимости, если она находит объект для влюбленности.

И они стали встречаться. Все как-то сразу, немедленно поверили в их любовь. Никто не сомневался и не строил козней, никто не пытался их разлучить, ничего негативного не советовал и не вмешивался. Для счастья нужно обычно все и даже больше, именно поэтому счастья в этой жизни не существует, но вот иллюзий сколько угодно.

Рухсар ничего у Тиса не просила, она даже в ресторанах расплачивалась за себя сама, тем самым считаясь очень удобной девушкой для своего возлюбленного. Но однажды конфликт должен был произойти, ибо это неизбежно, если мужчина хочет большего.

Большого, как оказалось, Рухсар дать не собирается. Она уже знала, что они поженятся, причем довольно скоро и тем более не понимала, зачем спешить с интимными отношениями. Тис сделал ей предложение, как в кино. И вот, как это случилось: Рухсар собиралась сдавать семестровые экзамены, надела лучшее синее платье с короткими рукавами и брошью, юбкой с воланами и отправилась блеснуть своими

знаниями. И в холле 3 этажа увидела не только одноклассников, но и своего возлюбленного в костюме и галстуке. На ее памяти он никогда так торжественно не одевался. Джинсы там, футболка молодежная – никто из преподавателей не мог заставить его изменить свой внешний вид. А ради Рухсар, как выяснилось, он может пойти на все. Тис улыбался, засунув руку в карман брюк. И подошел к ней, игнорируя любопытные взгляды. Так раскованно он никогда себя не вел, все были заинтригованы. Рухсар, всегда спокойная и уверенная, волновалась и нервно дотрагивалась до брошки на платье.

– Оставь ее в покое, а то оторвешь и не сможешь принять самое важное решение в своей жизни.

– Какое решение? – на всякий случай спросила девушка.

– Рух, выходи за меня замуж, – он встал на одно колено, вынул руку из кармана и протянул ей коробочку с кольцом.

Рухсар так любила его, что прощала ему то, что ей не нравится, как он сокращает ее имя. Мама и отец звали ее Сарой. Тису она даже замечания ни разу не сделала по поводу ее имени. Так грустно, но первая влюбленность всегда слепа.

Студенты захлопали в ладоши. Романтические фильмы смотрят все, парни и девушки, и втайне многие из них надеются, что и в их жизни случится нечто подобное. У Рухсар, вот, уже случилось. А она стоит, такая немая, удивленная, впервые несмелая – никто никогда не видел ее такой – и тербит все ту же брошку, никак не оставит ее в покое...

– Зачем ты это... Как же я пойду на экзамен? Я же...

не сдам ничего! От волнения я все забыла!

– Ваш профессор заболел. Впервые в жизни это случилось: обычно он никогда не пропускает экзамена.

– Но... что же теперь делать? Что мы все будем делать, пересдавать в другой день?

– Нет, Рух, вовсе нет. Все уже решено, если ты скажешь «да...»

– Прости, но я не понимаю...

– Выходи за меня замуж. Скажи «да».

– Да, я согласна... И... Что же будет дальше?

– Это все, что от тебя требовалось. Экзамен сдавать не нужно – ты уже ответила на все мои вопросы – сегодня я замещаю профессора литературы, – хочешь, я и другим студентам поставлю отметки и отпущу их? Ну, отметки по успеваемости в течение семестра.

Рухсар выпрямилась и произнесла открыто:

– Хочу. Оцени всех по справедливости и отпусти.

Тис встал с колена и поцеловал Рухсар в присутствии одноклассников. Они и раньше целовались, но делали это не так явно и не увлекались процессом. Рухсар не поняла, зачем так подчеркнуто показывать свою страсть и свои отношения, коли они еще не зарегистрированы официально. Как и любая другая влюбленная девушка, она терпела то, что ее не устраивало, и не высказала свои претензии вслух.

Так Рухсар получила статус невесты и все стали завидовать ей, ведь многие девушки были по уши влюблены в ее

жениха.

Глава 4

Когда девушка получает статус невесты, она невольно становится увереннее и начинает слегка презирать своего жениха. Никогда, слышите, никогда не смотрите глупые романтические фильмы, где показывают одних простушек, которые самозабвенно доверяют своему будущему мужу, забывают о себе и только делают то, что велит он, любимый и единственный! Этого не бывает в жизни. А если и смотрите, то не принимайте, бога ради, их всерьез, чтобы потом не разочаровываться и не кричать на каждом углу, посыпая голову пеплом, что я женился на одной, а вышла другая и не считайте, что ведьма преображалась на время. Лично знаю пару, где они до брака жили вместе семь лет, и она вела себя с ним робко и неуверенно, как мышь, а потом, как только поженились, она стала так его строить, что кричала в общественном месте и даже била его. Надо сказать, что он реально противный и странно, что ему не перепало от жены гораздо раньше, учитывая то, что от него отказалась собственная мать, прекраснейшая и порядочная, скромная женщина. И это нормально – хотелось бы это подчеркнуть. Предназначение девушки – выйти замуж. Когда с ней это случается, да если она и ребенка родит от этого мужчины – она понимает, что дело сделано и становится сама собой. Возмущенные мужчины сейчас могут проанализировать свое поведение

ние и успокоиться: пока они ухаживают, они врут и представляют себя в самом выгодном свете; как только становятся мужьями – лежат на диване и пьют пиво, играют на компьютере (это утрировано; можно просто переставать дарить цветы и говорить комплименты – и так никуда не денется – так рассуждают все, независимо от пола, но мужчинам всегда это видеть и слышать обиднее – статус мужчины предполагает несокрушимую заботу о нем и прощение всех его грехов).

Рухсар стала замечать, как всегда случается, когда влюбленность переходит в любовь, что Тис – обыкновенный бабник, обожающий заниматься самолюбованием, тщательно следящий за модой. Он наглаживал рубашки и проверял стрелки на брюках, выбирал молодежные вещи, показывающие его моложе и красивее, а также пользовался мужской косметикой. Джинсы он носил самые крутые, игнорируя замечания совета, что так одеваться в стенах университета не подобает – это подает молодежи дурной пример.

Когда началась практика, Тиса самого первого окружили девчонки и стали напрашиваться к нему в группу. Он не отказал ни одной из них. Рухсар оставалась недовольной до тех пор, пока половину девушек не разобрали другие преподаватели – не полагалось увеличивать лимит студентов. Девушки, отсеянные деканатом, были очень разочарованы и больше всего ненавидели Рухсар – им казалось, что это она все подстроила. Тис в сложившейся ситуации пожимал плечами,

смеялся, отшучивался, что страшно красив и ни в чем не виноват – природа все сделала за него. И... постепенно терял Рухсар. С невестой, если она так сильно в тебя влюблена, нельзя так обращаться. Женская ревность – это не смешно.

Любая девушка, получившая предложение выйти замуж, мечтает о самом красивом на свете свадебном платье и невероятном обручальном кольце. Рухсар легко рассталась со своими сбережениями (она и на свадьбу копила – богатые невесты чаще всего бережливы; только бедные бесприданницы тратят последние деньги – их у них просто нет, а хочется поднять настроение, отсюда и бездумные траты на ветер) и купила стильное, скромное, очень дорогое свадебное платье в пол со шлейфом и воротником – стойкой, как у королевы в иные времена и шикарное, платиновое обручальное кольцо в виде Эйфелевой башни. Тис смеялся, когда ознакомился со всем этим ассортиментом свадебного туалета. Рухсар купила и фату: длинную, тоже в пол и всю украшенную мелкими натуральными жемчужинами. Она называлась Маргарита. Туфли были греческие, на 9-см шпильках, из чистого золота, украшенные бриллиантами в центре.

Тису Рухсар тоже сделала подарок, учитывая его наплевательское, в общем-то, отношение к свадьбе: она купила ему черный смокинг и белоснежную в серый мелкий цветок рубашку. И кольцо купила в виде статуэтки Гюстава Эйфеля, главного конструктора знаменитой достопримечательности Парижа.

На каблуках Рухсар становилась ниже будущего мужа всего на см. Это очень не нравилось будущей свекрови, считающей, что необходимо было выбрать низенькую невесту – ею и управлять легче. Это вообще моя любимая тема: мамы сыновей найдут своему чаду (здесь, правда, он сам ее нашел или она его) богатую невесту и почему-то считают, что теперь имеют полное право ее строить. Под желанием строить понимается полное подчинение свекрови и ее родственникам, отречение от собственного мнения и пустое поддакивание. А свекровь и ее родные, пользуясь явной невменяемостью невестки, переселяются в ее жилплощадь, тащат туда своих родных и диктуют, что делать и как жить. Любой современной женщине доподлинно известно, что в наше время полностью построить, подмять под себя можно только дуру, а среди богатых невест такие вряд ли отыщутся – это они фильмов насмотрелись; там все богатые – дурочки, а бедные – умные; им якобы ум дается вместо богатства, чтоб не обидно было. Умная, богатая и свободная в мышлении женщина никогда не станет слушать кого-то, как бы об этом не мечтали родственники мужа. И получается стабильный скандал и вывод: не слушается – значит, стерва и надо стереть ее в порошок; раз любит мужа – обязана им беспрекословно подчиняться.

Свекровь звали Аделфа Аргирис, что означало в переводе дорогая сестра, серебряная. Когда Рухсар не понравилась матери Тиса (бесперспективные отношения с самого нача-

ла, отец и мать – адвокаты; мать – горделивая и нетерпимая к чужим особенностям и недостаткам; Рухсар не была изощренной стервой и сама призналась в чувствах), та предложила сыну: «Брось ее! Сколько у тебя еще таких будет! Я тебе найду...»

Тис ответил ей, но как-то вяло, без энтузиазма:

– Я не хочу бросать (а не не собираюсь, как следовало бы возразить, если любишь) Рух. Где я еще найду такую богатую и покорную невесту? Она даже на свадебный наряд потратилась и мне все купила!

– Да кому он нужен? И ей зачем такое вот платье? Она просто хочет удивить своих гостей невероятно дорогим приемом, а тебе с этого ничего не прибавится. Кстати, сын мой, зачем твоей невесте фата?

– Не понял... В смысле зачем?

– Она символизирует девственность невесты. Зачем демонстрировать гостям и родственникам ложные надежды?

Тис как-то нечаянно смутился и отвернулся.

– Постой, Вы... Что, правда? Да не может этого быть!

– Мы... нет, мама. Секс до свадьбы – не истинная цель в жизни мужчины.

– Она тебе отказала?

– Да.

– Какой дурак! Надо было потребовать, заставить, в конце концов!

– Я не могу.

– Почему? Ты же мой сын! Ты же можешь все! За тобой девушки толпами бегают! Что особенного в ней?

– Она... мне нравится. Наверное, это что-то похожее на то... как бывает один раз и на всю оставшуюся жизнь. Мне так повезло: в меня влюбилась правнучка самого Роберто Барберри! Я ее не потеряю. Я не должен, нет, не могу так себя вести, как ты хочешь.

– Идиот! Ты такой красивый! Мужчины чаще всего уродливы или обыкновенно несимпатичны, а тут... Судьба дает тебе шанс...

– Шанс на что? Вести себя, как подонок? Я не могу.

– Надо же! Мой сын... Ты не мой сын. Я тебя родила, но ты не думаешь, как я и не ведешь себя так, как должен. Как следует вести себя с женщиной, которая тебя любит.

– Рух не говорила мне, что любит меня. Я говорил.

– Какой ужас! Ты допускаешь такие ошибки, которые исправить невозможно до конца своих дней! Ты... любишь эту женщину?

– Я не знаю, мама. И прекрати меня учить жизни. Как-нибудь сам разберусь. Это ты считаешь, что я что-то должен, у меня иные цели и желания. Могу я поступать так, как мне нравится?

– Не можешь. Мама плохого не посоветует. Ты должен вести себя так, чтобы она увидела в тебе мужчину. Тогда и упрашивать не придется: она сама отдастся тебе. И ты будешь ее презирать – вот что такое идеальные отношения

между мужчиной и женщиной. Всякая женщина, уступившая мужчине, даже если по-настоящему любит – шлюха...

– И ты такая, мама?

– Я – удивительное исключение из правил. Вопрос для тебя в том, чтобы убедиться, что твоя Рухсар отдалась бы любому, если бы он просто попросил. Но ты обязан вести себя так, чтобы она тебе отдалась – так ей легче будет приказывать. Твоя будущая жена должна знать свое место. Неужели дочь таких богатых родителей еще девственница?

– Думаю, да.

– Странно. Обычно богатым все позволено. Ей уже немало лет.

– Всего 18.

– Это много.

– Рухсар считает, что у порядочной девушки не может быть интимных отношений до свадьбы.

– В таком случае, она тебя не любит, – упрямо поджала губы мать.

– Ты адвокат, а ведешь себя, как прокурор, мама.

– Я – твоя мать и имею право на свое мнение. Эта девица тебя не стоит. Если бы она предназначалась тебе свыше, она бы вела себя скромнее.

Тис вроде бы был с ней не во всем согласен, но любое слово, любая неосторожно оброненная фраза, сказанная в осуждение любимого тобой человека, всегда действует невольно на влюбленного, пусть и не сразу. И тот, кто ранее счита-

ет возлюбленного идеалом, начинает в этом сомневаться. И, сколько Тис не намекал, не пытался вскоре, не говорил, что все равно они жених и невеста, Рухсар не уступала. У них так и не было секса.

Глава 5

Девушки в Тиса влюблялись всегда, с детства. Их было так много, что он и не считал количество сходящих по нему с ума. Но только Рухсар он ценил по-настоящему, ему невероятно льстило ее богатство, знатность и ее открытая, простая, как в древние времена, влюбленность. Она выглядела так, словно собиралась простить ему все на свете. Тис не считал нужным проверять это, его и так все устраивало. Но мама его, сама познавшая настоящее счастье в браке, почему-то не упускала возможности испортить сыну и будущей невестке отношения. Любая мать гордится своим сыном намного больше, чем дочерью и это странно, ведь если бы рожали одних мальчиков, выходит, все были бы счастливы и довольны? Пол ребенка скрывают от друзей и знакомых только тогда, когда ждут мальчика, якобы, чтоб не сглазить. Получается, что будущую дочь сглазить не боятся? В данном случае успешность молодого человека, Тиса, не подвергалась сомнению ни с чьей стороны: все любили его и завидовали ему. Его даже девушка самая лучшая выбрала, а такое бывает редко. Обычно в обществе потихоньку говорят, что у этого красавчика были варианты получше.

Некая пелена на глазах любленной женщины бывает первое время для того, чтобы не идеальный молодой человек мог разбавить свой неудачный генотип и продолжить род,

заявленный как несовершенный, отличными данными. Рухсар еще не было тридцати, и она ко всему этому не пришла своим умом. Она не имела ничего против его женщин, она их замечала, но они ее не раздражали. Она встречалась с женой, как во сне: видела его красоту, – на самом же деле он был просто смазлив и только, ценила то, что он первый признался ей в любви, а она до сих пор не сказала ему того же самого (а ведь это она дала ему понять, что влюблена, написав письмо), что он ее не стесняется (с чего бы ему делать это, она же правнучка Роберто Барберри – его уже не было в живых, а слава его оставалась яркой) и даже целует на людях (смелая девушка может позволить себе и не такое, да и разница в возрасте была у них невелика – он напоминал подростка, а не преподавателя).

– Дорогая, мы уже полноценные жених и невеста, почему ты отказываешь мне? Мы все равно поженимся.

– Вот когда поженимся, тогда и случится то, на что ты рассчитываешь.

– Я просто мужчина. Я тебя люблю.

– Нет, ну, то есть, ты мужчина, конечно, но... Надо подождать.

– Почему?

– На некоторые вопросы не нужен ответ. С положением вещей надо смириться.

– Ты такая... закрытая, Рух.

– Да, я очень похожа на своего отца, профессора Ноя. Ма-

ма первая призналась ему в любви... в стихах. Их было так много – я ограничилась письмом. У нас тоже будет свадьба, как у моих родителей. И мы будем вместе всю жизнь – дочери часто повторяют судьбу матери.

– Ты меня любишь?

Рухсар кивнула.

– Почему ты никогда не говоришь мне эти три простых слова?

– Не знаю. Боюсь, что они окажутся напрасными. Предчувствие... какой-то беды. Мне иногда кажется, что ты не придешь на нашу свадьбу. Знаешь, такое в кино бывает: опоздал, что-то случилось... Не пришел жених, одним словом.

– Я приду. Меньше смотри всякие глупые фильмы, Рух.

– Не фильмы глупые, а я, Тис. В наших встречах чего-то не хватает. Всегда, даже сейчас, в эту минуту.

– Чего именно?

– Я не знаю. Интуиция.

– Рух, у нас свадьба через два месяца, тебе 18, а мне 26. Мы поженимся.

– Вот когда поженимся, тогда я успокоюсь и скажу тебе все, что должна.

– Мама... Она говорит, что мы можем и так...

– Нет, не надо меня уговаривать. Я не гулящая, Тис, я только лишь твоя будущая жена.

– Я этого и не говорил.

– А ты ведь не любишь меня так, как должен, как я этого хочу...

– Люблю.

– Нет. Ты любишь меня так, как можешь, а этого мало. И твоя мама хочет, чтобы я оказалась такой, как все.

– Какой – такой?

– Чтобы я не устояла перед тобой. Я собираюсь ее разубедить и пока еще есть время, бросай меня и ищи более стогворчивую особу.

– Ни за что, Рух. С тобой останусь.

– Как хочешь. Ты такой... стандартный.

– Это как?

– Нет в тебе чего-то, что обязано быть в настоящем мужчине.

– Так я не мачо, по-твоему?

– Я не об этом. И мне не нравятся brutальные мужчины. Они меня пугают. Никогда не влюблюсь в такого вот... грубого мужлана, без образования, не умеющего и двух слов связать без оскорблений.

– Естественно, не влюбишься! Я этого не позволю. Ты – моя, Рух. Моя невеста.

– С тобой так приятно договариваться, – Рухсар поцеловала его.

Тис вскоре заболел на нервной почве в связи с подготовкой к свадьбе, тяжело выздоравливал, и врач прописала ему уколы в ягодичную мышцу. И он отправился к медсестре

в процедурный кабинет.

Медсестры обыкновенно бывают хорошенькие блондинки, с большими глазами, не столь длинноногие, но в коротком халатике этого так не заметно, – наоборот, ноги кажутся тоньше и длиннее. Эта медсестра была тоже хорошенькой голубоглазой блондинкой. Она встретила его и сразу же взяла в оборот, кокетничая без меры:

– Здравствуйте, молодой человек. Я Антуса (цветок в переводе с греческого), а Вы? Знакомясь с пациентами, быстро переходишь на ты, и общаться становится во много раз приятнее.

– Тис меня зовут. Давайте к делу. Ненавижу уколы, но моя невеста не дала мне шанса слинять.

– Ваша невеста? Красивая, наверно?

– Очень. Правнучка Роберто Барберри.

– Обалдеть! – непосредственно восхитилась девушка.

– Теперь Вы входи в круг VIP – клиентов. Вам повезло!

– Согласен с Вами. Заболтались мы. Приступайте уже...

Когда медсестра увидела его пятую точку, то, как и студентки в университете, захихикала и сказала:

– Какая попа! Просто прелесть! Невесте, надеюсь, нравится?

– Она не видела... Хотя, Вас это не касается.

– Не видела?! Вы в темноте сексом, что ли, занимаетесь?

– Не Ваше дело!

– Как-то... странно. До свидания. Приходите завтра.

В последующие разы она все также подкалывала Тиса, а когда он прошел курс уколов и закончил лечение, то несколько раз еще заходил в поликлинику и забрал больничный. И в коридоре его все время караулила медсестра и спрашивала, кокетничая и улыбаясь: «Как там моя сладкая поп-ка?»»

Тису это надоело и он, затащив ее в процедурный кабинет, снял свои брюки и трусы и занялся с ней сексом. Тиса нисколько не волновало, что их кто-нибудь застукает из медперсонала. Больше медсестра его не доставала, а Тис не мог забыть приключения. Хорошенькая медсестра с большими глазами снилась некоторое время ему и во сне.

Мать узнала об этом происшествии сына самая первая. Она почувствовала, что у него случилось что-то необычное и расспросила его. Сын не стал долго препираться, он честно все рассказал, не увидев в этом ничего предосудительного.

Когда до свадьбы оставалось чуть меньше недели, Тис заговорил с Рухсар о медсестре:

– Рух, помнишь, я ходил на уколы?

– Да, конечно. Что-то не так?

– Нет, просто я всегда думал, что в кино показывают всякую ерунду, а тут... Медсестра была действительно хорошенькая и я с ней переспал.

– Что?! – Рухсар повернулась к жениху.

– Она мне надоела и я завел ее в медицинский кабинет... Там все и случилось... А что такого? Ты же мне все равно

не давала, а у меня слишком долго не было разрядки. Ее зовут Антуса и она так со мной флиртовала! Все время повторяла, что у меня классная попка, и она по ней скучает. Я показал подробно... Все девчонки в университете ею восхищались, а ты... не хотела смотреть.

Рухсар некоторое время молчала, а потом сказала спокойно и просто:

– Между нами все кончено. Теперь ты можешь спать с ней еще и еще. Мне наплевать.

– Но... Как же наша свадьба?

– А свадьбы не будет.

– Но я честно все рассказал тебе! Вы же, женщины, любите честность!

– Такая правда мне не нужна. Прощай, Тис. Оставь меня, я устала.

Тису пришлось уйти, хотя сдаваться он не собирался. Расставаться с правнучкой Роберто Барберри? Невероятная глупость!

История, начавшаяся почти сказочно, получила продолжение и, учитывая ошибку, что герой совершил, положила закономерный конец отношениям студентки и преподавателя.

Часть 3

Оглянись по сторонам...

правильно

*У закрытой дверцы я блуждаю ночь и день,
Но ключ от этого сердца потерян и не найден.
У закрытой дверцы, у высоких белых стен,
Но ключ от этого сердца потерян и не найден.
Заходило солнце за туман, на чужое небо,
А я хотел остаться рядом с ней в уходящем дне.
Ведь я любил ее мучительно
И нежно, каждый день, теряя безнадежно
След ее, читая что-то между строк и слов.*
Валерий Меладзе

*Да разве имеет значение
Твое место и положение,
И есть хоть какая-то разница,
Что мы слишком разные?
Когда ты вот так смотришь на меня,
Когда я сжимаю твою ладонь,
Вот это и есть настоящая...
Любовь, любовь, любовь, любовь, любовь...*
Лера Массква

Глава 1

29.09.2015г. – 29.10.2015г.

– Папа, мне срочно нужен новый жених! – обратилась к отцу смелая и решительная Рухсар.

Отец оторопел.

– А что случилось со старым? Протух, что ли?

– Папа! Шутить ты не умел еще со времен Гражданской войны!

– Спасибо, дочь. Очевидно, родители заводят детей, чтобы в один прекрасный день те их раскритиковали в пух и прах.

– Вовсе нет. Чтобы использовали, так ведь?

– Угу, еще не легче! Тис, его так зовут, что с ним?

– Он изменил мне, папа. И я его бросила. Так удивительно, потому что женщины не бросают мужчин. Мужчины постоянно бросают нас, изыскивая различные неэтичные способы, а мы все терпим и прощаем. Не хочу. Надоело. За весь женский род обидно. Может же такое быть?

– Может. И как это было, его измена?

– Как раз перед свадьбой переспал с медсестрой, которая делала ему уколы. Ну, она с ним флиртowała. У мужчин это нормально, да?

Профессор Ной внимательно посмотрел в глаза дочери

и спросил:

– Я точно не ослышался?

– Нет.

– Он идиот.

– Да. И мне не нужен такой муж. Единожды солгав, делают это снова и снова. И его мать меня не любит. Теперь я хочу мужчину, который будет слушаться меня, исполнять все мои приказания без обсуждения. Хочу подкаблучника. Красавец с манией величия у меня уже был – мне не подходит. Мой муж должен быть романтиком, весь такой нежный и очаровательно тупой, руки из попы, короче... Не мачо, фу, только не такого!

– Сара!

– А что? Только мужчинам можно откровенно высказываться о женских недостатках? И последнее условие: его мать должна носить меня на руках, не меньше. Лучше бы, конечно, ее вообще не было. Такая сирота с ласковым и наивнейшим взглядом ребенка.

– Рухсар, ты хоть понимаешь, что такого не бывает?

– Бывает. Я найду такого мужчину.

– Ты найдешь или я?

– Ты сможешь, – многозначительно ответила Рухсар.

– У тебя же есть друзья, знакомые, а у них, наверняка, есть сыновья. Познакомь меня с ними со всеми. Я буду ждать. И сделать это надо как можно быстрее, иначе Тис опередит меня и женится на этом цветочке.

– Что ты имеешь в виду? Почему он вдруг решит на ней жениться? Ты лучше: красивее, умнее, богаче просто, наконец. Мужчины в наше время такие падкие на женские деньги. Работать не любят, а халяву не пропускают, так и норовят пристроиться на теплое место.

– Он во мне деньги нашел, да, папа?

– Скорее всего, да, если так легко изменил. Ты уже не любишь его, надеюсь?

– Люблю... больше всего на свете. Так люблю, что мне страшно... что-нибудь сделать. Я должна излечиться от этой любви, прогнать ее, выжечь огнем, как болезнь. Мне понадобится новая страсть... для исцеления. Любовь в жизни каждого человека бывает только одна, так? А у меня будет другая – я верю. Мой новый партнер будет таким, который нужен мне, а не я буду такой, как он хочет. Все меняется и я... поменяюсь.

– Какая ты сильная, Сара... Если бы твоя мама отказала мне...

– Разве ты спрашивал?

– Нет. Она мне вручила свои чувства и я... сошел с ума.

– Так что там у твоих друзей и знакомых? Знаю Сета. Сын у него есть?

– Есть, но я бы не хотел... Вы с ним еще в школе учились, за одной партой сидели...

– Ты бы лучше спросил, с кем я не сидела. Как он выглядит, сын Юфем и Сета?

– Толстый такой, симпатичный мальчишка. На мать похож очень.

– Вазилис?

– Да.

– Нет, категорически. Он мне на палец парту скинул, а в следующий раз сказал, что я не сама рисунок рисовала и мне «3» поставили. Такой красивый рисунок был, очень обидно!

– Пошел он лесом тогда! Тем более что Сета я до сих пор вспоминаю с содроганием.

– Я понимаю, что мама тебе с ним изменяла.

– Не изменяла, только целовалась и то один раз.

– Так память-то у тебя отличная – профессия обязывает, – улыбнулась Рухсар.

– А другие есть?

– Сейчас вспомню. Вот, отличная кандидатура: сын моего хорошего знакомого, Виктор. С ним Вы тоже в школе учились.

– Такой... красивый и уравновешенный? В греческом языке не разбирался?

– Да, очень вероятно.

– Знакомь! Он еще тогда решал мне математику, хоть я и не просила. Он не только был красивый, он был замечательным мальчишкой. Когда мы снова встретимся? Решено: он станет моим мужем.

– Какая ты нетерпеливая, дочь.

– Вся в тебя и дедушку. И?

– Мой знакомый вернется в Афины вместе с женой и сыном через полгода, не раньше. Теперь тебе только остается надеяться, что Тис если и женится на своем цветке, то не прямо сейчас.

– Хорошо, я подожду, – уступила Рухсар доводам отца и сложившимся обстоятельствам.

Глава 2

Уж если Рухсар не имела понятия, но превосходно строила догадки, кто все-таки доведет ее до алтаря, то и моим читателям можно дать возможность поломать над этим голову некоторое время. Рухсар сделала ставку на Виктора: он не был подкаблучником, который отчего-то стал ей нужен немедленно, но и мачо не был. Этакий замечательный компромисс между ними обоими: серьезный, спокойный и ответственный парень. Казалось, у него нет эмоций, но Рухсар собиралась проверить, а не показалось ли это.

Она не позволяла себе думать о том, что ненавидит подкаблучников, что очень странно для сильной женщины. Она составила отличный план в голове, как добиться от мужчины любви, самой при этом не влюбляясь. Она теперь боялась ранящего чувства, не хотела повторять нынешних ошибок, да и совершенно не верила, что можно влюбиться снова.

Виктор учился на данный момент на пластического хирурга. Он выбрал университет в Салониках.

«На сегодняшний день эстетическая пластическая хирургия достигла пика популярности и приобрела широкую известность во всем мире. В Греции с каждым годом растет число желающих провести подобные операции не только среди греков, но и среди приезжающих в страну иностранцев. Отдых в Греции Вы с комфортом можете совместить

с решением эстетической проблемы.

Пластические операции в Греции проводятся квалифицированными хирургами, прошедшими профессиональную подготовку, сочетающую в себе международный опыт и превосходное образование.

Одними из лучших в области проведения пластических операций являются биоклиники Афин и Салоник, входящие в группу компаний «Биомедицина», где отделением пластической хирургии заведует известный в стране пластический хирург доктор Нодас Капоситас.

Г-н Капоситас, член Американского общества эстетической пластической хирургии и Греческого общества пластической хирургии, с 2000 года успешно занимается хирургической практикой и ведет прием пациентов со всего мира, в том числе из Англии, Германии, Америки, России и Украины.

Клиники предлагают комплексный пакет услуг по эстетической хирургии, стоимость которых значительно ниже, а уровень качества и совершенство методик ничем не уступают аналогичным услугам, предоставляемым в других европейских странах. При этом в стоимость включены не только расходы на проведение операции (клинические расходы и другие), а также трансфер в/из аэропорта в отель и консультации врача.

Ко всему прочему после проведения операции у пациентов имеется уникальная возможность воспользоваться сво-

им пребыванием в Греции и отдохнуть на превосходных пляжах этой невероятно красивой страны, а также отправиться в экскурсионные туры по Афинам, Салоникам и знаменитым островам.

Более подробную информацию о клиниках и врачах Вы найдете на официальном сайте хирурга, посвященном: эстетической и реконструктивной пластической хирургии в Греции».

Именно такими пламенными речами и рекламными лозунгами обычно заманивали юных студентов медицинских университетов в свои сети пластической хирургии, не упоминая, как тяжело и сложно стать хорошим врачом в этой области.

Эстетическая хирургия в Греции – в основном прерогатива частных клиник. Большинство из них расположены в столице страны Афинах, а также в Салониках и Патре. Кроме того, в стране действует строгая, единая для всего Евросоюза система подготовки хирургов:

2 года специалист обучается по специальности «Общая хирургия»,

затем еще 4 года – по специальности «Пластическая хирургия».

Обучение проводится на базе крупных государственных клиник, под руководством лучших местных и зарубежных представителей профессии.

Услуги лучших местных хирургов стоят примерно так же,

а иногда и меньше, чем в среднем по Москве: например, операции по увеличению груди («все включено») обойдутся в 4000—5000 евро, ринопластика – от 3000 евро, липосакция – 3000 евро.

На Виктора не действовали ни доводы матери, ни советы отца в выборе профессии и жизненных ценностей. Он и в школе не обращал внимания на мнение одноклассников, твердящих ему, что Рухсар – ему не пара. Он выбрал себе девочку по своему вкусу, единственную среди множества и не просто сидел с ней, а жил ее юной жизнью и интересами. Она не просила его помогать по математике, но он помогал, наблюдая, что ей требуется помощь. Он бы делал это и в том случае, если бы Рухсар в ответ не учитывала его сложности в греческом языке.

Серьезное, спокойное отношение к жизни и к трудностям и проблемам помогло ему в выборе специальности. Надо быть настоящим заложником кропотливого труда, чтобы мечтать о пластической хирургии. Виктор потерял Рухсар после школы, но собирался ее найти однажды. Он ничего не знал о ней, а спрашивать не хотелось. Он всего и всегда привык добиваться сам и сейчас не принимал исключений из правильного ритма жизни. Сначала станет известным пластическим хирургом, а потом найдет свою невесту. Рухсар не стала бы задерживаться в Афинах, куда он собирался приехать на каникулы к матери и отцу. Необыкновенные девушки ищут что-то иное, чем родной дом: мечту, судьбу,

идеального мужчину...

Глава 3

Все время видеть одни и те же лица скучно, а приходится. Рухсар уже порядком надоели бывшие одноклассники. Виктор, Андреас и Эжени, а также Николаус с параллельного класса, все время околачивающиеся у второго подъезда ее дома. Николаус рос без матери и неизвестно, отчего ненавидел Рухсар и очень злобно тарасился на нее, когда она возвращалась с университета. Или ржал, или палкой заманивался, или обидные замечания делал. Эти малолетние хулиганы – так называла их мысленно Рухсар – ничем полезным не занимались, а только курили и пили пиво. Странно, но у неработающих молодых людей деньги на спиртные напитки и курево имелись.

Виктор был инвалидом с недавних пор – отморозил ступни ног, их отняли и он ходил на костылях очень долго. Потом женился, родилась дочка, но жена сбежала от него, бросив ребенка. Ребенка воспитывала и растила в дальнейшем сестра Виктора, Натали. Все это случилось позже, а пока друзья и бывшие одноклассники, без образования, ничего не окончившие, кроме школы, пили и занимали места на лавочке. Андреас еще и наркотики пробовал, но недолго – вовремя очухался.

Рухсар с детства питала отвращение к необразованным мужланам, считая их примитивными самцами. Дело было

даже не в том, что образование давало что-то особенное, но люди без образования сами стыдились и стеснялись этого, росли комплексы и они срывали злость и неудовлетворенность на чужих людях, полностью не желая осознать проблему. Рухсар с такими вот типами в соцсетях наобщалась. Одного из них, 59 – летнего Влазиса, высокого блондина с васильковыми глазами по описанию, рожденного с ней в один день, занимающегося спортом, она запомнила надолго. Сначала он был мил, надоедал комплиментами, которые страстно ненавидела Рухсар, а потом вдруг стал грубить и оскорблять ее. Она решительно написала, что он ее разочаровал, и удалила его из друзей. Считала отныне, что пусть его хотя бы порадует тот факт, что последнее слово осталось за ним. Ее, как сильную женщину, это почему-то не беспокоило. Юфем, подруга мамы, узнав о переписке Рухсар с неюным, женатым и многодетным Влазисом, сказала, что они бранятся прямо как любовники. Рухсар была очень привязчива, но память о Влазисе ей пришлось прервать. Он надоел ей не только со своими бесконечными упоминаниями о жене, но и хвалебными песнями невестке. Рухсар считала, раз со свекровью и свекром не повезло ей, никому другому тоже не может повезти с родственниками мужа, если люди не врут.

А тем временем Тис вспомнил о своей невесте и решил с ней поговорить. Любой мужчина, которого бросили, словно фильмов про любовь насмотрится и действует в соответ-

ствии с увиденным на экране. Предположить даже не может, что женщина измены может не простить. Мама-то его раз сто ему внушила, да кому Рухсар нужна, вот он и верил ей. Кому нужна правнучка Роберто Барберри, даже если он умер – ну, не смешно ли? Просто Рухсар сделала предложение не тому молодому человеку, а найдутся непременно и такие, кто объедками не побрезгует. Подберет и не поморщится. Слопает. Себе присвоит на веки вечные и мнения бывшего не спросит. Не все же на деньги и славу зарятся, есть и нормальные парни, которые умеют и любят зарабатывать.

– Привет, – Тис не отличался вежливостью, но теперь он хотел набить себе цену, действуя по материнскому плану.

– Что тебе надо? – Рухсар не осталась в долгу, в критические моменты она умела напирать довольно агрессивно.

– Почему ты так груба со мной?

– Сзади стоят мои бывшие одноклассники, все сплошь наркоманы и пьяницы – один даже умер недавно от передозировки, сестра родная у него осталась, замуж выходит, очень красивая. Я не хочу, чтобы они нас вместе видели.

– Я не пьяница и не наркоман. Я интеллигентный преподаватель университета экономики и бизнеса.

– Ты не пьяница, но ты хуже. Ты мой бывший. Господи, поверить не могу, какая гадость: я думала, у меня никогда не будет бывших. Ты бы еще дружить предложил!

– Дружить зачем предлагать? Лучше давай поженимся, Рух!

– Нет. Мы с тобой разошлись, как в море корабли, а ты даже не капитан. В тебе нет ничего, что я любила. Ошиблась, просто забывала снять розовые очки.

– А сейчас... сняла?

– Да. И у меня уже есть жених.

– Так говорят девушки, чтобы ревность вызвать, интерес.

Не куплюсь на это.

– Не покупайся, мне какая разница? Ты уже женишься на своей медсестре?

– Зачем? В ней нет того, что есть в тебе, любимая.

– А-а-а, денег нет. Это да, существенный минус для будущей жены. Богатство развращает.

– Перестань паясничать, Рух. Я люблю тебя.

– А я тебя не люблю.

– Ты же обещала сказать мне, что любишь. Три слова, а так и не дождался.

– Обещала когда, помнишь? После свадьбы. Свадьбы не будет и признания тоже. Пустой разговор. Не хочу жить воспоминаниями.

– А я хочу.

– Живи. Моего жениха зовут Виктор.

– Только что имя придумала? Я не спрашивал.

– Мы в школе сидели за одной партой. Он помогал мне с математикой, а сейчас учится в престижном медицинском университете в Салониках на пластического хирурга.

– Потрясающе! Желаю удачи. Мы еще встретимся, когда

ты перестанешь жить фантазиями. Никого у тебя нет – я узнавал: все в школе тебя ненавидели.

– От нечего делать моим школьным прошлым интересуешься? Мне все равно, как к тебе относились в детстве.

– Это потому, что ты меня не любишь и не любила.

– Это потому, что я не собираю сомнительных сведений за спиной и не верю сплетням, как некоторые, бывшие женихи с манией величия. А теперь уходи, шоу окончено. Ну, мои бывшие одноклассники уши навестили, особенно Эжени. И до всего-то ему дело есть, как и Николаусу. Такое впечатление, что последний только затем и выходит на улицу, чтобы караулить меня с палкой, издеваясь потом надо мной и тем, кто мне дорог.

– А я тебе дорог? – с надеждой поинтересовался Тис, преданно заглядывая в глаза.

– Уже нет, но был. Странные у меня бывшие одноклассники, все любопытные. Одному только Андреасу всегда все равно, с кем я говорю, но он один здоровается со мной... иногда, когда вблизи нет Эжени и остальных его алкашей.

– Я пойду.

– Давай, придумай новый план, как меня вернуть. С мамой посоветуйся, – Рухсар рассмеялась и увидела, что Андреас робко поднял на нее глаза.

– Злая ты, – заметил Тис грустно.

– Как и твоя мама.

– Мама... она жизнь прожила, ей прощается.

– А я тоже прожила... и пережила... большую любовь...
Тис ушел.

Глава 4

С этого дня Рухсар ощущала себя Малышом из сказки Астрид Линдгрен про Карлсона, поскольку каждый раз Тис уходил и обещал вернуться. Когда мужчина по-настоящему ценит женщину и хочет быть с ней, неважно, по какой причине – он находит и время, и силы, и слова для осуществления идеи. Тис понимал, что богатая невеста ускользает у него из рук и делал все, чтобы избежать этой напасти. Мама подсказывала ему, как вернуть обиженную богачку без ущерба для жизни и здоровья, только пока что-то ни одна из предложенных и воплощенных в жизнь схем не работала.

Эжен разговаривал с Андреасом о Рухсар. Тема была странная, учитывая то, что Эжен яростно ее бойкотировал. Андреас большей частью молчал о своем отношении к девушке или неумело пытался оправдаться. Они постоянно торчали у киоска, где продавали дешевое пиво и закуски. Это Рухсар по наивности и неопытности, а также по незнанию казалось, что они только пьют и сидят на скамейке, а в действительности Эжен работал водителем – экспедитором, а Андреас строителем на предприятии, строящем новый дом. Работа была не постоянная, выходные бывали среди недели, так что пить и курить в свободное время не возбранялось.

– Я тебе запрещаю здороваться с этой девушкой. Почему

ты это делаешь, ведь мы уже говорили об этом, и я просил этого не делать?

– Я – не твоя собственность, Эжен. Иногда я делаю то, что считаю нужным.

– Она тебе нравится, да?

– Мы вместе учились и я просто вежлив. Я здороваюсь со всеми, кого знаю, пусть и не все отвечают мне тем же.

– Она хоть раз ответила тебе?

– Постоянно здоровается. Отвечает с улыбкой, кстати. Она нормальная девушка, без предрассудков, кажется, даже. Я пьющий, курящий, толком не работающий бездельник, без машины, отдельной квартиры и без перспектив на будущее. А она вежлива со мной точно так же, как с остальными. Я ценю людей, которые не чураются таких, как я. У меня даже высшего образования нет и не будет. Обычная рабсила и все.

– Учти, добром это не кончится в один прекрасный день.

– Ничем это не кончится, не переживай. Мы разные люди и находимся в разных социальных слоях. Слышал, у нее уже есть новый жених?

– Этот красавчик, препод, не верит в эту чушь, а ты веришь?

– Есть жених, нет жениха, какая разница? Все равно ведь будет однажды. Она вовремя выйдет замуж и родит детей. У богатых жизнь обычно течет по плану, все расписано и сбоев не бывает.

– Почему же она рассталась со своим преподавателем?

– Подойди к ней и спроси.

– Думал, ты это сделаешь.

– У меня других проблем, что ли, нет?

– А чем ты занимаешься? Ничем же!

– Почему ты так решил? Вот сейчас собираюсь взять кредит на открытие своего дела.

– А чем ты станешь заниматься?! – Эжен так удивился, что свои пороссячи глазки голубые выкатил.

– Строительством. Мечтаю строить дома.

– Но ты и так это делаешь! – Эжен развел руками в доказательство своей правоты.

– Сам, а не работать на дядю. В наше время работать под руководством начальника не модно.

– А что модно? Заниматься сомнительными проектами?

– Когда-то же надо начинать пробовать... жить, – робко улыбнулся Андреас.

У него была красивая и очень стеснительная улыбка, а глаза он постоянно опускал.

– Какой же ты... подпольный бизнесмен, блин, – усмехнулся Эжен.

– В дальнейшем собираешься копить на квартиру?

– Сначала машину куплю, а потом можно и о жилье подумать. Жить с братом и мамой не очень приятно, зато очень тесно.

– Да ты постоянно у любовниц живешь! Получил возможность от природы быть красивым, а красотой своей даже

не пользуешься!

– Пользуюсь, наверное. К сожалению. Любая женщина рассчитывает на большее, чем секс. И не называй моих дам любовницами. Зови их женами, как я.

– Не здоровайся с этой девушкой.

– Ее зовут Рухсар, и я буду с ней здороваться.

– Тогда я буду звать твоих шлюх любовницами.

– Ты такой упрямый!

– Как и ты.

Андреас рассмеялся.

– Бери пример со своего брата: он обязательно воспользуется своим обаянием – у него нет такой красоты, как у тебя – и найдет себе крутую, богатую бабу и запудрит ей мозги.

– Нет. Я совсем другой человек. Зачем мне вести себя, как подлец?

– Разве можно так говорить о родном брате?

– Полагаю, что можно, хоть и не очень красиво. Зато честно и откровенно. Еще вопросы есть?

– Нет. Пошли уже, пива купим.

– Во-о-от-т-т! А приличные люди в это время работают!

– По-твоему, мы не заслужили отдых?

– Но не такой же! Совместное распитие спиртных напитков развращает.

– Ты какой-то странный человек, Андрэ. Пьешь и стыдишься своего занятия.

– Да, пороков я стыжусь. Я трусливый и закомплексован-

ный. Поэтому у меня и девушки нормальной нет.

– Все твои любовницы ненормальные?

– Странные они. Встречаться с мужчиной только из-за красоты? Глупость это.

– Спроси, зачем они с тобой живут.

– А-а-а! Не стану. Очередная выкинет с квартиры, затем придется жить с мамой и братом. Неудобно.

– Ты же говоришь, что выгода тебя не интересует.

– Не интересует в том смысле, в каком заботит тебя. Но если хорошей девушки у меня нет и не окажется в свое время, придется жить так, как предназначено небом или кем-то еще.

– А ты романтик.

– Ага. Я вообще какой-то женственный. Девушки таких не любят. Им нравятся мачо. Ну, такие, что стихи под луной не читают, песен не поют, зато обращаются с ними по-свински и гордятся своими мужскими качествами.

– Рухсар нравятся такие?

– Почему ты вдруг вспомнил ее?

– Мне кажется, если она с тобой здоровается, она знает о твоём существовании.

– Правда, что ли?! Да ты что! А я считал, что она видит во мне привидение.

– Лучше было бы выяснить, кого она видит в этом преподавателе.

– Мужика она в нем видит. Настоящего мужика, а не раз-

мазню и не лоха.

Они перестали болтать о Рухсар, и пошли за пивом.

Глава 5

Тис не оставлял в покое Рухсар и с каждым разом его попытки вымолить прощение усложнялись и улучшались. Это как какой-нибудь сапожник или рабочий оттачивает свое мастерство в совершенстве. В очередной раз он решил соблазнить Рухсар мнимой дружбой, раз не получается уверить в своей настоящей любви. Он пришел к подъезду Рухсар и подкараулил ее вечером. Она шла с бассейна домой.

Тис нарядился, надел лучшие, темно-зеленые джинсы и серую футболку с рисунком. В университете он не подошел к Рухсар – его и так уже задразнили Брошенный жених, а просто смотрел на нее издали. Как мужчине, ему было очень обидно, что он оказался в такой ситуации, учитывая его красоту и популярность среди леди на выданье. Слухи распространяются моментально.

Рухсар мужественно вычеркнула его из своей жизни. Она занималась учебой и, как преданная романтическая героиня, ждала своего принца из далекой страны. Только принц ее был вполне реален, даже имел имя Виктор и вполне предсказуемые очертания. Рухсар даже не думала о том, что может ему не понравиться в повзрослевшем виде, она предполагала: раз он в детстве не отталкивал ее, как все остальные в школе, даже этот чудик Андреас, то она ему нравится уже давно и чувства не могут измениться. С точки зре-

ния женской логики это абсолютно нормальное предположение, но мужская логика отрицает чувства, проверенные временем. Как только любимая женщина исчезает из поля зрения, мужчина забывает все прошлое и переключается на новый объект. Впрочем, можно строить любые предположения, жизнь все равно расставит свои, абсолютно иные приоритеты. Акценты на вечную любовь ставить наивно.

Рухсар была одета в классическое, серое с черными диагональными полосами и декоративными черными пуговицами платье. Ей нравилось, что давно отошла школа с ее формой, и она не верила, что форма дисциплинирует людей. Если этому верить, почему же есть нарушители заповедей и законов страны? Они также носят форму в свое время, им это не мешает отступать от общепринятых правил и норм поведения.

– Привет, Рух. Как поживаешь?

– Почему мужчины задают именно этот вопрос женщине? На большее не хватает фантазии? Я учусь в том же университете, где работаешь ты, и ты меня видел сегодня. Если я не прогуливаю занятия, значит, со мной все хорошо.

– Что ты делаешь сегодня вечером?

Рухсар расхохоталась. Стоявший неподалеку, как обычно, Андреас, опустил свои прекрасные глаза в землю, рассматривая, очевидно, асфальт. Эжен ткнул его локтем.

– Отстань, – буркнул Андреас недовольно.

– Других вариантов привлечь мое внимание нет?

– Не знаю. Будут. Так что ты делаешь сегодня вечером?

– Все, что угодно: ем, сплю, готовлюсь к завтрашним занятиям.

– Я думал, отличницы готовятся сразу после прихода домой.

– Да, я уже давно готова, просто так сказала. Может, я не знаю, как иначе отвести тебя от своего дома?

– Никак. Я буду добиваться твоего расположения до последнего.

– Пока не лопнет мое терпение? Давай. Все равно у тебя ничего не выйдет. Вернется из Салоников Виктор, и я стану его женой. Не хочется связываться с тобой снова, что не ползти слухи и не разрушили мою репутацию.

– Когда ты написала мне то письмо...

– А-а-а, записку... И что тогда случилось?

– Тогда ты не боялась за свою репутацию. Я мог разболтать об этом всем в университете.

– Как показала практика, главное, вовремя заткнуться, когда возникнет идея рассказать о своих чувствах. Да все и так все знают. Ты же говорил им, что встречаешься с правнучкой миллионера.

– Просто упомянул.

– Сплетникам этого достаточно. А Виктор... он другой. Порядочный, серьезный, спокойный... Настоящий джентльмен!

– Посмотри, как расписывает своего... любовника! –

опять толкнул в бок Андреаса Эжен.

– Ну и что? Что ты прицепился ко мне? У нее есть жених и это нормально.

– Это замечательно! Не здоровайся с ней, она не заслужила.

– Ты судишь о людях очень узко, как так можно? Ты не живешь, а все время завидуешь.

– Зависть – двигатель прогресса. Хотя, чему тут завидовать? Этот препод нацелился на ее деньги, ими одними живет и дышит. Не хочет упускать блестящую возможность не работать до конца дней.

– Богатые тоже работают, не слышал об этом?

– Препод не слышал. Так увивается, прямо мед с уст капает!

– Сходи и ты, попытай счастья, раз тебе это покоя не дает, – неожиданно огрызнулся Андреас.

– Делать нечего мне! В ней нет ничего особенного. Мне не нужно одно богатство, хорошая внешность тоже должна иметь место.

– Тогда зачем ты все время говоришь о Рухсар?

– Потому что ты ее имя произносишь с придыханием!

– Что?! Какая чушь! О ней я даже не заговариваю.

– Может потому, что боишься?

– Нет! – Андреас выразительно посмотрел ему в глаза.

– Ты же всех и всего боишься.

– Ее я не боюсь. И у меня есть жена, нечего мне подсовы-

вать чужих женщин даже на словах.

– И Виктор красивый. Похож на киноактера. Глаза серые, дымчатые, в них что-то есть необыкновенное.

– А у меня?

– У тебя стандартные карие глаза.

– У тебя такие же.

– И это твоя любовь? Ты же меня любишь, твердишь об этом все время! Мужчина, который любит женщину, расписывает ее внешность романтичнее и в более выгодном свете, чем есть.

– Чем кажется. Да, знаю. А глаза у тебя карие, но взгляд строгий, не допускающий возражений. Словно ошибиться в твоём присутствии можно только раз. Я это и сделал, да? И нет мне прощения, – он преданно заглянул Рухсар в глаза.

– Ты посмотри, какая же сволочь, а!

– Что, прости? – переспросил Эжен возмущившегося словно бы не к месту Андреаса.

– Ничего, – Андреас вовсе не собирался углубляться в подробности, он и так ляпнул лишнее.

Эжен рассмеялся. Он понял даже больше, чем хотелось Андреасу. Такой сочувствующий, такой заботливый... Хороший друг мог бы получиться из Андреаса для Рухсар, если бы она верила в дружбу между мужчиной и женщиной.

– Ещё не знаю, смогла бы я простить тебя...

Андреас полыхнул взглядом в сторону Тиса и Рухсар. Трогательный тон Тиса и его чуткое, робкое поведение сде-

лало свое дело: девушку одолели сомнения в принятом решении.

– Ты подаешь мне надежду! Благодарю, – с этими словами Тис поцеловал кончики ее пальцев и ушел.

Рухсар зачем-то бросила взгляд на Андреаса и ушла домой. Тот отвернулся.

– Какая мелодрама, боже ты мой!

– Где? У них обоих?

– Да нет, но хочешь: пусть будет у них.

– Я тебя не понимаю, – попытался Андреас отвести от откровенного разговора.

У него ничего не получилось. Друзья есть друзья: они лежат везде, даже в твою личную жизнь, копошась в переживаниях.

– Хорошо, объясню: она его простит.

– С чего бы это?

– Женщины всегда прощают тех, кто этого не заслуживает. И препод красивый и настойчивый, что ценится даже больше красоты.

– Я тоже красивый, но...

– Как интересно-то! Продолжай: но она не обращает на тебя внимание.

– Я не это хотел сказать!

– Извини, перебил. Слушаю тебя.

– Я имел в виду, что красота не заслуживает такого ажиотажа, который вокруг нее поднимают.

– У тебя, бедного, без образования, есть только красота и есть... любовницы. Шестая, кажется, уже?

– Да, но они сами уходят от меня. Красота остается, а девушки меня бросают. Мало быть красивым, работать надо!

– Но первое впечатление ты производишь, не отрицай.

– Не на всех.

– Ты хотел сказать: не на Рухсар.

– Нет!

– Да. Выпьем?

– Как ты меня достал! Хорошо, пошли пить, больше все равно делать нечего.

– Почему же? Можешь попробовать признаться ей в своих чувствах.

– Ты что, с ума сошел?

– Я – нет, а ты – да. Ты хоть понимаешь, что у тебя шансов нет?

– Тебе везде мерещатся какие-то любовные истории. Баба ты, что ли?

– Это ты не мужик. Любишь – скажи.

– Смешно даже предположить, что будет, если я к ней подойду.

– Препод же подходит и раз пятый уже за месяц.

– Двенадцатый.

– Ты подсчитываешь?! – Эжен выкатил глаза.

– Это вышло... случайно.

– Угу. А фиксируешь их встречи в личном дневнике, где

все про любовь и мечты сбываются?

– Да пошел ты! – разозлился Андреас.

– Не пойду я с тобой пить!

– А куда ты денешься?

– К Виктору в гости пойду.

– Потому что ее принца тоже зовут Виктор? Хочешь хоть так прикоснуться к мечте? – Эжен заржал, как дурак.

Андреас плюнул в его сторону и ушел к Виктору.

Глава 6

Тис не стал более испытывать судьбу ожиданием, когда же Рухсар его простит. Он поговорил со знакомыми и узнал, какой бассейн она посещает. И записался туда же. Там бывшие влюбленные и встретились. Рухсар не была рада его видеть, но и не прогоняла. На ней был брусничный купальник, который, как известно, очень идет брюнеткам со светлой кожей. На Тисе были дорогие синие купальные трусы.

– Привет, – Тис не знал пока, что сказать дальше.

Неизвестно, отчего, на них смотрели посторонние и его это смущало. Вскоре выяснилось, почему вокруг столько любопытных взглядов.

– Смотри, смотри, заигрывает с правнучкой миллионера! Ничего себе, а ей повезло! Такой красавец! Она по сравнению с ним простовата, – заметил какой-то парень, из постоянных посетителей спорткомплекса.

Рухсар Тису в каком-то смысле помогла, неодобрительно обернувшись на присутствующих пловцов. Тис решил вести себя смелее, пока есть шанс.

– Вот, тоже решил заняться спортом, чтобы не растолстеть. Очень обожаю... сладкое.

– Я заметила, – улыбнулась Рухсар.

– То есть я толстый? – обиделся Тис.

– Нет, просто поддерживаю дурацкий разговор.

– Почему дурацкий?

– А зачем ты пришел? Хочешь попросить прощения в тысячный раз? Хорошо, я тебя простила, но мы расстались. Это не изменить, Тис, сколько бы ты ни ходил за мной по пятам.

– Жаль, – он поцеловал ей руку.

– Почему мне раньше нравилась твоя галантность?

– А теперь?

– Раздражает. Все в тебе раздражает: манеры, привычки, внешность...

– Я красивый.

– Нет, Тис, ты смазливый. Огромная разница. Вот мой будущий жених Виктор красивый.

– Будущий? Это значит, что Вы на эту тему даже не говорили? Какое самолюбие! И ты еще утверждаешь, что я от себя без ума!

– Он влюбится в меня, как только увидит. Он и в школе относился ко мне лучше всех, а люди с возрастом не меняются, просто взрослеют.

– Мечтай и дальше, глупая Рух. Я подожду, чтобы жениться на тебе.

– Может, лучше поплаваем? – предложила Рухсар, отчаявшись его переспорить.

– С удовольствием, – Тис протянул девушке руку.

Она приняла его теплую и красивую ладонь. Они по очереди прыгнули в бассейн и поплыли.

Вскоре после этого Эжен опять вздумал насмеяться над

своим другом, Андреасом. Только на этот раз у него были на то основания.

– Слышал, что твоя сказочница, ожидающая своего принца из Салоников, встречается с бывшим?

– Не говори глупостей. Она бы никогда его не простила, – всерьез ответил Андреас.

– Она его и не простила, но очевидцы видели их вместе... в бассейне. Он даже держит ее за руку, когда они плавают. Все у них уже на мази: он добьется своего. И ее туманный жених Виктор получит отставку до того, как узнает о том, что его называли женихом.

– Красиво говоришь, тебе бы фильмы снимать. Начнешь, может быть? Талант должен быть реализован.

– Не веришь и сейчас?

– Нет.

– Смотри, можешь сомневаться, но Рухсар такая же, как все.

– Тему, в которой все женщины – шлюхи, я принципиально не поддерживаю.

– Молодец. Все еще на что-то надеешься?

– Оставил бы ты уже в покое людей, Эжен. Они не все плохие. Эта девушка найдет свое счастье.

– Не хочешь стать частью этого счастья?

– Нет. У меня есть жена, я вполне доволен жизнью. В отличие от тебя, любовные трагедии на каждом шагу мне не мерещатся.

– Если Вы с ней поженитесь, ты тоже станешь ей доверять?

Андреас посмотрел на него укоряюще. Но даже такого взгляда не хватило бы, чтобы переубедить Эжена в том, что ему казалось.

– Не могу себе этого представить.

– Конечно, как можно пожениться, если ты даже шагу ступить без меня не можешь?

– С чего ты взял?

– Ты труслив, Андреас. Когда в первом классе всех учеников расставляли по росту для общей фотографии, Рухсар надо было встать за тобой, но ты ее категорически отверг и даже начал ныть. И в другой раз, в каком-то там классе, когда Вы сидели за одной партой, она заметила ошибку в твоей тетради, ты расплакался и попросил отсадить ее. Все время ноешь, когда она пытается к тебе приблизиться. Я уже начинаю подозревать, что у тебя на нее аллергия.

– Лично я думаю, что у тебя паранойя. Я точно труслив, мне не нравится, когда меня трогают, даже девушки, даже правнучки известных миллионеров. Пусть они купаются в своих миллионах подальше от моего нежного характера. Так понятно?

– Скажем так: понятнее.

– Не в этом смысле! Ты опять подумал не то, что следовало!

– Давай посмотрим: а что же я такое подумал, что тебя это пугает?

– Меня это задевает.

– Так что же?

– Не будем это обсуждать.

– А если будем?

– Обсуждай один, а я не стану. Завтра еду оформлять кредит.

– Неужели он одобрен? Диву даюсь.

– И совершенно напрасно. Я хорошо получаю, я человек надежный...

– Ну да, уже столько лет хранишь верность одной и той же женщине... Вернее, только мыслям о ней...

– Если ты не заткнешься, я...

– То ты двинешь мне в морду и кредит тебе не дадут. Тебя посадят за хулиганство, и у Рухсар появится возможность ткнуть в тебя пальцем, чтобы подтвердить преподу: «Я же говорила, что он хулиган!» Зато она, наконец, обратит на тебя внимание. Еще ты можешь почитать ей стихи Есенина, это модно и соответствует ситуации: «В первый раз я запел про любовь, в первый раз отрекаюсь скандалить...» Прямо в тюрьме, когда она передачу принесет. И ты увидишь, что ей нравятся не только мачо, читающие стихи при луне тоже подойдут...

– Как ты мне надоел со своими романтическими предположениями!

– Правда... она неприятна.

– Это неправда.

– Разве? Тогда почему ты так нежно опускаешь глазки, когда она случайно на тебя поглядывает?

– Креститься надо, если кажется.

– Я атеист. А еще я верю в то, что ни один мужик просто так с бабой не здоровается.

– Я вежливый. Она моя одноклассница.

– Что же ты не здороваешься с остальными одноклассниками?

– Я их не встречаю.

– Ты бы ей еще дружбу в соцсетях предложил!

– Нет, тогда я увижу, с кем она проводит время, кто ей нравится... Меня это пугает.

– Только не заставляй меня сейчас подозревать, что ты ревнуешь!

– Вот еще! Я и слова-то такого не знаю: ревность! Меня просто напрягают чужие тайны. Сейчас я отношусь к ней нейтрально, но все может измениться в худшую сторону, если я узнаю ее получше.

– Предусмотрительный, молодец! Тогда тебе не стоит вообще приближаться к этой девушке: у нее многочисленные семейные тайны. У родственников миллионеров их всегда полно.

– Машину хочу купить, какую-нибудь простую. Например, Хендай Санта Фе.

– Давай. Думаешь, Рухсар оценит?

– Думаю, ты, наконец, заткнешься и поймешь, что тебя

эта девушка интересуется больше, чем меня.

– Bravo! Достойный ответ будущего зятя профессора Ноя Лефтериса.

– Я уже устал отмахиваться от твоих странных шуток.

– И не делай этого, все равно ведь не поможет. Рано или поздно тебе и ей суждено быть вместе... хотя бы секунд десять. Потом она поймет, что ты чучело, как считала и с самого начала и слиняет с места преступления.

– Я пошел, мне некогда выслушивать это.

– Давай. Пока, Андрэ.

Они пожали напоследок друг другу руки. Даже эти перепалки не мешали им дружить дальше.

Глава 7

Тис отчего-то решил сделать решающий шаг прямо у подъезда Рухсар. И, конечно, Андреас с Эженом стояли неподалеку. Тиса это не остановило, смущение он испытывал единственный раз в жизни: в тот момент, когда обнаружил письмо Рухсар в своем журнале. На деле же он был нахальным, развязным и достаточно нетактичным молодым человеком. Именно такие юноши нравятся девушкам, скромные и порядочные мужчины ценятся героинями только в любовных романах.

Итак, Тис купил обручальное кольцо в магазине, принадлежащем ранее Роберто Барберри, а теперь, после смерти, Вере, как его дочери и наследнице. Он даже денег не пожалел на одно из самых дорогих и красивых колец. Тис прикидывал, что, потратившись как следует сейчас, в дальнейшем он сорвет банк.

– Здравствуй, Рух.

Андреас прислушался к разговору и поморщился. Ему не нравилось, как зовет девушку этот парень. Ему больше импонировало либо имя Сара, либо полное, Рухсар. Но какое ей дело до того, что ему нравится, а что нет? Ей нравится Тис, ее преподаватель. Скоро он сделает что-то такое, что вынудит ее простить его. И он сделал предложение. Повторное, ведь первое было отклонено.

– Здравствуй, Тис. Опять пришел, вчера же виделись в бассейне.

– У меня к тебе серьезный разговор.

– Как обычно. Твои серьезные разговоры уже вошли в привычку.

– Но они ничем не заканчиваются...

– Так вот именно! Зачем же ты время теряешь?

– Мне не жалко для тебя времени.

– Хорошо, слушаю.

Тис неожиданно встал на одно колено и, вытащив из кармана золотую коробочку с обручальным кольцом, раскрыл ее, как в кино. Было видно, что он тренировался перед этим, как сделать это элегантнее и произвести наиболее сильное впечатление. Андреас находился в шоке. Эжен улыбался, глядя на него. Затем нарушил молчание:

– Ты и сейчас станешь отрицать, что она тебе небезразлична?

Андреас молчал и слушал, что будет дальше, что ответит Рухсар.

– Рух, выходи за меня замуж.

Рухсар помолчала и посмотрела в глаза бывшему жениху. Неясно было, о чем она думает. Тис ждал, поэтому она прояснила ситуацию и дала колеблющийся ответ:

– Тис, мне нужно подумать. Не жди, что я отвечу «да» немедленно, как в кино и брошусь тебе на шею. Ты потрагился, ты побывал в магазине моего прадеда, но это не зна-

чит, что я тебе чем-то обязана. Я не такая женщина, с которой удобно во всем. Наоборот, я сама ищу такого мужчину. В браке не бывает равенства, любит всегда только один, а другой позволяет себя любить.

– Но... я люблю тебя. Разве ты не чувствуешь то же самое ко мне?

– Разве так уж важно, что я чувствую?

– Важно, как же иначе?

Андреас очень внимательно прислушивался. Эжен веселился в душе, глядя на него. Глупо на что-то надеяться, влюбившись в правнучку миллионера, у которой из женихов очередь стоит. Она богатого выберет. Деньги к деньгам...

– Иди домой, пожалуйста.

– Возьми кольцо, Рух.

– Возьму, если впоследствии приму твое предложение.

Тис настойчиво вложил коробку с кольцом ей в руку. И поцеловал эту руку. Андреас прикрыл глаза, взглянув на это.

– Не возьму кольцо обратно. Дарю, даже если ты мне откажешь.

– Хорошо, кольцо принимается.

Андреас чуть не выкрикнул: «И предложение тоже?!» Эжен улыбался, понимая, что Андреас взбешен и растерян.

Рухсар не ответила, примет ли предложение. Но Андреас уже все понял: она его простила и скажет «да». Мужчины так оригинальны в своих предположениях.

Тис ушел домой, а Рухсар зашла в подъезд. Андреас все ждал, что она посмотрит на него, как делала это частенько, если он на нее смотрел, не отрываясь, но она не стала его баловать.

В январе, когда все готовились к Рождеству, Андреас подкараулил Рухсар в ювелирном магазине, принадлежащем Вере на сегодняшний день. Он был пьян и покупал обручальное кольцо с другом ростом 165 в черном пальто. Рухсар поняла, что у него кто-то есть, она уже слышала, как часто он меняет женщин. И теперь предложение сделать собирается. Сезон признаний в любви начался, наверное.

Андреас, пьяный в дрезину, как Тис выражался – странно, что его не вывели из дорогого магазина – шел Рухсар навстречу. И заговорил:

– Сара-а-а-а! Привет!

Андреас никогда с ней не разговаривал. Рухсар понятия не имела, что это может случиться.

– Привет, – растерянно ответила она.

По имени не назвала – постеснялась присутствующего здесь его друга.

– Ты что такая худая, а? Как это так?

– Я мало кушаю, – тихо, отворачиваясь, поскольку Андреас шел прямо на нее, ответила Рухсар.

– Дай я тебя потрогаю! Надо потрогать, оценить, как это. «Кошмар!» – подумала Рухсар.

Она еще никогда в жизни не испытывала такого стра-

ха и в то же время любопытства. Андреас казался смелым в противоположность своей обычной трусости и излучал что-то такое, что смутно волновало и напрягало до невозможности.

Андреас начал обнимать Рухсар за талию, грудь, попу (а если откровенно, то лапать бесцеремонно). Рухсар уворачивалась, вырывалась, но Андреас хватал ее и обнимал. Работник магазина, молодая девушка, молчала и с улыбкой смотрела на них. Ей не полагалось высказываться в присутствии хозяев магазина и их родственников.

– Андреас,пусти! Ты выпивший, я не люблю!

– Тебе что, жалко, что я выпил? На свои пью!

– Да нет, просто не люблю пьяных.

– Я тебе не нравлюсь?

Рухсар не ответила. Что можно сказать на такое? Да, она понимала, что он красивый. Абсолютно в ее вкусе. Но пьет, гуляет и не работает. И руки у него горячие, сухие. И обнимал он очень сексуально. Было жутко стыдно. Рухсар понимала, что менеджеру было неприятно смотреть на такое.

А еще он, раздухавшись, говорил несколько раз, что Рухсар – его единственная любовь, подруга моя, вместе за одной партой сидели, но недолго – я сам виноват. Рухсар поразила больше всего эта фраза: «Я все помню, как мы за партой сидели!» Прежде она думала, что такое способны помнить только женщины. Андреас говорил с большим чувством, заглядывая в глаза. Рухсар в его пьяные, но краси-

вые глаза тоже смотрела, когда он ее прижимал к себе. Другу это рассказывал. Говорил о какой-то Элен, что она сука, работает в министерстве. Рухсар спросила ее фамилию, но он не помнил (кто бы сомневался!).

– А ты хорошая. Ты лучше всех! – он говорил ей.

И предлагал пойти вместе куда-то, куда Рухсар хочет, что он с ней пойдет и решительно тащил ее.

Кончилось все тем, что друг его утащил.

После всего этого Рухсар по привычке сделала выводы:

1) «Я подозревала, что он ко мне равнодушен, но такое! А еще говорят, что женщины все выдумывают. Выходит, не все»; 2) «Выходит, кое-что женщина все-таки чувствует. Флюиды»; 3) «Мы за одной партой-то совсем недолго сидели. А он так это помнит, что мурашки по коже».

Такая любовь всегда производит впечатление на женщину, даже если она к мужчине равнодушна; заставляет дрогнуть ее сердце. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке – Рухсар в это верила. Вот так оригинально она встретила Новый год и Рождество. Получила признание в любви. Настоящее, а не сомнительное, как от Тиса.

Глава 8

После Рождества Рухсар случайно увиделась с Андреасом. На сей раз он был трезв, как стекло, шел один, против обыкновения, и Рухсар улыбалась все время, как дурочка, увидев его и вспомнив его признание в любви. Да нет же, в любви он ей не признавался, она просто намечтала что-то, как женщины делают это, все, без исключения, даже смелые и независимые. Сейчас он выглядел невероятно смущенным, не знал, куда девать глаза и даже не ответил на приветствие. Обычный невежливый парень, каких везде полно. И почему он ей внезапно понравился? Обидно опять обмануться, даже если это не любовь и ничего похожего. Тем не менее, использовать его можно, раз он дал для этого повод. Как только Тис в очередной раз попытается получить ответ на свой вопрос, выйдет ли она за него, стоит его послать, но деликатно. С помощью Андреаса. Точно, какой отличный план и вполне подходящий парень для этого! Руки какие... Впервые в жизни Рухсар не могла избавиться от мысли, что хочет секса. Даже Тис никогда не вызывал в ней таких эротических фантазий. Странно, она еще девственница, а ее волнуют такие вещи. А Тис... с ним покончено. Иногда одна ошибка дает понять, что второй шанс давать не стоит, одного достаточно.

Андреас обычный пьяный, но ему надо отомстить за его безответственное поведение. За ошибки мужчины должны

расплачиваться не меньше, чем женщины. Рухсар дискриминация возмущала.

Тис подошел к Рухсар за ответом очень удачно, через три дня, прямо к подъезду по сложившейся традиции. У второго подъезда стояли Андреас с Эженом. Рухсар приготовилась дать отпор любимому преподавателю.

– Привет, Рух.

Андреас, имевший потрясающий слух к тому, что его все-ррез интересовало, поморщился. Преподаватель уже начал его раздражать, а как поссорить Рухсар и Тиса окончательно, он не знал и даже не пытался пробовать. Заранее знал, что у такого наркомана и пьяницы, как он, ничего не получится. Наркоманией он мысленно называл свою безумную страсть к девушке.

Рухсар посмотрела на Андреаса, как на спасительный круг. Он вздрогнул, очень правильно оценив ее взгляд. Но тут же помотал головой. Привидится же такое! Мечтать не вредно.

– Привет. Чего ты хочешь на этот раз?

– Ты знаешь. Мне нужен ответ.

Рухсар неожиданно произнесла удивительно нежным голосом:

– А у меня уже есть жених.

– Призрачный пластический хирург?

– Совсем нет. Настоящий мачо, красивый и сексуальный.

– Тебе же мачо не нравятся... – только и успел крикнуть

вслед Тис.

Рухсар надоели безостановочные и пустые приставания Тиса и, в соответствии с четко продуманным планом, она подошла к бывшему однокласснику. И заговорила с ним легко и непринужденно. Тронула его за рукав темно-синей куртки. Было прохладно, и Андреас был в теплой парке.

– Привет. Молчи и слушай, что я скажу. Ничего не нужно делать особенного. Просто улыбайся, если умеешь, конечно. Трогать меня не стоит. Ты мне не нравишься, просто есть человек, которого надо срочно исключить из совместного со мной существования. Он мне жутко надоел: делает предложение, а у меня уже есть жених.

– Виктор, я знаю...

– Да, он, но об этом тебе знать необязательно. Дай свой номер телефона.

– Зачем?

– Дай и все, не задавай дурацких вопросов. Я позвоню тебе в его присутствии – таких людей сразу не выгонишь, – а ты ответишь на звонок. Хочешь, я буду с тобой милой?

Эжен заржал, услышав это. Рухсар строго посмотрела на него и сказала:

– Заткнись!

Тот поперхнулся от неожиданности и перестал смеяться. Побаивался он таких девушек: тех, что не были от него без ума.

– Хочу, – согласился немедленно Андреас.

– Вот и молодец! Я знала, что на тебя можно положиться. Записывай телефон, – она протянула Андреасу сотовый.

Он записал в него свой телефон и ждал, что она скажет дальше. Рухсар оглянулась на Тиса – он не ушел, а смотрел на несостоявшуюся богатую невесту сумрачно. Тогда она подвела итог:

– До встречи. Встретимся в любой момент, когда тот человек меня достанет снова.

– Я согласен.

Рухсар быстро ушла домой – Тис не стал долго наблюдать за ними и тоже испарился. А Эжен с Андреасом продолжали разговаривать.

– С чего бы это такая девушка запросто к тебе подошла и заговорила? Ты что-то сделал, не иначе. Что же?

– Любопытство – не порок. Сделал самую глупую вещь на свете: признался ей в любви в пьяном виде.

– Господи, только не это! Не мог другого момента выбрать?

– Ты же сам меня подстрекал к решительному шагу, я и поверил в счастье... на несколько секунд.

– И как это было? Извини, но не могу не спросить.

– Да ладно уж, отвечу: в ювелирном магазине кольцо покупал ей.

– Что ты делал?! – Эжен поперхнулся.

– Не смейся: я хотел сделать ей предложение.

– Бывший наркоман и нынешний пьяница, не имеющий

ни гроша за душой, хотел сделать предложение правнучке миллионера?! Ты в своем уме?!

– Нет, я в сказке, где девушка, которую я люблю, может ответить мне «да».

– Я так и понял. Не делай этого.

– Да я не буду, шансов все равно нет.

– Зачем же кольцо купил? И деньги где нашел?

– Кредит дали. Строительную компанию открываю.

– Правильно: и тут же начал разбазаривать деньги направо и налево.

– На исполнение несбыточной мечты денег не жаль.

– Угу. Так как это было?

– Она зашла в магазин, когда я покупал кольцо.

– Зачем?

– Откуда я знаю? Это ведь магазин ее бабушки теперь.

– Ты хорошо осведомлен обо всех ее семейных делах.

– Да. И я стал ее обнимать, говорить, какая она худая, кажется, точно не помню, но она меня отталкивала. Правда, без особого энтузиазма.

– Почему, как думаешь?

– Да просто была шокирована моим поведением, вот и все. Я бы и сам не стал так себя вести, если бы не был пьян.

– Дальше что?

– А дальше как в кино все было: смутно и стыдно помню позор, обрушившийся на мою голову. Пить меньше надо.

– Да ну, не переживай! Смелость города берет. Она подо-

шла не к кому-то, а к тебе.

– Оттолкнуть своего бывшего. Только для этого я и го-
жусь. Я сказал, что она самая лучшая и назвал ее единствен-
ной любовью. Как я вообще осмелился обнимать ее и гово-
рить такие откровенные вещи?!

– Не знаю, алкоголь творит чудеса.

– Чудеса глупости. Пойдем ко мне, а? Выпьем.

– Пошли. Вот она, твоя жизнь: выпили и довольны. В бу-
дущем в твоей постели нет правнучки миллионера, не надей-
ся. Все мы именуем мечту о несбыточной любви надеждой.

– Ты начал читать книги?! – удивился Андреас.

– А вдруг я свидетелем буду на Вашей свадьбе? Надо со-
ответствовать, повышая свой культурный уровень.

– В следующей жизни. В этой со мной ничего такого чу-
десного не случится.

Рухсар рассказала отцу, что ее достает бывший жених
и нынешний преподаватель.

– Что мне делать? Каникулы начались, а Виктор еще
не приехал.

– Забыл тебе сказать: он и не приедет... сейчас. Планирует
задержаться в Салониках еще на полгода – год.

– Да что же я такая невезучая, а? – спросила она отца
и небо заодно, и вдруг рассмеялась.

– Папа, мне один парень сказал, что я классная девушка
и любовь его жизни.

– Какой парень?

– Одноклассник бывший. Если я замучу с ним на некоторое время, это не будет считаться смертным грехом? Я в курсе, как опасно прелюбодеяние.

– Если ты с ним не переспишь, то нет.

– Хорошо. Но нет, плохо: я бы переспала с удовольствием.

– Что?! – изумился отец.

– Он такой сексуальный! Я в жизни ничего подобного не чувствовала! Он меня обнимал и было... так приятно. Просто круто!

– Ты говоришь, как наивная дурочка.

– Может быть. Никогда он мне не нравился – трусливый и красивый очень и все, больше никаких достоинств или очарования, а тут...

– Ты сошла с ума.

– Это он сошел с ума: любит меня, а женится на другой.

– Кто тебе сказал?

– Я видела его в нашем ювелирном магазине. И откуда у неработающего пьяницы столько денег?!

– Вдобавок ко всему, он пьяница?

– Да. Ну и что? Мужчинам можно все, а нам? Да ладно, не пугайся: у нас ничего с ним не будет. К сожалению. Было бы интересно, не показалось ли мне, что он в постели тот, что нужен мне: нежный, чуткий, ласковый...

– Зачем ты говоришь такое своему отцу?

– Мама мне не даст высказаться. Немедленно пристанет: какой он, какие у него волосы, глаза (серые, оказывается –

всю жизнь не замечала), какой рост... В-общем, маме ничего рассказать невозможно. Они слушают, немедленно раздавая советы.

– А я просто слушаю...

– И поддакиваешь. Очень удобно, это мне и требуется.

– Когда это я соглашался с тем, что этот юноша тебе бы подошел?

– Ну, так согласишься все равно. Я просто поделилась своими открытиями, замуж за него не собираюсь...

– Только спать собираешься.

– Вряд ли. Я даже с любимым человеком не спала, а Тис очень привлекательный, когда настаивает и врет. Я побежала в спорткомплекс, папочка. Маме привет.

– Ага, передам, когда она вернется из своего путешествия по планете... Нет на свете комплимента, который бы не знал и не сказал ей Сет.

– Папочка, она тебя любит! Пока!

– До свидания, дочка.

Глава 9

Когда у тебя папа – профессор, а мама – профессор и сценарист, очень легко быть восторженной и любящей жизнь девушкой. Тис все больше и больше вынуждал Рухсар переходить на другую сторону. Сторону непросщения и зла. Поэтому она окончательно решила предложить Андреасу встретаться, чтобы наверняка задеть навязчивого поклонника.

Тис, однако, не заревновал, увидев Рухсар с Андреасом уже вскоре. Они стояли у подъезда и разговаривали. Разговор был ни о чем и в то же время обо всем на свете, как у всех влюбленных.

- Почему трубку не взял, когда я тебе звонила?
- Я все еще не могу простить себе того случая...
- Какого случая? Когда сказал, что ты в меня влюблен?
- Я не так говорил. Слово люблю не звучало.
- Вы, мужчины, так боитесь ответственности. Вам не скучно жить?
- Нет. Рядом с тобой мне не скучно, а страшно.
- Очень хорошо. Мне такой мужчина и нужен: подкаблучник.
- Зачем?
- Хочу диктовать мужчине все свои желания. Мужчина – исполнитель, я – генератор идей.
- Ты правда хочешь со мной встречаться?

– Правда. Ты абсолютно подходишь для предприятия, которое я организовала. Ты сейчас правильно подумал: теоретически мужчинам нравятся ласковые и милые женщины, но на практике они влюбляются в сильных натур.

– Я не считаю тебя неласковой, просто со мной ты не имеешь возможности себя проявить.

– Так говорят, чтобы себя успокоить. Поверь мне, я не сентиментальна. Прошло то время, когда я верила в любовь, сейчас я хочу забыть о ней.

– Понятно, что тебя абсолютно не волнует мое признание.

– Вот тут ты ошибаешься. Волнует и очень... Я хочу тебя с тех пор, как ты обнимал меня в магазине. Ты тогда показался мне сексуальным и... порядочным. Оказалось, что от таких взаимоисключающих качеств бросает в дрожь. Что ты на это скажешь?

– Ничего.

Рухсар удивилась, но не показала вида. А Андреас не знал, что ей ответить. Если сказать, что он хочет ее уже очень давно, она причислит его к сообществу озабоченных и прогонит, как бывшего. Теперь ему не хотелось быть ее бывшим, только настоящим и будущим.

– Если ничего, то, может, расстанемся до следующего раза?

– Слушаюсь, – увидев ее слегка растерянный взгляд, он поспешил сказать:

– Я подкаблучник, как ты хотела.

Рухсар рассмеялась, а Тис и тут не приревновал. Андреас ушел, подошел Тис, и Рухсар пришлось опять выкручиваться.

– Красивый парень.

– Да? И не ревнуешь? Это и есть мой жених. Его зовут Андреас и мы знакомы со школы.

– Сейчас ты скажешь, что он носил твой портфель, провожал тебя, делал за тебя домашние задания...

– Нет. А с заданиями, скорее, я ему помогала.

– Невероятно. Зачем тебе безграмотное быдло?

– С чего ты взял, что у него нет образования?

– Сколько мы вместе, он только торчит во дворе со своим другом и пьет. И еще подслушивает наши разговоры. Кем он работает?

– Страшный секрет. Это я рассказываю только тем, кого по-настоящему уважаю.

– И это говорят именно тогда, когда у человека нет ни профессии, ни работы.

– Есть у него и то, и другое.

– Так спроси, чтобы врать не приходилось.

– Я... узнаю.

– Знаешь, что я думаю о нем и о тебе?

– Что? Очень интересно узнать, почему ты не ревнуешь, если любишь, как уверяешь.

– Ревнуют глупцы и неврастеники. Я считаю, что ты специально подстроила эту встречу, уговорила его говорить

с тобой и вызвать мою ревность. Прости, но такая банальщина!

– Ты просто строишь из себя интеллигента, настоящие образованные люди говорят банальность.

– В твоих попытках свести меня с ума нет ничего особенного. Я никогда не попадусь на уловку, старую, как мир.

– Правильно. Не попадайся мне больше на глаза, если не хочешь продолжения спектакля.

– А его и не будет. Этот парень скоро поймет, что ты его используешь и слиняет, как все. Ни одному мужчине нельзя навязать женские уловки и прихоти. В мужчине есть особый стержень, позволяющий уходить от женщины в тот момент, когда почувствует, что становится под ее влиянием подкаблучником.

– Именно поэтому ты вовремя изменил мне? – с болью спросила Рухсар.

– Я... нет. Я не то хотел сказать!

– Еще скажи, что не хотел меня обидеть. Прощай, Тис. Не хочу больше выслушивать твои странные намеки и видеть твое лицо.

– До свидания, Рухсар.

Тису пришлось уйти. Не умел он вести себя с женщинами. Выпендриваться умел, волосы красить, следить за модой, чувствовать себя выше всех, а вот не вести себя, как козел – нет. Вести себя нормально некоторым мужчинам приходится учиться ценой собственных ошибок и потерянной жизни.

Глава 10

Рухсар была очень близка с отцом, она все время утешала его в спорах о матери и ее поклонниках, уговаривала его не ревновать и смириться с тем, что Одри все еще молода, а профессор Ной уже очень не молод.

В этот раз ей самой понадобился совет. Ее очень унизили и оскорбили колкости Тиса, и она не знала, как не столкнуться с подобным в следующий раз. Как можно вообще не обижаться на людей? Если человек не обижается – его просто никто и никогда не обижал. Обидеть можно любого – было бы желание, только зачем?

– Папа, Тис меня обидел. Он сказал, что я встречаюсь с Андреасом только затем, чтобы вызвать его ревность.

– С кем ты встречаешься? – удивился отец.

– Прости, но ты мне не говорила, что у тебя кто-то есть.

– Это тот самый парень, который признался мне в любви весьма посредственно и одновременно чудно. Бывший одноклассник.

– Красивый и сексуальный?

– Ты только эти качества в мужчинах запоминаешь, отец?

– Я акцентировал на этом внимание лишь потому, что ранее ты это сделала: описала его внешность очень подробно и душевно.

– Душевно?

– Пьяница и романтик. Идеал для современной, независимой девушки. Ты собираешься отучить его пить?

– По-твоему, мне больше нечем заняться? Мы не встречаемся всерьез – это только игра, рассчитанная на бывшего.

– И тебя обидело то, что он твой маневр разгадал. Почему?

– Ну, я не думала, что он так умен.

– Он не умен, а всего лишь проницателен.

– В таком случае, отныне я люблю проницательных мужчин, но не уважаю их. Странно, да?

– Нет. Обыкновенная переоценка ценностей. Что ты собираешься делать дальше?

– Мы будем встречаться с Андреасом, Тис от меня отстанет и я дам Андреасу отставку.

– Бросишь парня, который тебя любит?

– Он меня не любит, ему это только кажется.

– Но он тебя волнует, я так понял! Когда меня волновала твоя мама, я не смог сделать первый шаг.

– Да-да, слышала это. А Андреас сделал. Но он трус – это отталкивает любую нормальную женщину. Признания в любви в нетрезвом виде ныне не котируются у умных девушек.

– Тогда скажи ему это и он сам уйдет. Человеку, который, возможно, тебя любит, лучше не подавать надежду. Откладывание решительного разговора на неопределенный срок ранит больше, чем ты думаешь. Это подло.

– Я не подлая, папа.

– Так докажи это!

– Тебе?

– Нет, этому парню. Сделай ему приятное: расстанься с ним раньше, чем он болезненно к тебе привяжется.

– Я... попробую.

– Давай. Я дал тебе по-настоящему ценный совет. Не делай другому больно, если не хочешь, чтобы впоследствии кто-то решил поступить так с тобой.

– Со мной уже так... обошлись.

– Это не повод мстить бывшему парню руками нынешнего кандидата на эту должность.

– Кажется, я знаю, что мне делать, папа. У меня появилась блестящая идея...

Тис уже на следующий день пригласил ее в дорогой ресторан, чтобы вновь попросить прощения за измену. В кино проходило некоторое время и девушки прощали любимого. Рухсар всего лишь женщина и иначе вести себя не станет.

Тис надел лучшие джинсы, футболку с крутыми надписями и ждал Рухсар за столиком. Она специально опаздывала: хотелось пощекотать его нервы и унижить самолюбие.

Андреас вообще облегчил ей задачу: ему надоел этот парень и он решительно выследил, куда направляется Рухсар и явился при полном параде, разве что ненакрашенный, но в хорошем костюме, серо-зеленой рубашке и даже галстуке, в этот же ресторан. Рухсар хотела позвонить Андреасу

и пригласить его в ресторан, чтобы дать возможность понаблюдать за ними обоими, но Андреас решил решить свою судьбу самостоятельно. Он сидел за соседним столиком, дико нервничал и ему хотелось курить, но он понимал, что, выйди он на улицу – пропустит самое интересное, в зале же курить было запрещено.

Рухсар появилась с опозданием на сорок минут. При этом на ней было лучшее, дымчатое с желтым оттенком платье с вырезом каре, которое безумно шло ей, в талии перевязанное шелковым желтым поясом и бантом, а также надела желтые с желтыми каблуками и перфорацией туфли на танкетке 6 см, а через плечо висел маленький желтый, усыпанный блестками и стразами клатч. Словом, героиня любовного романа, в теории намеревавшаяся сказать принцу «да». Тис на это и рассчитывал, купив новое кольцо и выбрав подобный, вычурный и дорогущий ресторан в центре Афин. Рухсар собиралась разочаровать его, навсегда разорвав с ним всякие отношения без возможности реабилитации.

– Здравствуй, Рух.

– Привет, бывший любовник, – она специально поддела его словом любовник, подчеркнув, что секса он так и не получил, хотя рассчитывал на него, а не только на ее деньги.

– Делай предложение сразу, без красивых предисловий – они уже у нас были – красивые сцены привлекают только в романтическом кино.

– Я...

– Не надо этого я, ты, нам суждено быть вместе... Кроме того, у меня уже есть жених...

– А какого черта он приперся с нами в этот же ресторан?

– Как ты невежлив! Я его пригласила.

– Зачем?

– Я люблю его и всегда с ним честна. Он должен знать в лицо мужчин, делающих мне предложения – мы же не посторонние. Совет, допустим, даст.

– Какой совет?

– Как сделать так, чтобы ты оставил меня в покое?

– Никак. Я люблю тебя.

– Я пойду к жениху. Можешь не уходить, если тебе интересно, о чем мы будем говорить.

– Вас ничего не связывает – ты просто наняла его, чтобы испортить мне настроение.

– У тебя мания величия. Фу, ибо с некоторых пор мне такой мужчина не нужен.

– Нужен этот... пьяница, да? – с обидой выкрикнул Тис на весь ресторан, но Рухсар уже подошла к Андреасу и взяла его за руку.

И села напротив него на стул, глядя ему в красивые серые глаза. Андреас молчал и собирался выслушать ее. Он знал, что она скажет: что он ей больше не нужен, ибо бывший прощен – не вечность же его мучить, терпение заканчивается и у принцев тоже, не стоит разбрасываться идеалами.

– Привет, – просто поздоровалась она, нагнув голову

к Андреасу.

Она говорила так тихо, что, как Тис не вслушивался, смысл речи до него не доходил.

– Здравствуй... – Андреас не знал, что говорить.

Что говорить, когда мечты рушатся?

– Это я. Позади тебя сидит человек, которого я люблю.

– Я это, кажется, знаю, – тихо ответил Андреас.

Он уловил суть разговора и понял, что выступать против ее намерений бессмысленно.

– Как я буду жить без него? С кем я буду без него?

– Со мной, нет? – робко предложил Андреас.

– Не перебивай, пожалуйста! – поморщилась Рухсар.

– Я безумно люблю его. Но я очень гордая и не могу простить измену. Он сделал это походя, просто так, его чувства ко мне не изменились, а я не могу переступить через свои принципы.

– И это я знаю, потому что должен знать. Такие мужчины, как я, для этого и существуют: временно подбирать слова утешения героине в ее трагедии, а в дальнейшем абстрагироваться и исчезать навсегда. Тот, другой, всегда лучше, чем подделка. Я подделка, да?

– Да. Но ты не знаешь главного: я хочу за тебя замуж, – она не произнесла «я собираюсь», она сказала именно «я хочу», чем подала Андреасу ту самую, призрачную надежду – сделала то, чего обещала не делать своему отцу.

Женщины часто делают не то, что следует, а то, что велит

сердце в какие-то недолгие секунды. И больше всего сами от этого и страдают.

– Женись на мне, прошу!

Андреас молчал, затаив дыхание. Ему даже курить расхотелось. Реальность завораживала и обещала чудо. Тис продолжал прислушиваться, но ему ничего не было слышно.

– Мы будем счастливы. Со временем я смогу в тебя влюбиться, возможно...

А сама подумала: «Невозможно, я больше никогда и ни в кого не смогу влюбиться – моя любовь не умрет».

– Это не бог весть что, но тебе подходит, я думаю.

Когда мужчина соглашается на подобное, невидимое и неосязаемое ни одним из смертных счастье – его надо брать немедленно и никогда никому не уступать.

– Кто еще в тебя влюбится? – Рухсар совсем не учитывала его красоту, сексуальность и наличие у него не одной девушки за короткий промежуток времени.

– У меня странная манера общаться с мужчинами, но ты привыкнешь. Я правнучка Роберто Барберри и привыкла приказывать. Я никогда не смогу разучиться вести себя так, поэтому закрой рот и беги, пока не поздно.

Андреас закрыл рот, но и не думал срываться с места. Наоборот, именно сейчас он, наконец, поверил, что правы те, кто говорит: дуракам – счастье. В том, что он дурак, сомневаться не приходилось – себя он оценивал трезво. Свои возможности.

– Нет, – решительно и смело вдруг ответил Андреас.

Рухсар ни разу не видела его таким смелым, разве что тогда, когда он говорил ей о школьных годах. Но ведь алкоголь делает смелее даже таких трусов, как этот. Сексуально привлекательных трусов. Она опять вспомнила его горячие и сухие руки и на всякий случай зажмурилась – боялась, что глаза ее выдадут. Решила, что немедленно изнасилует его, как они поженятся. Даже шанса на отступление не даст. Все равно он сам ничего такого не предложит. Стоп! А как же его невеста – вспомнила Рухсар. Кому-то же он собирался делать предложение? Там какая-нибудь невзрачная и бедная девушка, о которой и вспоминать не стоило. Но Рухсар помнила, как остро она заревновала, узнав, что у него кто-то есть. И сейчас, похоже, ревность не отпустила ее, а ведь он согласился с ее предложением в тот же момент.

– А если нет, прямо сейчас иди в магазин моего прадеда и выбирай кольцо – я только такие дорогие магазины предпочитаю. И еще: я буду звать тебя Эндрю. Обожаю с детства это имя! Можно?

– Да.

– И не спрашивай, почему. Это бесит. Мужчины вообще бесят, причем с завидным постоянством. Эндрю... – задумчиво повторила Рухсар.

– Что ж... Мне нравится. Значит, договорились. Красивое имя. В будущем муже должно нравиться все, начиная с имени и заканчивая внешностью. У тебя красивые гла-

за и ты простой и красивый. Только не начинай таращиться – не люблю. Давай сейчас прямо договоримся: ты делаешь и говоришь то, что я люблю. Если нет – меня это не устраивает. Ищи себе другую невесту, – она хотела сказать, чтобы он женился на той девушке, которой покупал кольцо, но впервые поняла, что ревность не позволит ей быть настолько откровенной.

В теории она была решительной и смелой с самым трусливым и нерешительным парнем на земле, а на практике что-то в нем такое было, что не позволяло ей ругаться с ним, пытаясь получить желаемое. Вдруг фразой «Иди к ней и женись на ней» она подаст ему идею и окажется обычной оставленной девушкой и не просто брошенной, а брошенной самым никчемным парнем из всех, что ей встречались. Ну, что в нем хорошего? Одна сексуальность, которая волнует ее. Хорошо, она получит его в качестве мужа и вся его странная привлекательность уйдет. На одной постели отношения не выстроишь – на это только мужчины нацелены.

– Я и не умею таращиться. Ничто на свете не изумляло меня настолько, чтобы таращить глаза.

«Я ему больше не нравлюсь и его не волнует то, что я сделала ему предложение. Когда я перестала ему нравиться? Или это опять женское стремление видеть в мужских словах то, что кажется нам самим? Я богатая, красивая, но совершенно несексуальная. Видимо, поэтому у меня никого нет и не будет. Иначе бы он был удивлен, почему такая неподхо-

дящая для него партия сделала ему предложение».

Андреас прекрасно знал и понимал, что Рухсар устала бегать от человека, которого любит и решила отрезать ему путь к сближению... с помощью брака с самым неподходящим для нее парнем. Просто тем, кто подвернулся. Был бы ее несравненный Виктор – лавры бы достались ему. Опять сработала пословица: кто успел, тот и съел.

Рухсар не стала терзаться долго, она взяла Андреаса за руку и подошла с ним к Тису, все еще сидевшему неподалеку. И сказала, улыбаясь:

– Мы назначили дату свадьбы. Она будет 15 ноября.

Тис встал со стула и сказал насмешливо:

– Дешевка. Абсолютный болван и пьяница. Кем ты работаешь, парень? Рухсар богата, ты у нее собираешься брать деньги на совместное проживание?

– Нет.

– Тогда ответь мне, дорогая Рух (Андреас поморщился), где он трудится? Или ищет пропитание на помойке, бутылки сдает, да? – и засмеялся.

Рухсар тихо сжала руку Андреасу, прося защиты. Андреас понял ее растерянность и ответил:

– Я строитель. Работаю на крупной стройке, дома строю. Сам разрабатываю проектную документацию, основание, фундамент – все – моя идея. Если тебе понадобится нечто подобное – обращайся, с удовольствием помогу. Но за деньги. За хорошие деньги, ибо я классный специалист.

Тис почувствовал себя не очень хорошо. Он понял, что Андреас говорит правду и он не бомж, не обычный пьяница – у него есть любимое и стоящее дело, а теперь еще и невеста есть. Девушка Тиса. Чтобы как-то, напоследок, задеть соперника, он предложил Рухсар холодно и с насмешкой:

– Поцелуй его тогда... в моем присутствии.

– С ума сошел?! Это же элитный ресторан. Или фильмов насмотрелся? Они притворялись, притворялись, поцеловались по просьбе друзей и родных и тут – бац – и она – любовь! Я давно люблю его, Тис.

– Докажи! – ответил Тис, зная, что она не станет целовать этого парня, не те принципы.

Но Рухсар и тут его разочаровала.

– Ладно, смотри! – и потянулась к жениху.

Андреас сам ее поцеловал. Рухсар сразу почувствовала, как пол ресторана из-под ног уходит, голова кружится, и она летит куда-то, где почувствует себя легче воздуха. И руки горячие, сухие свели ее с ума тогда, а сейчас она последние остатки разума теряет... Как же он целуется... Тис не целовал ее так... никогда.

Рухсар все не могла очнуться, голова плыла, а Андреас решительно помог ей не опозориться:

– Все, как в кино. Мы закрыли глаза. Ты этого хотел?

Тис, не отвечая, бросился бежать из ресторана.

Часть 4

Как вырастить Принца из бывшего одноклассника

«Как я буду без тебя? Жить буду без тебя?

Где буду без тебя?

С кем буду без тебя?

Думать про тебя, до слез тебя любя...»

Кристина Орбакайте

Без тебя мне не мил

Этот мир грубых игр,

Я хочу потерять этот мир без тебя.

Без тебя чутко ждущу —

Сделай же что-нибудь —

Позвони, обмани —

Скучен мир без тебя.

Да любовь живет обманами,

Понимаю я, ты не каменный,

И порой закрыть глаза на миг

Нужно нам самим.

Не смогла я это вовремя

Сделать, и теперь так холодно,

Я наверно слишком гордая,

В первый раз одна в центре города.

Кристина Орбакайте

Ну, сколько нужно воли для такой силы мысли,

*Когда чтоб все вокруг довольны, упирается
в числа?*

*Ты, разбудивший в моём сердце столько разных
оттенков,*

*Ты только номинально здесь, а чувства
спрятаны где-то.*

Кусаю губы, ищу глазами

*А ты мальчик мой ты ещё просто
не знаешь, что...*

Я сочиняю роман, мужчина всей моей жизни...

Иду по вечному кругу...

Я так решила сама, перепечатаю мысли

И разошлю всем подругам.

Группа «Винтаж»

Глава 1

30.10.2015г. – 01.03.2016г. 11.55ч.

Первым сногсшибательную новость о том, что Рухсар и Андреас поженятся, узнал, естественно, Эжени. Андреас ему сказал, да еще и на свадьбу пригласил с позволения Рухсар. Она сказала жениху, что он может пригласить кого хочет, хоть всех своих друзей, да еще и добавила снисходительно:

– Не думай, что я какая-то стерва. Дружья у тебя, конечно, дебилы, но ты можешь любить их точно так же, как обязан любить меня. Надеюсь лишь, что твой Николаус не станет

на моей свадьбе таращить свои голубые глаза (как же я ненавижу голубоглазых!) и замахиваться на меня палками.

– Я скажу ему, что ты его ненавидишь.

– Да это он меня ненавидит! Я просто не считаю его неотразимым. Мужчины не любят этого, милый. Кстати, можно называть тебя милым?

– Можно. И дорогим можно. Тебе можно все.

– Обожаю тебя! Как хорошо, что ты не мачо! Их я тоже на дух не перевариваю.

– А твой идеал как же? Он.

– Обязательно о нем говорить?

– Нет. Знаешь, я поцеловал тебя, чтобы сделать ему больно. Когда бросаешь кого-то, просто необходимо сделать ему больно, чтобы лишить последней надежды на возвращение и примирение.

– Мой отец говорит: наоборот, ни в коем случае нельзя обижать людей.

– В любви иные законы. А знаешь, почему я хотел сделать ему больно?

– Нет и мне все равно.

«Я так и думал. Потому что мне было очень больно. Она всегда будет любить его. Я для нее так, замена настоящих чувств».

Эжени буквально заржал, услышав о свадьбе. А потом переварил новость и заявил:

– Не женись на ней, дурак. Она стремится сделать из тебя

марионетку, шарик на ниточке. И будет дергать за эту ниточку каждый раз, как ее бывший прибежит к ней и попросит прощения. Тебе это надо?

– Надо.

– Хорошо, сформулируем вопрос иначе: тебя это устраивает?

– Абсолютно.

– Рухсар знает, что ты сумасшедший?

– Еще нет. Я люблю ее.

– А это она знает?

– Нет. Думаю, она не понимает, что такое любовь обычного парня. Ей нужен принц, не меньше. Даже Тис ее не устроил, куда уж мне со своими странностями?

– Ну да, ну да. Она сделала тебе предложение.

– Да просто бывший ее достал, и она захотела от него избавиться.

– А как же Виктор? Она уже не ждет его, стоя на коленях и молясь о будущем счастье?

– Он приедет только через год. Рухсар не собирается так долго ждать, она хочет стать счастливой прямо сейчас.

– И для этого выбрала тебя?

– Я знаю, что это неудачный выбор. Но что ж поделаешь, другого все равно нет.

– Она уже познакомила тебя со своими родителями?

– Нет, но собирается. Да и мне надо представить ее маме и папе, а также брату. Хочу тебе кое-что сказать: Тис попро-

сил ее поцеловать меня, и я сам это сделал.

– Зачем?

– Во-первых, нам придется целоваться, а во-вторых, мне хотелось показать этому красавцу, что он не единственный парень в мире, способный целоваться.

– Как Рухсар отреагировала?

– Чуть не упала в обморок, кажется. Я хорошо целуюсь – природный талант, только, к сожалению, единственный. Больше у меня талантов нет.

– Думаешь, она захочет тебя? – прямо спросил Эжени.

– Если и захочет, я откажусь.

– Правильно, нечего баловать женщину, которая тебя не любит. Отлично, что хоть целуетесь.

– Поцелуями и ограничимся. Я хочу ее больше, чем можно себе представить. Зачем мужчины так падки на постельные отношения?

– Природа. Целуй, не обнимая.

– Это поможет?

– Должно.

Когда мать Андреаса, Антигона Мелэйна, узнала о том, что ее старший сын вступает в законный брак, она очень заинтересовалась происходящим событием. Это была маленькая, красивая, черноволосая и черноглазая, (Андреас чрезвычайно походил на мать) очень злобная женщина. Больше всего на свете она обожала своего младшего сына, Эжена, и делала все для его счастья. У Эжени вечно были кратко-

срочные романы с различными девицами сомнительного поведения и репутации, чем мать очень гордилась, считая его неотразимым и самым достойным любовником.

Рухсар очень нравилась фамилия будущего мужа, она считала ее романтической и собиралась взять. Андреас так совсем не хотел доверять Рухсар свою фамилию и хотел отказать ей в просьбе ею поделиться, но на практике у него это не получилось.

– Здравствуй, сынок. Здравствуйте, дорогая. Я Вас помню еще со школы: богатая, красивая и независимая.

– Спасибо. Будем знакомы по-новому: я выхожу замуж за Эндрю и беру его фамилию. Дорогой, ты же не будешь против?

– Нет... – растерянно ответил Андреас.

– Хочу доказать Вам, дорогая свекровь, что Ваш старший сын очень дорог мне. Я сама его выбрала – в наше время девушки стали очень самостоятельными. Может быть, старшее поколение этого не одобряет, но я бы не стала ждать до свадьбы, – она с улыбкой посмотрела на смущенного Андреаса.

– Вы мне очень нравитесь, девушка, хотя я не скрываю, что удивлена Вашей скоропостижной свадьбой. Мой сын... у него были девушки, но он не планировал жениться...

– В таком случае, я за него все спланировала, – нахмурилась Рухсар.

Андреас заметил сразу, но не понял, отчего Рухсар разозлилась. Можно будет спросить об этом потом, чтобы в даль-

нейшем не провоцировать вспышки гнева.

Эжен пришел и просто кивнул, увидев невесту старшего брата. У них не было близких отношений. Отец Андреаса тоже ограничился простыми вопросами о церемонии и мнением родителей Рухсар.

Знакомство с родителями Рухсар прошло тоже достаточно спокойно. Одри удивилась выбору дочери, но не стала спорить. Спросила только наедине, зачем ей это было.

– Ты же хотела Виктора дожидаться. Блестящая партия: богатый, красивый, престижная профессия. И о тебе спрашивал недавно.

– Когда?

– Звонил нам. Телефон разыскал наш.

– И что ты ответила, мама?

– Правду. Что он опоздал, и ты выходишь замуж.

– Ну, может, не стоило, а?

– Видишь, ты в своих чувствах к этому недалекому юноше не уверена.

– Какие чувства? Папа тебе разве не говорил, зачем я выбрала Андреаса?

– Чтобы насолить Тису.

– Чтобы забыть его. Пусть Андреас – быдло, пусть он неумен, необразован, небогат, зато он меня слушается и пока не изменяет.

– И что будет дальше? Где Вы будете жить?

– У меня же квартира есть.

– В твоей квартире, купленной нами. Просто замечательно!

– Извини, мама, но так сложились обстоятельства.

Отец за голову не схватился, но был изумлен.

– Все-таки совершаешь ошибку, дочка.

– Почему?

– Ты не любишь его.

– Можно подумать, он меня любит. Сколько я живу на свете – меня никто не любит, даже друзей у меня нет. Не знаю, кого в подружки невесты пригласить. Прадедушка говорил: живи жестко, используя людей. Я следую его совету.

– Так ты никогда не найдешь счастья.

– У меня и так его нет, какая разница. С принципами моего прадедушки я хоть пользу получу от человеческих слабостей.

Андреас очень деликатно подступился к невесте с интересующим его вопросом:

– Почему ты нахмурилась, когда мама упомянула о моих бывших девушках?

– Не твое дело! Был бы ты мужчиной – не спрашивал бы такие вещи.

– А я кто тогда? – удивился Андреас.

– Кто-кто, мужик ты. Это большая разница.

На этой ноте они и стали совместно готовиться к свадьбе. Времени оставалось мало.

Глава 2

Рухсар решила позволить на своей свадьбе абсолютно все, даже пригласила бывшего, Тиса. Когда она уведомила об этом сомнительном предприятии нынешнего, он внутренне вспылал, а вслух просто предположил, что он не придет.

– Придет. Он точно захочет увидеть, что я без него счастлива.

– Когда девушка без бывшего счастлива, ей не требуется это доказывать. Она его просто игнорирует и на свою свадьбу не приглашает.

– Если ты сейчас не заткнешься, мы не поженимся.

– Хорошо, делай глупости дальше, но без меня. Отнесись к этому самостоятельно.

– Странный ты человек, Андреас.

– Ты же решила переменить мне имя, – удивился жених.

– Ты еще не показал себя истинно классным парнем, после брачной ночи я об этом подумаю.

Тис с радостью принял приглашение, даже купил новый костюм и все остальное, чтобы произвести благоприятное впечатление на бывшую невесту. Нормальный, ныне действующий жених при таких обстоятельствах мечтает набить ушедшему в отставку морду. Какая свадьба без драки?

Рухсар хотела купить себе новое, еще более сногшибательное платье, но жених взял и спросил ее, о каком платье

она мечтает.

– У тебя же денег нет.

– У меня есть деньги. И квартира у меня есть, где мы будем жить.

Эжени уже знал, что Андреас купил отдельную квартиру, сэкономив на будущем строительстве. Безумные поступки мужчина делает, только когда любит по-настоящему.

– Разве мы будем жить не у меня?

– Я мужчина, Сара, и в этом смысле я обязан обеспечивать семью.

Рухсар взяла и рассказала родителям об этом. Они были в шоке, даже прочитали ей речь, как удачно она нашла парня.

– Сама думаю, что бы это значило. Как-то все шоколадно, такого ведь не бывает. И дело у него свое будет, и квартира есть... Но у него были девушки, непростительно много... Мне сделать ему замечание, зачем он жил с ними?

– Не знаю, доченька, – ответила Одри.

– А ты по этому поводу ссорилась с папой? Ах да, у него же никого не было.

– Были девушки, которые обращали на него внимание.

– Мамина фантазия, – рассмеялся профессор Ной.

– Была всего одна мамина подруга, которая оказывала знаки внимания всем парням, с которыми она разговаривала. Я лично ее не интересовал.

– Но ты предложил ей кофе в постель, как помнится.

– Ей Сет его носит уже много лет, твой несостоявшийся

любовник.

– Все ясно с Вами, мама и папа. Но будет ли у меня такая же милая история с мужем, как у Вас?

– Он совсем другой человек, как я могу загадывать о мужчине, которого не знаю? – ответила мама.

Вопрос не был исчерпан, но диалог зашел в тупик. Рухсар тем временем выбрала платье: белое, в пол, классическое атласное, на лифе и впереди с волнами вперед, в обратную сторону. Выглядело стильно и необычно. Лиф платья украшали маленькие бриллианты. Рухсар купила туфли цвета шампанского и фату аналогичного цвета, игнорируя подозрения в том, что спала с женихом до свадьбы.

Андреасу она выбрала классический смокинг темно-серого цвета и желтую рубашку. Черные смокинги ей не нравились.

Со стороны жениха было всего 25 гостей, со стороны невесты – 500. Рухсар не хотела пышную свадьбу, но обижать родственников не позволяли правила хорошего тона.

Ресторан выбрали тот самый, в котором Андреас получил неожиданное свадебное предложение, а Тис убежал, увидев совсем не то, что ожидал.

На свадьбу Тис пришел в зеленом костюме, белой рубашке и зеленом галстуке. Жениха перещеголять не удалось. Невеста смотрела на всех, кроме Тиса и тому пришлось вызвать ее в отдельный кабинет, рискуя репутацией и будущим общением с молодыми мужем и женой.

– Вижу, что ты счастлива. Ты этого хотела? У твоего мужа ничего нет, но ты продолжаешь делать вид, что принцы существуют.

– Принцы, может, и существуют, но моего мужа это не касается.

– Он не принц? Нет коня, то есть машины, и квартиры на побережье Тихого океана?

– Квартира есть, машина тоже, есть даже свое дело, но... Чего-то не хватает, Тис, и я даже не знаю, чего.

– Может быть, меня? – с надеждой спросил Тис, заглядывая прелестной Рухсар в глаза.

За дверью стоял и подслушивал Андреас.

– Что я наделала, Тис?! Ничего не понимаю.

– Что ты пытаешься сказать?

– Как я буду жить без тебя? Разве есть на свете кто-то прекраснее тебя, лучше и волшебнее?

– Скажи еще... так же, как говорила только что.

– Я люблю тебя. Люблю, но не могу простить. Что мне сделать, чтобы простить тебя, ведь жить без тебя не умею?

– Я не знаю.

– Что мне делать без тебя, Тис? Все мои мечты и желания связаны с одним тобой, как только я увидела тебя – я осознала, что это и есть вечная... любовь. Я не смогу больше никого полюбить...

Тис подошел к ней ближе и поцеловал. В это время зашел Андреас и решительно дал ему по лицу.

– Никак не угомонишься, да? Пошел вон!

– Андреас!

Тис не двигался с места, поэтому вторично получил по лицу от мужа Рухсар. И все еще ждал защиты любимой девушки.

– Тис, уйди, пожалуйста! – попросила Рухсар тихо.

Тогда Тис вздохнул и выполнил просьбу. Рухсар повернулась к мужу.

– Никогда тебе этого не прощу! Мы просто... прощались.

– Потрясающая сцена... прощания! Ты еще роман напиши и озаглавь его «Моя единственная настоящая любовь», – саркастически произнес Андреас.

– Дурак необразованный! Мужлан грубый!

– Все верно: я не понимаю настоящих чувств! А целуюсь я лучше все равно!

– Да ладно! Уедем в свадебное путешествие, и там ты покажешь, на что способен, гений постельных сцен!

– Что это значит? – не понял Андреас.

– Я знаю, что баб у тебя было больше, чем снежинок зимой!

– И что? Это преступление? – опять не понял муж.

– Если ты ничего не понимаешь, как ты можешь понять женщин? Меня не понимаешь, а требуешь, чтобы я не смела никого, кроме тебя, целовать!

– Да я отныне твой муж и, знаешь ли, как-то не рассчитывал на то, что ты станешь целовать кого-то другого!

– Это всего лишь бывший... Здесь ничего такого нет.

– Да все здесь именно... такое! Нельзя так вести себя на свадьбе!

– Подслушивать тоже не рекомендуется, но это замечание ты упустил!

– Много интересного узнал... и увидел!

– Вот-вот, и не имеешь права меня осуждать! – она выскочила из кабинета и больше к мужу на свадьбе не приближалась.

Дома, в его квартире, в которую он привез их после свадьбы – она оказалась хорошей, дорогой и красивой – Рухсар первым делом спросила, куда они поедут на Медовый месяц.

– Мы никуда не едем. Зачем, ведь Медовый месяц у тебя уже был?

– Когда это? – ошалела жена.

– Сегодня на свадьбе, когда этот тип поцеловал тебя, а ты его не оттолкнула. Подобные впечатления не сравнимы ни с чем в этом мире, что там какое-то жалкое путешествие с мужем куда бы ты ни было?

– Ты издеваешься, да?!

– Конечно, нет. Я все решил, мы остаемся дома и проводим работу над ошибками.

– Ты больной?

– Я нормальный, это ты вышла за меня замуж не по любви.

– Ты об этом знал, когда я предложение тебе сделала. Ладно, сменим тему. Не хочешь Медовый месяц – организуем

все прямо здесь, в твоей квартире. Она мне нравится, как и ты. У тебя хороший вкус...

– Нет, плохой. Я согласился с твоим предложением.

– Ты хочешь меня обидеть? Иди сюда, – она взяла его за галстук и потянула на себя, мечтая соблазнить.

Андреас решительно отстранился, убирая ее руки.

– Слушай внимательно, что я скажу: секса у нас не будет ни сейчас, ни потом, вообще никогда. Проживем и так. Многие пары живут без секса и счастливы.

– Ты с ума сошел?!

– Нет, это ты сошла с ума, думая, что не догадаюсь, что ты решила меня только использовать. Ты же никогда не влюбишься в меня, так? Тогда я тоже ничего не хочу. Пусть все остается, как есть: прозрачно и равнодушно.

– Но я... Я хочу тебя, Эндрю... Хочу сейчас... – сделала Рухсар еще одну попытку призвать его к благоразумию.

– Нет! Ты меня использовала, чтобы насолить бывшему, а я – чтобы доказать всем друзьям, что сексуален. Все отлично, мы квиты.

«Я тоже хочу насолить твоему бывшему, но больше всего – тебе, любимая. Почему нет?»

– Ты сексуален? Да чушь это полная! Думаешь, стану умолять, да, чтобы ты со мной переспал?! Да никогда не будет этого! Живи один и лопайся от гордости, что так хорошо устроился: женился на правнучке знаменитого миллионера. Ты только поэтому женился на мне, верно? Ты мне просто

под руку попался: не было бы тебя, я бы за Виктора вышла – он и красивее, и умнее тебя, дурак недоделанный!

– Зачем же ты призналась, что руки у меня сухие и горячие? Ты меня хочешь...

– У тебя мания величия, как у всех остальных мужчин. Я просто из вежливости секс предложила, надо же чем-то заниматься, если мы поженились...

«Врет она, но как же сексуально обманывает... Господи, если я вскоре не пересплю с ней – точно умру!»

– Если тебе нечем заниматься, кроме секса – разведись со мной, ты вполне можешь это сделать. Бывший на тебе женится – он не гордый, объедки подберет с удовольствием – он и представить себе не может, чтобы я так хорошо умел целоваться и не затащил тебя в постель, – но однажды все равно посмеется над тобой – вышла замуж и тут же разошлась – это смешно, повод для унижительного обращения и ядовитых шуток!

– Я не собираюсь разводиться.

– Да, еще вот что: составим, пусть и с опозданием, брачный контракт. Если ты изменишь мне с кем-то, особенно с ним, я сам подам на развод и опозорю тебя, несмотря на твое безупречное прошлое.

Рухсар хлопнула дверью, закрывшись в ванной. Андреас взялся руками за лицо и застонал.

Глава 3

Для Андреаса начались те самые невыносимые дни, которые в обществе именуются счастливым браком. Он просто с ума сходил, наблюдая просто, как Рухсар идет в душ, завтракает или собирается на учебу. На учебе ее ждал Тис, теперь уже точно равнодушный к ней не потому, что она была правнучкой миллионера, а потому, что была прелестна, как ангел.

Уже спустя пару недель Андреас, как всякий слабый человек и мужчина, обратился к Эжену, своему лучшему другу. Лучшие друзья обычно дают плохие советы, но здесь срабатывает инстинкт поделиться с ближайшим по духу человеком.

Эжен, разумеется, с радостью ввязался не в свое дело — ему очень понравилось, что теперь у лучшего друга есть любимая женщина, которая даже является его женой в болезни и здравии, но нет секса. Недалеких парней это смешит и умиляет.

— Как твои дела, приятель? Вижу, что семейная жизнь налаживается, — усмехнулся Эжен.

— Настолько налаживается, что она сделала мне повторное предложение: хочет переспать со мной.

— Ты отказал ей, надеюсь?

— Да, сделал все, что собирался: был тверд и непоколебим.

– Какова была ее реакция? Она разозлилась?

– Не то слово! Откровенно сказала, что вовсе не хочет меня, просто ей скучно и в браке только этим и занимаются, почему бы не попробовать... И еще: я просто попался под руку, а иначе она бы не меня, а Виктора выбрала и я несексуален – обычный мужик с манией величия, представляешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.